КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

СЛОВО

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИВ. БУНИНЪ—ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ. **БОР. ЗАЙЦЕВЪ**—МАТЬ И КАТЯ (повѣсть). **ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ**—ЧЕТЫРЕ ВѢКА. **Г. ЯБЛОЧКОВЪ**—ВЪ ПЛѢНУ (повѣсть). **К. ТРЕНЕВЪ**—МОКРАЯ БАЛКА. **И. СУРГУЧЕВЪ**—ПѢСНИ О ЛЮБВИ (повѣсть). **В. ВЕРЕСАЕВЪ**—МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

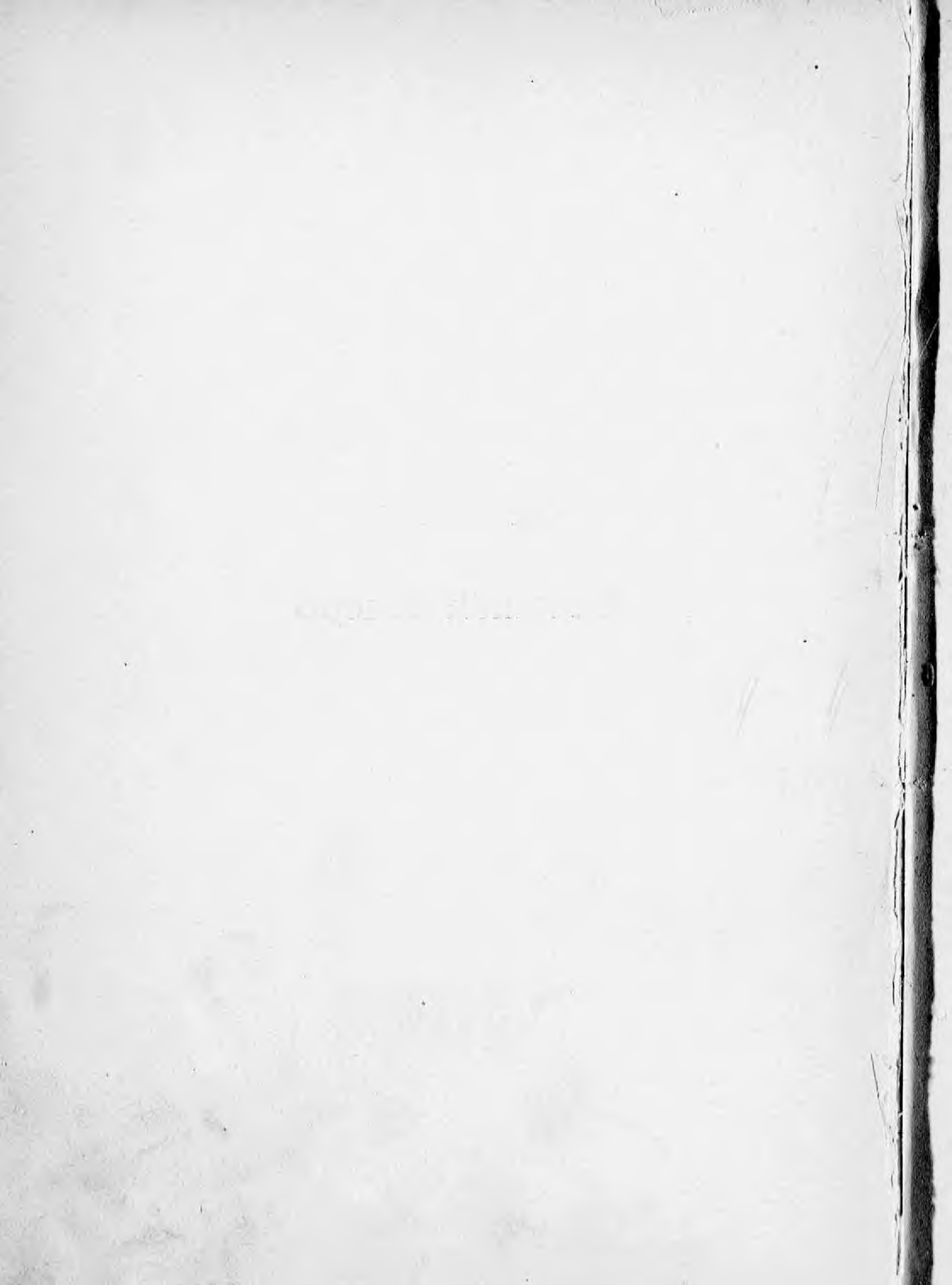
МОСКВА

1915 г.

Ив. БУНИНЪ

Весенній вечеръ

На Ѳоминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій—конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разлившагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шелъ, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивъ былъ, хотя еще плавала въ немъ одна бутылочно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ,—гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко,—плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачъ... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣ-

ковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазками, въ разнолоскутномъ чепчикѣ и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притопывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ,—заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки:

Ппайду плясать,
Альни полъ хруститъ,
Мое дѣло молодое,
Меня Богъ проститъ...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку—и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачокъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, находу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку на отлетѣ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка—и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ пуньки, и рычитъ, захлебываясь, съ

огненными глазами... Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, допахивали многіе, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормитъ... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыя постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ груднымъ на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большою. Ни чуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голыя каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ.—«Богъ дастъ, не прогнѣвайся!»—говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщась, непремѣнно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада бъ радостью подать, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали... Нищій соглашался, говорилъ:—«Ну, прости за ради Бога»—и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день верстъ тридцать и ничуть не уморился: только одеревенѣли, притупились, стали не ладно ковылять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кой-какимъ добришкомъ; а подъ снизками, подъ армякомъ въ большихъ заплатахъ, подъ овчинной курткой и заношенной рубахой, уже давно висѣла на крестѣ ладонка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старъ, худъ, вывѣтрился,—ротъ стянутый, пересохшій до черна́, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая,—но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльмами; да все-

таки видѣли—и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ на томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачъ, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ бережку и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, разщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хоть куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ повернулъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взметами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимонной старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ, — еще щепа валялась кое-гдѣ,—мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на выѣздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зе-

ленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ, подъ висячей жестяной лампочкой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ—нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня,—негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь.—Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣлъ было спѣть «Христосъ Воскресе», да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту... Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитыя полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнувъ въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полсапожками и виляя задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако...—негромко, какъ бы про себя сказалъ нищій—и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшагося къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголъ стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ,—передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ,—и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Что жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ приподнялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался?—грубо и шало спросилъ мужикъ.— Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать?—ровно и скромно отозвался нищій.—У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харцызскихъ десять лѣтъ работалъ...

— Энто не работа. Энто...

— Ты лишняго не говори,—не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку.— Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня!—сказалъ мужикъ.— Низвините... Я тебѣ вспрашиваю,—сказалъ онъ, нахмуриваясь, нищему:—какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть, къ примѣру...

— Погоди, я тебѣ умнѣй!—сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу.—Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ десятаго гренадерскаго малороссійскаго генералъ-фитьмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провиненъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу?—Это я его испытываю,—сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ. — Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангеліемъ преклонялся?

— Такъ точно,—отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ?—спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога,—отмахнулся мужикъ и повторилъ:—Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей Богу...—забормоталъ было нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ!—крикнулъ мужикъ. — Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что ли...

— Молчи, не смѣй такъ балакать со мной! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ, вытащилъ завернутую въ красный ветхій платочекъ бумагу.

— Подай сюда,—отрывисто сказалъ мужикъ.

И развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ,—съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами.—Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ свирѣпо.—Я все знаю, все прійзошелъ... самъ въ смолѣ кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ ее всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разберу. Я свою ревизію сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна...—пробормоталъ онъ:—Ахъ, да разнесчаст-

ная субботушка, нельзя въ полѣ работáть... Дѣлай!—крикнулъ онъ кому-то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить,—сказала она, поднимаясь съ мѣста.—Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спьяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи!—воскликнулъ онъ обиженно.—Хозяюшка! Да неужто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль,—сказала хозяйка.—Онъ въ городѣ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься!—сказалъ мужикъ.—Что жъ мнѣ, ай подъ дорогу теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подойникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цигарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь?—спросилъ мужикъ.

— Пью,—послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой,—сказалъ онъ хмуро и задумчиво.—Сволотá несчастная... побирушки... Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю,—опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ.—Не держитъ, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хо-

чется... Закусилъ бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Мнѣ бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, человѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ—поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ, и покланяются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи человѣки? Я этотъ стихъ долюбаю. Бери чашку,—своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нищаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и осторожно налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватитъ, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Ага! Накололся на мужичка, понялъ теперь, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичеръ, ни путя, ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю?—спросилъ мужикъ горько и глаза его налились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо,—тихо сказалъ нищій.—Идешь полемъ, большакомъ... одинъ, какъ есть... Опять же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Полъ-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ,—сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапоть.—Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ!—сказалъ мужикъ, поднимаясь, под-

совывая подъ себя штаны и садясь на нихъ.—Мои! А лапоть гдѣ другой? Совсѣмъ новый,—значитъ, обязательно укралъ... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже человѣка стоитъ... Ай я не пахарь, не косецъ?—А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ.—Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣлъ изъ темноты:

Жили были братья рòдные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и своднаи!—высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣденъ-скуденъ,
У гною-проказѣ...

— А другой бога-атый!—не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ.—Сердитѣй!—крикнулъ онъ, срываясь.—Мине горе съѣло, у всѣхъ людей праздникъ, у всѣхъ людей сѣвы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ, подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухла, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, рóдный мой братяцъ!—сказалъ мужикъ нѣжно, протягивая нищему полную чашку.— Оба мы съ тобой... Только чтó ты передо мной? Бродяга! А я рабочій человѣкъ, всѣхъ страдащихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву сѣлъ и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это что у тебя такое?—спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали,—сказалъ нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ—такъ? Брешешь!—крикнулъ мужикъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это саванъ—ввижу! Это гробный саванъ!—со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакалъ:—Возгордился я на Бога!—горько сказалъ онъ, плача.

И натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Усѣ муки прійзашелъ,
Всѣ печали прійзашелъ,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы...

— Душа моя грѣшница, веретенница!—дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопалъ въ ладоши:—Нищій человѣкъ, отдай мнѣ свои день-

ги! Я тебя насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую—отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было,—отдай за ради самого Господа-Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумракѣ, было безумно.

— Отдай!—повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ.—За ради Царицы Небесной—отдай! Вижу, вижу — за грудь, за пельки ухватился,—значитъ, есть,—у васъ у всѣхъ есть! Отдай,—тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я нáвѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ,—братъ, родный, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ,—тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь?—сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ...—едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучатъ сердца.

— Хорошо,—съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ.—Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ,—видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула—и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю...—пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ.—Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

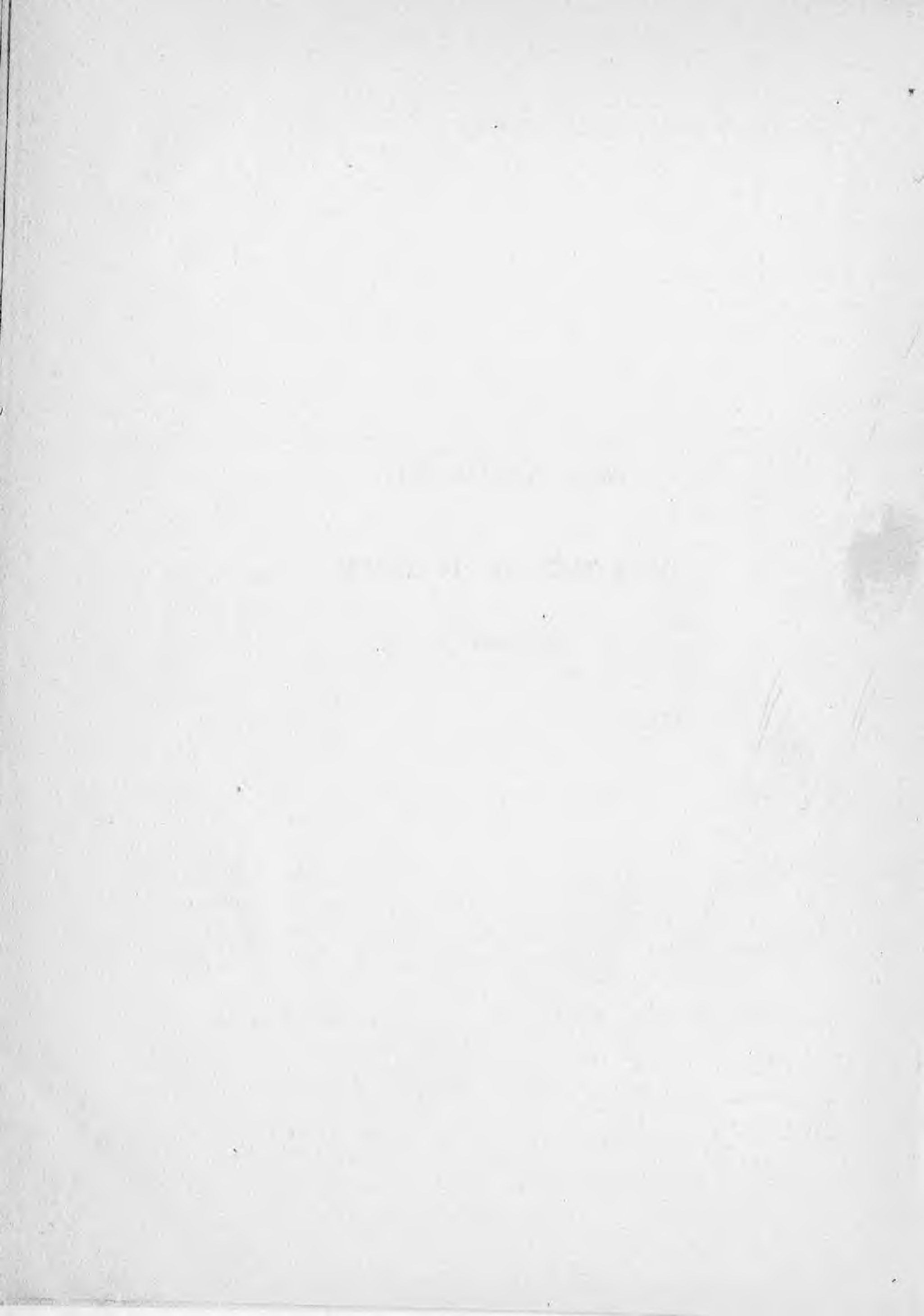
Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ, ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладонку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ далеко отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову,—шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго,—обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Ив. Бунинъ.

Бор. ЗАЙЦЕВЪ

Мать и Катя

ПОВѢСТЬ

I.

Хотя былъ уже май, и сезонъ какъ-будто кончался, однако, въ передней ресторана было шумно, и все еще подходили. Мѣстъ не хватало. Швейцары суетились, дѣлали видъ, что стараются всѣмъ угодить, но возбужденіе прислуги было фальсифицированное, какъ и все въ этомъ учрежденіи; искренно радоваться не могли потому, что на чай получали гроши. Что возьмешь со студента, молодого приказчика, контрольнаго служащаго, литератора?

— Бобка-Бобка, не найдемъ мы мѣста, опять придется уѣзжать,—бормотала Мать, слѣзая съ извозчика.

Другъ ея сердца Бобка, крѣпкій блондинъ, частный повѣренный, отвѣтилъ:

— Для насъ найдутъ.

Счастливой чертой Бобкина характера было то, что онъ всегда, и съ неотразимостью вѣрилъ: въ свою красоту, въ успѣхи у женщинъ, въ будущее богатство и въ присущую способность внушать уваженіе, боязнь.

И теперь, когда Мать, и сестра ея, курсистка Катя, сняли кофточки въ передней, а Бобка, оправивъ усы и волосы передъ зеркаломъ, вошелъ въ ресторанъ, низко-

лобый метръ-д'отель моментально устроилъ его вблизи оркестра, у пальмъ, какъ знакомаго. Бобка сѣлъ солидно; оглянулся, какъ бы оцѣнивая порядочность окружающаго—и попросилъ карточку. Онъ, дѣйствительно, бывалъ тутъ нерѣдко. Ему нравилось, что въ этомъ ресторанчикѣ недорого, но, какъ онъ полагалъ, «шикарно». Шикарность состояла въ томъ, что было много зеркалъ, подделки подъ красное дерево, что пошло былъ расписанъ потолокъ и видимо имитировали Вѣну. Злые люди утверждали, что ресторанъ содержатъ австрійскіе шпіоны.

Войдя, Мать и Катя не сразу нашли Бобку. Но онъ внушительно подалъ рукой знакъ; повторять его не сталъ, —онѣ и такъ должны были его замѣтить.

Матери тридцать съ небольшимъ. Она фельдшерица, довольно полная и миловидная, со здоровымъ загаромъ, мелкими чертами лица. Если взять ее за щеки и сдавить, получится похоже на кота. Она дѣлаетъ это себѣ, когда бываетъ въ духѣ. Ее называетъ Матерью Катя, за то, что она ее пѣстуетъ, охраняетъ ея молодость, помогаетъ учиться. За мощность сложенія и нѣкую лѣнь зовутъ ее и Ильей.

Катя худощавая, съ простымъ русскимъ лицомъ, пріятными глазами.

Нынче она какъ-разъ не очень въ духѣ. Когда Бобка явился къ сестрѣ, (онѣ жили вмѣстѣ), Катя не хотѣла даже ѣхать, но онъ настоялъ. Бобкѣ Катя отчасти нравилась, и онъ считалъ, что, значитъ, и онъ ей интересенъ.

— Ты бы ужъ свелъ въ настоящій ресторанъ, сказала Катя, садясь.—А то здѣсь ужасно душно!

Бобка поправилъ перстень на пальцѣ, и отвѣтилъ:

— Тутъ солидная публика. И притомъ, меня всѣ знаютъ. Даютъ лучшій столъ, быстро служатъ.—Евстафій,— сказалъ; онъ оффиціанту—ну-ка, отецъ родной, водочки тамъ, закусона.

Мать оглянулась и слегка прыснула въ салфетку. «Нашелъ солидную публику!»

— Бобка,—спросила она,—гдѣ ты выучился говорить: отецъ родной?

— Выучился! Обыкновенныя дворянскія слова.

Мать сжала себѣ руками щеки, стала похожа на кота, и опять фыркнула. «Съ Мѣщанской улицы дворянчикъ!». Смѣющимися глазами она смотрѣла на Бобку, на его красивое, грубоватое лицо, потомъ опустила руки и стала серьезнѣй. «Если съ Акимовой сойдется, отравлюсь, отравлюсь», промелькнуло у нея въ мозгу. «Жаль Катюху, все равно. Морфію приму».

Она выпила рюмку водки, потомъ другую. Стало теплѣе и веселѣй. Представилось, что все это чушь, выдумки. Мало ли что? И она въ Прагѣ ужинала со знакомымъ, а ему не сказала—онъ ревнивъ. Была—и ничего больше. Можетъ, и онъ такъ же: только хвостъ распускаетъ.

И оглянувшись, встрѣтивъ взгляды двухъ веселыхъ студентовъ, Мать даже ласково блеснула имъ глазами—знай, молъ, нашихъ.

Бобка быстро подмѣтилъ.

— Если ты будешь переглядываться съ сосѣдями, я уйду,—сказалъ онъ съ благородствомъ.

— Врешь ты Бобка, ни съ кѣмъ я не переглядываюсь.

Бобка хотѣлъ было разсердиться, показать свою значительность; но отвлекся двумя вошедшими. Одинъ былъ блондинъ, высокій, съ маленькой головой, въ свѣтломъ шелковомъ галстукѣ и сѣро-зеленомъ костюмѣ. Другой немолодой человѣкъ въ пенснэ, худой, отчасти разсѣянный; онъ слегка подергивалъ шеей, былъ одѣтъ альпійскимъ туристомъ. Нѣчто заграничное чувствовалось въ обликѣ.

— А, чортъ,—сказалъ вдругъ Бобка:—да это Колгушинъ, съ нимъ не знаю кто. Какъ это сюда попалъ?

Услышавъ свою фамилію, высокій блондинъ обернулся, осклабился и просіялъ. На носу его блестѣла капелька пота.

— Борисъ Михайловичъ! Скажите, какъ неожиданно! А мы, знаете, никакъ мѣстечка найти не можемъ.

— Милости прошу,—отвѣтилъ Бобка: къ намъ. Мнѣ здѣсь всегда даютъ хорошій столъ. Усядемся.

Колгушинъ замялся и обернулся на товарища. Тотъ лѣниво разсматривалъ ресторанъ. Казалось, ему все равно: здѣсь-ли садиться, или совсѣмъ уйти.

— Если дамы разрѣшатъ...

— Садитесь,—сказала Мать.—Требуйте стулъ.

— Прошу позволенія представить—это сосѣдъ мой по имѣнію, ближайшій сосѣдъ. Константинъ Сергѣичъ Пануринъ. Да. Ближайшій сосѣдъ.

Бобка познакомился съ Пануринымъ, познакомилъ подошедшихъ съ дамами. Колгушинъ сѣлъ съ Матерью; Константинъ Сергѣичъ съ Катей. Колгушинъ счелъ, что даму слѣдуетъ занимать.

— Мы съ Борисомъ Михайлычемъ порядочно давно знакомы,—говорилъ онъ Матери.—Еще съ того времени, какъ они мой гражданскій процессикъ вели. Но рѣдко приходится встрѣчаться. Я больше у себя въ деревнѣ, хозяйничаю, они тутъ. Да. Случайно встрѣтишься.

Мать смотрѣла на него покойно, даже привѣтливо, но про себя думала: «Ну и чортъ съ тобой, что случайно. Мнѣ все равно».

Катинъ сосѣдъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Онъ сидѣлъ, зѣвалъ, иногда подергивалъ глазами.

— Вы не знаете, обратился онъ неожиданно, тономъ человѣка, спрашивающаго на вокзалѣ о поѣздѣ,—здѣсь очень скверно ко-ормятъ?

Онъ заикнулся, и у него смѣшно прыгнули при этомъ брови. Катя весело отвѣтила:

— Неважно.

Пануринъ вздохнулъ и сталъ печальнѣе.

— Такъ и зналъ.

Катя не безъ любопытства глядѣла на него.

Пануринъ снялъ пенснэ, потеръ носъ и добро усмѣхнулся.

— Меня заграницей замучили. Ч-чортъ знаетъ, чѣмъ кормятъ.

Онъ оглядѣлъ ресторанъ.

— Тутъ вотъ тоже... Подъ заг-границу.

— Современный стиль, отвѣтилъ Бобка нѣсколько недовольно. Модернъ. А если вамъ надо московскаго душка, такъ пожалуйте къ Егорову, или къ Тѣстову.

— Да, говорилъ Колгушинъ Матери: Константинъ Сергѣевичъ мой ближайшій сосѣдъ. Онъ по философской части, въ Германіи работаютъ. А это лѣто отдыхаютъ у себя въ имѣніи, со мной рядомъ. Знаете, воздухъ хорошій, природа...

Мать вспомнила время, когда сама ѣздила въ деревеньку къ родителямъ, въ Орловской губерніи. Но родители умерли, дѣла нѣтъ, и она даже не знаетъ, гдѣ придется проводить мѣсячный отпускъ.

— А что станція отъ васъ далеко?

— Часика полтора ѣзды.

Они разговорились. Мать спросила, нѣтъ ли у нихъ поблизости усадебъ съ дачками. Какой-нибудь домишка, баня... И объяснила, для чего. Колгушинъ подумалъ.

— Настаивать не смѣю, кромѣ того, я человѣкъ холостой, можетъ быть, это неудобно считается. А у меня самого флигелекъ есть, весьма приличный. Продукты изъ имѣнія, молоко, масло.

Колгушинъ вспотѣлъ и заморгалъ. Ему вдругъ представилось, что онъ, провинціалъ, помѣщикъ, сдѣлалъ

что-нибудь безтактное. Надъ нимъ вообще часто смѣялись, и срѣзали его; а онъ не умѣлъ обороняться.

Но Мать вовсе не хотѣла срѣзать. Разспросивъ подробнѣе, она сказала:

— Поговорю съ сестрой. И къ вамъ можно.

Бобка посмотрѣлъ на нее подозрительно.

— Дачу у васъ ужъ снимаютъ? — обратился онъ къ Колгушину.—Живо!

По Бобкину лицу Мать почувствовала, что отчасти ему непріятно, что безъ него что-то устраивается. Кромѣ того, онъ ревновалъ. Ему приходили иногда дикія мысли; онѣ смѣшили Мать, но и доставляли удовольствіе.

— Пѣтухъ, пѣтухъ,—сказала она вполголоса.—Раздулъ перья!

— Я не смѣю настаивать, — говорилъ Колгушинъ, потѣя. —Но весьма былъ-бы радъ, если бы вы съ сестрицей къ намъ пожаловали. Скажу прямо: это оживило бы нашу мѣстность.

Катя слышала эти слова. Слегка улыбаясь, она спросила Панурина, негромко:

— Почему это вашъ сосѣдъ такой чудной?

Пануринъ прищурился и свистнулъ.

— Какъ по вашему, стоитъ намъ съ мамашей оживлять мѣстность?

Пануринъ доѣлъ кокиль изъ ершей, налилъ себѣ и Катѣ рейнвейну въ зеленые бокальчики, и отвѣтилъ:

— Отчего-же не стоитъ? Будутъ хо-орошія барышни въ сосѣдствѣ.

Катѣ стало совсѣмъ весело, и она перестала стѣсняться Панурина. Она взглянула на его колѣни, засмѣялась и сказала:

— Почему на васъ такіе смѣшные чулки, и огромные ботинки?

Пануринъ со смущеніемъ взглянулъ на свои ноги.

— Это костюмъ нѣмецкаго пѣшехо-да, отвѣтилъ онъ.— Хотя, въ сущности, я мало хожу.

— А я, сказала Катя: половину дороги съ курсовъ всегда пѣшкомъ.

Узнавъ, что она на филологическомъ, Пануринъ еще разъ чокнулся съ ней.

— Ко-олеги, значитъ. Если-бъ я не былъ такъ лѣнивъ, можетъ, ученымъ-бы былъ, читалъ-бы лекціи. Барышни бы мнѣ цвѣ-точковъ подносили.

Катя сказала—что онъ, кажется, философъ?

— Та-акъ себѣ, ни то, ни се, всего по-немногу. Кое-что ра-аботаю, правда.

Между тѣмъ въ европейскомъ ресторанчикѣ становилось похоже на Россію. Компанія студентовъ заказала чашу пива, и ее пустили въ круговую. Всѣ орали, что-то доказывали, но неизвѣстно было, для чего это дѣлается.

За другимъ столикомъ сидя заснулъ служащій въ контролѣ. Два товарища его поссорились изъ-за того, что одинъ хотѣлъ его будить, а другой не позволялъ. «Мой товарищъ усталъ», кричалъ онъ: «я не разрѣшаю его безпокоить».

Бобка тоже былъ въ воинственномъ настроеніи, и порывался грозить врагамъ; близились всеобщіе скандалы. Мать сочла нужнымъ начать отступленіе.

Колгушинъ радовался, что счетъ невеликъ. Онъ покручивалъ усики.

— Итакъ, говорилъ онъ Матери на прощанье, склабясь и пожимая руку.—Буду ждать васъ къ себѣ. Можетъ-быть, вамъ и понравится.

Садясь на извозчика, Бобка бѣшено шепнулъ Матери:

— Если тамъ что заведешь,... смотри!

Мать вздохнула.

— Дуракъ ты дуракъ, Бобка! Какой дуракъ!

II.

Перебираться не посмотрѣвъ, Мать не рѣшалась. Она выбрала день, свободный отъ дежурства, и съѣздила къ Колгушину. Къ вечеру вернулась уже въ свои меблированныя комнаты, у Курскаго вокзала. Вмѣстѣ съ Катей онѣ снимали порядочный номеръ, съ обычной красной мебелью.

Мать спала на большой кровати, за перегородкой; Катя, какъ маленькая, на диванчикѣ. Ихъ жилой духъ состоялъ въ полочкѣ книгъ, гдѣ стояли Катины учебники, старый Материнъ курсъ десмургіи, висѣло нѣсколько открытокъ—писатели, актеры. Двѣ-три желтенькихъ книжки «Универсальной библіотеки» и фотографія Толстого, босикомъ.

— Какъ тебѣ показалось?—спросила Катя, когда Мать вошла.

Мать имѣла довольный видъ.

— Самъ этотъ Колгушинъ...—Мать захохотала.—И-го-го...

Она заржала и попробовала представить, какъ жеребецъ подымается на дыбы.

— Ужасно смѣшной?—спросила Катя, и лицо ея сморщилось отъ улыбки.

— Такъ и пышетъ, изъ ноздрей у него огонь!

Катя обняла Мать сзади, повалила на кровать и защекотала.

— Прямо дурища, дурища,—пыхтѣла Мать.—Я тебя высѣчь могу, щенка.

И, оправившись, вывернувшись изъ-подъ Кати, Мать взяла ее въ охапку и стала носить по комнатѣ, какъ ребенка. Потомъ положила на столъ, спиной вверхъ, навалилась на нее и нашлепала. Приговаривала она такъ:

— Дѣвушка должна честная быть, тихая, послушная. Какъ стеклышко.

Катя хохотала и пищала.

— Мамаша тебя учитъ быть честной, а ты только о молодчикахъ думаешь!

Когда экзекуція кончилась, и Катя сидя поправляла юбку, она изрекла:

— Во-первыхъ, у тебя у самой мужъ гражданскій. А я, къ сожалѣнію, дѣйствительно какъ стеклышко. Нечѣмъ меня урекнуть.

Мать сдѣлала на нее свирѣпые глаза.

— У-у, щенокъ!

Затѣмъ она успокоилась, налила себѣ чаю, и спросила, не заходилъ-ли безъ нея Бобка. Катя высунула ей языкъ, спокойно, длинно, и поиграла его кончикомъ.

Взявъ чашку чаю, а въ другую руку книжечку «Универсальной библіотеки», Катя усѣлась на подоконникъ. Окна выходили во дворъ, и отсюда были видны пути Курской дороги, составы поѣздовъ, паровозовъ. Вдали— стѣны, и высокая колокольня Андроніева монастыря, а за нимъ очень далекое, блѣдно-золотистое вечернее небо. Свистѣли паровозы. Подходилъ дачный поѣздъ Нижегородской дороги; блестѣли рельсы; и вниманіе разбѣгалось въ этой непрерывной жизни, въ зрѣлищѣ вѣчнаго движенія, неизвѣстно откуда и куда. Катя не смогла читать Банга, котораго любила, и стала глядѣть на поѣзда. «Если все такъ печально въ жизни, какъ онъ описываетъ», думала она: «то неужели и со мной будетъ такъ? Нѣтъ, не можетъ быть». Глубина свѣтлаго неба, голуби, летѣвшіе къ складу, блескъ Андроніевскихъ крестовъ и дымокъ поѣзда, уносившагося, быть можетъ, въ Крымъ, къ морю,—говорили, что есть счастье, радость, прекрасное.

Катя вдругъ потянулась, улыбнулась, и что-то смутно въ ней, но мучительно-сладостно сказало «да», и на глазахъ выступили слезы. Потомъ она вслухъ засмѣялась, высунула изъ окна русую голову и заболтала ногами.

Если бы не боязнь мамаши—возможности новой экзекуціи—она закричала бы ку-ка-реку.

Но тутъ постучали, и вошелъ Бобка. Катя обернулась и сдѣлала недовольное лицо. «Теперь меня ушлютъ!» Она предвидѣла, что у Бобки съ Матерью будутъ разговоры; въ такихъ случаяхъ Мать нерѣдко давала ей денегъ на трамвай, говорила: «Съѣзди въ Петровскій паркъ! Нынче погода отличная!»

Но сегодня Катю не услали. Правда, Бобка былъ нѣсколько угрюмъ; но это зависѣло отъ того, что вчера онъ неожиданно проигрался въ желѣзную дорогу, хотя по своимъ соображеніямъ долженъ былъ выиграть. Ему не хотѣлось разсказывать объ этомъ Матери; она укорила бы его. Разумѣется, было изрядно выпито.

— Что у тебя голосъ будто хриповатъ?—спросила Мать, сдерживая смѣшокъ.

Бобка погладилъ себя по шеѣ.

— Вчера изъ Коммерческаго суда ѣхалъ, надуло... я еще тогда замѣтилъ.

— Вотъ именно,—сказала Мать серьезно:—надуло. Вѣдь и холода какіе!

— Ничего нѣтъ смѣшного! А вѣтеръ? Я же вообще склоненъ къ простудамъ.

Мать смѣялась открыто.

— Ну, и къ водченкѣ очень склоненъ.

Но Бобка вошелъ въ азартъ и сталъ доказывать, что простудиться легче всего именно въ жару. Удивительно только, что Мать, да и Катя, хоть она курсистка, не знаютъ такихъ простыхъ вещей. А это можетъ и ребенокъ понять.

Катѣ стало скучно отъ его разглагольствованій.

— Не можешь ли ты мнѣ дать,—сказала она Бобкѣ:— двугривенный. Я въ Сокольники съѣзжу.

— Двугривенный...—отвѣтилъ Бобка растерянно.—Конечно, могу.

Онъ полѣзъ въ кошелекъ, гдѣ послѣ вчерашняго боя осталось всего три такихъ монеты. Съ внутреннимъ вздохомъ онъ отдалъ одну Катѣ.

— Я долженъ свозить тебя на автомобилѣ за городъ,— сказалъ онъ значительно.—Сегодня не могу, нездоровится... но какъ-нибудь въ другой разъ.

Онъ взялъ свою панаму съ красной лентой и погладилъ ее.

— Разумѣется, когда вы вернетесь съ этой... какъ тамъ? Вы вѣдь на дачу собрались?

— Въ сущности,—сказала Катя, прикалывая вуалетку къ шляпѣ:—пока ты соберешься меня катать на автомобилѣ, мы сто разъ изъ деревни вернемся.

Бобка поглядѣлъ на Мать.

— Я вообще не понимаю, что она нашла въ этомъ Колгушинѣ. Просто помѣщикъ, ничего изъ себя не представляетъ.

Мать разсердилась.

— Долбила я тебѣ долбила, что не въ немъ дѣло, нѣтъ, не понимаетъ. Человѣкъ ты или бревно?

Катя въ это время уже выходила. «Удивляюсь на Мать», думала она. «Какъ это терпѣнія хватаетъ?»

Чувствуя себя молодой, покойной, ни съ кѣмъ не связанной, Катя сѣла въ трамвай, у окошка. Вагонъ бѣжалъ весело. Садились какіе-то студенты; ѣхали парочки, очевидно тоже въ Сокольники. Катя и не замѣтила, какъ подкатили къ кругу, гдѣ играетъ музыка. Но на кругу она не осталась, ушла вглубь, къ Ярославской желѣзной дорогѣ. Снова мимо нея, теперь уже на закатѣ, проносились гремящіе поѣзда; бѣлый дымъ розовѣлъ въ закатномъ солнцѣ, краснѣли верхи сосенъ древняго бора, видѣвшаго соколиныя охоты Грознаго.

«Чего я тутъ гуляю?» спросила себя Катя, и улыбнулась. «Свиданье у меня назначено?» И она быстро пошла,

на легкихъ ногахъ. Ей мгновенно представилось, что тамъ, на поворотѣ дорожки, ее нѣкто ждетъ, и уже давно, истомленъ. Никого, разумѣется, не было. Но нравилось самое чувство, что вотъ она спѣшитъ на свиданье.

Начинало темнѣть. Катя сѣла на скамейку и затихла. Стало ей немного жутко и радостно вмѣстѣ. Хотѣлось о чемъ-то мечтать, и такъ хотѣлось, чтобы это вышло хорошо!

Рядомъ, по проспекту, мчался автомобиль, уже съ огнями. Подъ соснами сидѣли три бабы, въ родѣ кухарокъ, и смѣшными голосами пѣли пѣсню. Надъ всѣмъ этимъ густѣли гривы сосенъ; въ небѣ выступила зеленая звѣзда; налѣво закатъ темнокраснѣлъ.

«Что же это мѣсяцъ не выходитъ?» подумала Катя. «Ну, выходилъ бы ужъ что ли!»

Мѣсяцъ почему-то замедлился, и въ полусумракѣ, синеватомъ и прозрачномъ, Катя дошла до трамвая и только-что сѣла,—увидѣла его—небеснаго меланхолика: блѣдный, тонкій, онъ напоминалъ агнца. Агнецъ былъ выразителенъ, и противъ воли Катя смотрѣла на него внимательно.

Когда она вернулась домой, Бобки уже не было. Мать укладывалась: завтра съ дневнымъ онѣ должны были выѣзжать. Катя имѣла видъ разсѣянный, и отчасти устала. Мать немного упрекнула ее, что долго шляется, но Катя покорно взялась за укладку, добросовѣстно складывала свои скромныя сорочки, нѣсколько книжекъ, открытокъ, флакончикъ недорогихъ духовъ—заслужила въ итогѣ даже одобреніе Мамаши за хорошее поведеніе.

Мать хотя и имѣла съ Бобкой нѣкія пререканія, все же и сама была скорѣе въ добромъ расположеніи. Это зависѣло оттого, что Бобкѣ непріятенъ былъ ея отъѣздъ. Акимовой сейчасъ въ Москвѣ не было, значитъ, онъ заскучаетъ. Отпуская Мать на мѣсяцъ, выказывалъ онъ

и признаки ревниваго раздраженія. Это льстило самолюбію, и говорило, что она для него не что-нибудь.

«Чудной, чудной, Бобка», думала Мать, ложась въ тотъ вечеръ.—«А добрый. И меня любитъ».

Черезъ двѣ недѣли онъ долженъ былъ къ ней пріѣхать. Это тоже нравилось. Она скоро начала забываться. Катя же засыпала труднѣе. Но ея сны были легки и туманны.

III.

Хотя Мать давно жила въ Москвѣ,—значитъ, съ городомъ своимъ сроднилась—все же ей очень пріятно было выѣхать въ деревню, потому что и деревенская кровь въ ней сидѣла: какъ помѣщичье отродье, она чувствовала временами потребность физическую въ поляхъ, воздухѣ, тишинѣ.

И ей, какъ и Катѣ, было радостно зрѣлище Царицына, веселые березовые лѣса подъ Бутовымъ, церкви, монастырь Серпухова, Ока, широкіе луга и боръ, и за Окой пересѣченная, не могущественная, какъ на югѣ, но приглядная и задушевная равнина Тульской губерніи.

Уже вечерѣло. Ѣхать на лошадяхъ приходилось порядочно, и нельзя сказать, чтобы телѣжка Колгушина была особенно удобна. Но и Мать, и Катя ѣхали съ удовольствіемъ. Зацвѣтали ржи, васильки появились. Не одну деревню проѣхали онѣ, гдѣ на домѣ съ крылечкомъ вывѣска: «Волостное Правленіе», и на ступенькѣ стоитъ курица, а рядомъ, подъ ракитой, баба стрижетъ овцу. Онѣ видѣли небольшія церкви, укромныя, но благообразныя, иногда въ сторонѣ отъ деревни, обсаженныя березами, гдѣ грачи добродушно орутъ. Проѣзжали мимо барской усадьбы съ огромнымъ дворомъ, покосивши-

мися воротами: въ глубинѣ темный домъ съ антресолями, сбоку аллейка елокъ. Видѣли стадо въ низинкѣ, проѣзжали мимо кладбища съ пышной травой, крестами сѣрыми и бѣлыми изъ бересты, кладбище, заросшее ивнякомъ, рябиной, кой-гдѣ березками, и чьи надгробные камни не въ порядкѣ, но почему-то неуловимо-очаровательно оно: истинное мѣсто упокоенія. Онѣ глотали мужицкую пыль и благоуханіе, данное Господомъ Богомъ мужицкимъ полямъ. Словомъ, погружались въ настоящую Россію.

Уже близко было къ закату, когда подъѣхали къ Щукину, имѣнію Петра Петровича Колгушина. Мимо новой деревянной церкви, сѣраго цвѣта съ зеленой крышей, свернули налѣво, и вдоль аллеи липъ подкатили къ низкому одноэтажному дому, обогнувъ куртину елочекъ, насаженныхъ среди двора.

Колгушинъ, въ чечунчовомъ пиджакѣ и кавалерійскихъ сапогахъ стоялъ на террасѣ, тянувшейся вдоль всего дома. Онъ сіялъ и проводилъ рукой по короткому бобрику на головѣ.

— Очень радъ,—говорилъ онъ, помогая вылѣзать.

— Благополучно изволили прибыть? Да. Дорожка, знаете ли, хорошая. Пыльно, но накатали. Не то что осенью. Да.

— Доѣхали первый сортъ,—отвѣтила Мать, снимая и отряхивая пыльникъ.

— Можетъ быть, вы пожелаете сперва къ себѣ во флигель пройти, а затѣмъ прошу къ чаю, да, мы на другомъ балкончикѣ съ Константиномъ Сергѣичемъ пьемъ. Онъ какъ разъ нынче здѣсь. Да.

Флигель, куда онъ ихъ проводилъ, былъ домикъ, половину котораго занимала контора. Имъ отводилась комната съ небольшими окошками, бревенчатыми стѣнами.

Когда онѣ остались однѣ и стали мыться изъ желѣз-

наго рукомойника, надъ которымъ—знакъ вниманія Колгушина—былъ воткнутъ букетикъ васильковъ,—Мать сдавила себѣ щеки руками и сдѣлала кота.

— Какъ этого дяди фамилія-то?—спросила она.—Пануринъ! Намъ тутъ и молодчики припасены.

Катя надѣвала свѣжую бѣленькую кофточку и синій галстукъ. Худощавое ея лицо было нѣсколько утомлено, но зеленоватые глаза улыбнулись.

— Ты страшная дура, Мать,—сказала она.—Хотя ты моя мать, но ты ужасная дура.

Онѣ весело пошли къ большому дому. Когда взбѣгали на террасу, къ которой подъѣхали, половица скрипнула подъ ногой Мамаши.

— Ты ему разломаешь домъ, Илья,—сказала Катя.— Какъ слониха!

Онѣ попали въ большую, невысокую гостиную съ крашенымъ поломъ, сѣтками въ окнахъ. Въ углу рояль, граммофонъ на немъ, направо полукруглый диванъ со столикомъ для заниманія гостей, шкафикъ съ фарфоровыми бездѣлками. Пахло сыроватымъ, отчасти затхлостью. Прямо дверь вела на вторую террасу.

Мать вошла первая.

За большимъ чайнымъ столомъ, вдали отъ самовара и недопитаго стакана чая, въ пенснэ и накидкѣ сидѣлъ Пануринъ. Передъ нимъ—чашечка для игры въ блошки, и съ великимъ усердіемъ щелкалъ онъ пластинкой, стараясь загонять кружечки въ чашку. У перилъ вишневая вѣтка чуть не задѣвала его. Вишни отцвѣли, и появлялись завязи въ рыжеватомъ пушкѣ. За садомъ просвѣчивалъ прудъ блѣдно-розовымъ серебромъ въ закатѣ. Лягушки квакали въ немъ охотно.

— Константинъ Сергѣичъ,—сказалъ Колгушинъ,—хозяйничавшій у самовара—упражняется въ игрѣ въ блошки. Хотя мы съ нимъ играемъ не на деньги, такъ на такъ,

онъ не желаетъ, однако, проигрывать, и какъ бы сказать, тренируется.

Пануринъ всталъ нѣсколько смущенно и поздоровался.

— Какъ вся-акая игра,—сказалъ онъ— и игра въ блошки требуетъ практи-ки. Иначе получится нера-венство силъ.

— Играйте, играйте,—отвѣтила Мать.—Дай вамъ Богъ удачи. Дѣло полезное.

— Вотъ такъ и считаютъ обычно, что разъ занимаешься какими-нибудь книжками, то нельзя ни-ичего другого дѣлать. А я, напримѣръ, мало знаю деревню, мнѣ и верхомъ хо-очется покататься, и въ теннисъ поиграть.

Мать сѣла за самоваръ. Катя осматривалась.

Изъ вѣжливости Пануринъ прекратилъ упражненія, но видно было, что ему хочется, все же, сразиться. Катѣ скоро прискучили изліянія Колгушина. Она негромко сказала Константину Сергѣичу:

— Хотите со мной тренироваться?

— Охотно,—отвѣтилъ Пануринъ.—И ве-есьма желалъ бы, чтобы для васъ это обра-атилось въ разгромъ.

— Тамъ посмотримъ,—сказала Катя покойно.

Бой открылся. Пануринъ вступилъ въ дѣло серьезно. Но, видимо, судьба, такъ часто награждающая тѣхъ, кто мало ищетъ ея благъ, была противъ. Катя играла равнодушно, онъ горячился. И былъ разбитъ.

— Въ высшей степени не ве-езетъ,—говорилъ онъ,— поправляя вспотѣвшіе волосы.—До по-ослѣдней степени.

— Это, Константинъ Сергѣичъ, происходитъ оттого, да, что вы слишкомъ увлекаетесь, — говорилъ Колгушинъ.—Напримѣръ, у меня есть одинъ служащій, Машечкинъ, очень нервный человѣкъ. Онъ въ родѣ приказчика. Весьма обидчивый. Однажды онъ проходитъ мимо пруда, а тамъ, да, кухарка купалась. Представьте, она выска-

киваетъ, въ чемъ была, и къ нему. А онъ уже въ лѣтахъ. И онъ такъ оскорбился, что прямо ко мнѣ—за разсчетомъ. Не могу, говоритъ, выносить такого безобразія, чтобы на меня, простите, изъ пруда женщина бросалась.

Пануринъ дернулся бровями, и нѣсколько смутился.

— Чѣ-ѣмъ же я похожъ на ва-ашего Машечкина?— плохо что-то пони-маю.

Мать захохотала.

— Вы это къ чему разсказали, про кухарку?

Колгушинъ сконфузился. Ему опять показалось, не сморозилъ ли онъ чего-нибудь.

— Нѣтъ, я исключительно потому, что пылкость... Константинъ Сергѣичъ горячится въ игрѣ.

— Это ужъ вы... не такъ, чтобы очень удачно,—фыркнула Мать.—Развѣ онъ на вашего Машечкина похожъ?

— Я совсѣмъ не горячій человѣкъ,—сказалъ Пануринъ.—Вотъ спортомъ сталъ интере-соваться. Но, видимо, я неудачникъ. Je suis fort bête,—пробормоталъ онъ, улыбнувшись.

Чтобы все это кончить, Катя попросила Колгушина показать имъ усадьбу. Онъ охотно ухватился за это.

— Правду говоря, у меня замѣчательнаго ничего въ деревнѣ нѣтъ. Простое русское хозяйство, да. Но, возможно, что вамъ, какъ жительницамъ столицъ, небезынтересно будетъ взглянуть. Но безъ всякихъ особенностей. Предупреждаю.

Какъ всегда бываетъ съ пріѣзжими, имъ показываютъ конюшни, телятъ, водятъ мимо ригъ, въ лучшемъ случаѣ хвастаютъ огородами и молочнымъ хозяйствомъ, или жнеей, у которой черезъ нѣсколько дней что-нибудь непремѣнно сломается. На пріѣзжихъ брешутъ собаки. Хозяинъ, чтобы демонстрировать вѣжливость, принимаетъ энергическія мѣры: запуститъ въ какого-нибудь Полкана камнемъ, вытянетъ сучку арапникомъ, при этомъ

назоветъ его: арапельникъ. Говорится въ такихъ случаяхъ о кормовыхъ травахъ, о хозяйствѣ какого-нибудь очень богатаго сосѣда, у котораго управляющій остзеецъ, коровы даютъ ушаты молока, урожай ржи—самъ-двадцать и въ оранжереяхъ ананасы. Если лѣто жаркое, аграрій жалуется на засуху. Если мокрое, то говоритъ, что плоха уборка.

Приблизительно такъ было и тутъ. Но Катя нѣсколько слукавила. Вызвавъ на прогулку, сама она держалась съ Константиномъ Сергѣичемъ, а Мать впереди шла съ Колгушинымъ. Катя мало видѣла еще людей, и ей было любопытно посмотрѣть человѣка, отчасти ученаго, занятаго возвышенными мыслями. Ей хотѣлось втянуть его въ какой-нибудь серьезный разговоръ. Не безъ робости она спрашивала, какъ онъ жилъ за границей, много ли работаетъ, что, именно, пишетъ. Но онъ отнесся къ разговору о себѣ вяло. Казалось,—все это для него пустяки.

— Да,—сказалъ онъ,—пи-шу книжечку одну. О романтизмѣ. Тамъ, о нѣ-мецкомъ.

Возвращаясь, проходили мимо пруда. Уже стемнѣло, и въ водѣ были видны звѣзды. Пануринъ предложилъ Катѣ руку.

— Вотъ это все... прудъ и звѣзды—въ ду-хѣ тѣхъ людей, романтиковъ.—Помолчавъ, онъ прибавилъ:—Они хороши были тѣмъ, что очень вѣ-ѣрили. Но имъ надо было моло-дыми умирать.

Катя мало знала о романтикахъ. Она спросила несмѣло:

— Почему молодыми?

Пануринъ отвѣтилъ:

— Чтобы не знать на-ад-ломленности.

Катя вздохнула. Колгушинъ, шедшій съ Матерью впереди, остановился.

— Да,—сказалъ онъ,—поэтическій прудокъ. А я иногда думаю: если бы плотинка была повыше, то хорошо бы

тутъ устроить мельницу. Красота красотой, но и отъ денежекъ не слѣдуетъ отказываться.

Мать взяла Катю подъ руку.

— Прямо вы съ Константиномъ Сергѣичемъ—Фаустъ и Маргарита.

Катя слегка засмѣялась.

— Подумаешь, дѣйствительно!

— А мы съ Колгушинымъ—Марта и Мефистофель.

— Мефистофель,—сказалъ Колгушинъ.—Такъ. Это чортъ. Я знаю. Въ «Искрахъ» видѣлъ Шаляпина въ роли этого чорта. Такъ по-вашему, я на него похожъ? Онъ очень горбоносый былъ представленъ, и черный. Да. А я блондинъ.

Ссылаясь на усталость послѣ дороги, Мать и Катя довольно рано ушли къ себѣ. Панурину подали верховую лошадь; онъ уѣхалъ. Катя почувствовала вдругъ, дѣйствительно, усталость и смутное расположеніе духа. Она лѣниво раздѣвалась, ей не хотѣлось и ложиться, не хотѣлось бодрствовать. Какъ иногда бываетъ, представилось, что совершенно зря онѣ заѣхали къ этому Колгушину; сидѣли бы лучше въ Москвѣ, смотрѣли бы на Курскую дорогу: и можно было бъ ѣздить за городъ, къ знакомымъ фельдшерицамъ на дачу. А здѣсь, навѣрное, тоска.

И не поболтавъ съ Матерью на ночь, какъ нерѣдко дѣлала, Катя легла и затушила свѣчку. Ей какъ-то все не нравилось въ этой усадьбѣ, и даже въ ночи. Къ ночи Катя была явно несправедлива. Небо очень добро свѣтило звѣздами. Пахло липой, ржами. Мягко и очень мелодично тренькалъ перепелъ,—скромный музыкантъ іюньской ночи.

IV.

Мать разсуждала такъ: разъ она выѣхала изъ Москвы, разсталась съ Бобкой, забралась въ глушь,—слѣдуетъ

во всю пользоваться деревней. Несмотря на свое основательное сложенье, за зиму Мать сильно уставала. Прiѣдались ей роды, безконечные роды, при которыхъ она присутствовала,—всѣ эти бабы-кухарки, мѣщанки, горничныя—разъ даже монахиня была: онѣ стонали, плакались, были необыкновенно безтолковы, и иногда не знали собственнаго адреса («спросите у мужчины»), многiя искренно считали себя дѣвушками, такъ какъ не были вѣнчаны; въ родовыхъ мукахъ проклинали «злодѣя», но въ положенное время вновь являлись. Это постоянное зрѣлище страданiй, вперемежку съ комическимъ и жалкимъ, очень утомляло, отчасти огрубляло. Мать нерѣдко раздражалась, иногда и прикрикивала.

Тѣмъ прiятнѣе было видѣть теперь людей нерожающихъ, жить среди прекраснаго полевого воздуха, радоваться солнцу. Мать много купалась—дважды въ день, въ томъ самомъ пруду, который Колгушинъ назвалъ «поэтическимъ». Своимъ купаньемъ Мать отчасти искушала Петра Петровича, любителя рубенсовскихъ изобилiй. Но ей помогало то, что какъ разъ начинался покосъ: Петръ Петровичъ долженъ былъ наблюдать въ лугахъ.

Мать раздѣвалась на мосткахъ, за ракитой, и бухалась крѣпкимъ, коричневатымъ тѣломъ въ воду. Въ пруду подымалось волненiе; шли концентрическiе круги, какъ отъ обрушившейся скалы. Вода мягко лопотала у береговъ, и изъ травы плюхались лягушки. Слегка пыхтя, Мать плавала, и плавала хорошо, не колотя ногами. Ей очень помогали тутъ ея размѣры: чуть не съ дѣтства обладала она способностью держаться на водѣ, не двигаясь, какъ поплавокъ.

Отплывъ на середину, она останавливалась, такъ что изъ воды торчала только голова, и начинала заунывно булькать лягушкой. Дѣлала она это очень удачно; навѣрно, немало смущала зеленыхъ квартирантовъ пруда.

Правда, въ эти минуты она была похожа на мирное водяное существо, съ оттѣнкомъ элегіи.

— Выплывай,—говорила съ берега Катя,—я тебя покормлю.

И посвистывая, какъ бы подзывая чудовище, Катя бросала въ прудъ листья, пучки травы.

Мать дѣлала безсмысленное лицо: такое, по ея мнѣнію, должно было быть у бегемота; подплывала, и ртомъ старалась поймать пищу. Она фыркала, пыхтѣла. Поднеся что-нибудь лакомое къ ея носу, Катя могла выманить ее и совсѣмъ на берегъ. Мать выходила на четверенькахъ, потомъ лапой хватала предложенное, радостно мычала и отъ восторга ложилась на спину. Роль бегемота окончена.

— Слушай, слушай,—сказала разъ Мать,—если бъ сейчасъ этотъ Машечкинъ проходилъ, выбѣжать бы ему навстрѣчу въ такомъ видѣ... Онъ бы опять съ мѣста ушелъ.

Катя купалась меньше,—у ней отъ воды болѣла голова и подъ глазами являлись круги. Ея занятіемъ стала здѣсь верховая ѣзда. Колгушина это также ущемляло— въ горячую пору лошадей жаль. Но отказать «барышнѣ»— хотя по худощавости она и не совсѣмъ была въ его вкусѣ— онъ не могъ. Тотъ же Машечкинъ, оригиналъ малаго роста, иногда утверждавшій, что служилъ раньше начальникомъ станціи,—съ великой неохотой сѣдлалъ Катѣ лошадь. Онъ бурчалъ про себя нѣчто неодобрительное о людяхъ, которые только и знаютъ, что ѣздятъ верхомъ.

Катѣ это надоѣло. Разъ она даже обошлась съ нимъ внушительно. Машечкинъ, въ видѣ протеста, отказался сѣдлать. Но результатъ получился печальный. Катя спокойно отправилась къ Колгушину.

— Да,—сказалъ онъ,—отказался вамъ сѣдлать? Скажите пожалуйста! Вотъ народъ! Дѣвушка,—обратился онъ къ босоногой работницѣ, — позови-ка сюда Гаврилу Семеныча.

Черезъ полчаса Машечкинъ, очень смущенный, явился къ Катѣ.

— Виноватъ, барышня, извините, если обидѣлъ.

Катя сказала, что ничего, но Машечкинъ не уходилъ.

— Петръ Петровичъ приказалъ, чтобы я документикъ отъ васъ взялъ.

— Какой документикъ?

Оказалось—она должна была письменно его простить. Стараясь быть серьезной, Катя на клочкѣ бумаги написала: «Противъ Гаврiила Семеновича Машечкина ничего не имѣю, и прошлое забыла. Екатерина Савилова».

Вечеромъ Колгушинъ спросилъ ее:

— Довольны? Да, извинился? Съ этимъ народомъ иначе нельзя. Надо ихъ, знаете ли, костыликомъ, костыликомъ.

Этотъ разговоръ происходилъ на балконѣ, за вечернимъ чаемъ, которымъ распоряжалась Мать. Былъ тутъ и Пануринъ.

— Ра-асписку дали? — переспросилъ онъ. — Это со-олидно. Сейчасъ видно осно-вательную дѣвушку.

— У меня очень строгая Мамаша,—сказала Катя,— вотъ она меня вымуштровала.

— Строгая,—сказалъ Колгушинъ.—Я нахожу, что это иногда полезно бываетъ. Например ъ, съ народомъ. Но ваша сестрица, по-моему, даже веселая. Она, говорятъ, замѣчательно подражаетъ лягушкамъ. Во время купанья устраиваетъ игру въ какихъ-то звѣрей. Да, да, да. Вообще мои дачницы очень оживляютъ мѣстность.

Пануринъ покачалъ головой.

— Ваши дачницы очень го-ордыя. Вонъ Катерина Михайловна верхомъ ѣздитъ, а ко мнѣ ни разу не за-глянула.

Катя немного покраснѣла.

— Вы меня къ себѣ не приглашали.

— Ра-звѣ не приглашалъ? Ну, это, конечно, глупо съ моей стороны.

Въ тотъ же вечеръ, нѣсколько позже, сидя съ Пануринымъ вдвоемъ въ гостиной, на диванѣ у этажерки, Катя сказала:

— Вы въ первый день, какъ мы пріѣхали, въ саду говорили про надломленность. Это что значитъ?

— Ни-ичего особеннаго. Говорилъ, что есть люди надломленные. А у моло-дости этого нѣтъ.

Онъ внимательно и ласково посмотрѣлъ на Катю.

— Оттого моло-дость и вызываетъ нашу нѣжность.

Катя вдругъ встала и безцѣльно подошла къ этажеркѣ.

— Вы что?—спросилъ Пануринъ.

— Нѣтъ, ничего. Петръ Петровичъ,—громко сказала Катя Колгушину, щелкавшему на счетахъ въ своемъ кабинетикѣ,—вы мнѣ дадите завтра верховую лошадь?

— Съ великимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Колгушинъ.—Когда вамъ угодно.

Не такое ужъ громадное удовольствіе доставила ему просьба, но отказывать не приходилось.

Пануринъ поднялся и зашелъ къ нему въ комнату. Катя тоже вошла.

— Мы вамъ мѣшаемъ, но это ничего,—сказалъ Пануринъ,—вечеромъ человѣкъ не дол-женъ работать.

Колгушинъ улыбался, склоняясь впередъ, и поглаживалъ рукой своей бобрикъ.

— По вечерамъ не долженъ. Совершенно вѣрно. День позанимался, а вечеркомъ отдыхай. Но знаете ли, не успѣваешь за день. И приходится при лампочкѣ.

Въ небольшой комнатѣ Колгушина стоялъ письменный столъ, на которомъ лежалъ револьверъ, «Русское Слово» и валялось нѣсколько накладныхъ. На стѣнѣ надъ столомъ благодарственная бумага—за содѣйствіе открытію

почтоваго отдѣленія. Рядомъ медаль отдѣла общества сельскаго хозяйства.

— Сколько на-арадъ,—сказалъ Пануринъ,—вы скоро гене-ераломъ будете.

Колгушинъ радостно посмѣивался. Потомъ вынулъ изъ коробочки желтый жетонъ и вдругъ серьезно обратился къ Панурину:

— Это, Константинъ Сергѣичъ, я получилъ за помощь въ постройкѣ мѣстной церкви, взамѣнъ сгорѣвшей. Но не знаю, какъ надѣвать,—да, на ленточкѣ ли на шею, или же въ петлицу?

Пануринъ основательно разсмотрѣлъ жетонъ, и отвѣтилъ:

— Въ пе-етлицу, обязательно. Будетъ похоже на орденъ Почетнаго Легіона.

— Скажите! Это, кажется, французскій орденъ?

— Самый фра-анцузскій. И самый важный.

Колгушинъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Этого нельзя было сказать о Катѣ. Она глядѣла въ окно, переходила съ мѣста на мѣсто.

Петра же Петровича вопросъ объ орденахъ немало занималъ. И Константинъ Сергѣичъ долженъ былъ разсказать, что зналъ объ орденахъ прусскихъ и саксонскихъ. Затѣмъ разговоръ сошелъ на любимую тему Колгушина—о заграницѣ и Германіи. Онъ съ восторгомъ разспрашивалъ и узнавалъ, какъ тамъ все чисто, удобно и дешево.

Катя усѣлась на подоконникъ. Неожиданно она перекинула ноги наружу, спрыгнула и пошла въ садъ.

Колгушинъ обернулся.

— Мы, кажется, барышню заговорили,—сказалъ онъ.—Даже не могла досидѣть.

— Это во-озможно,—отвѣтилъ Пануринъ.—Да и мнѣ пора, говоря по правдѣ.

Онъ вынулъ часы, взглянулъ, и пошелъ за своимъ

кэпи. Пануринъ былъ въ ботфортахъ, онъ прiѣхалъ верхомъ.

Петръ Петровичъ пытался было его удержать, но не очень: у него самого начинали слипаться глаза; завтра же предстояло вставать «часика въ четыре».

Хмурый старикъ подвелъ Панурину коня. Въ кэпи и австрiйской накидкѣ Пануринъ былъ похожъ на какого-то коннаго сержанта. Ублаготворивъ старика монеткой, и кивнувъ хозяину, онъ шагомъ объѣхалъ группу елочекъ и тронулъ рысцой вдоль липовой аллеи. Было довольно темно, и тепло. Очень сладко пахло липами, все небо въ звѣздахъ бѣжало навстрѣчу. Звѣзды цѣплялись за купы листьевъ.

Пануринъ былъ въ томъ нѣсколько элегическомъ и размягченномъ настроенiи, съ какимъ одинокiй человѣкъ его возраста можетъ ѣхать домой теплой лѣтней ночью. Покачиваясь въ сѣдлѣ, глядя на туманныя и милыя Плеяды, возможно думать о проходящей жизни, неуловленныхъ минутахъ счастiя; чего-то жалѣть и улыбаться на что-то. Возможенъ приступъ къ сердцу смутной нѣжности. Такъ чувствовалъ и онъ; и его нѣсколько удивило, когда у околицы, за которой начиналось поле, его окликнули; голосъ былъ негромкiй, но онъ сразу узналъ его.

— Вы здѣсь за-ачѣмъ?—спросилъ онъ, останавливая лошадь.

Катя сидѣла на заборѣ, у околицы, слегка съежившись.

— Я просто сижу, мнѣ тамъ стало скучно.

— Да, вотъ ка-акъ. Я, впрочемъ, за-мѣтилъ.

— Жаль,—сказала—Катя: что нѣтъ лошади; я бы поѣхала васъ проводить.

Пануринъ согласился, что жаль.

— Впро-чемъ,—прибавилъ онъ:—мы мо-ожемъ пѣшкомъ пройтись.

Онъ слѣзъ съ лошади и подвелъ ее къ забору. Катя сидѣла неподвижно.

— Это какія звѣзды?—спросила она, указывая на туманную группу невысоко надъ горизонтомъ.

Пануринъ протеръ пенснэ, моргнулъ глазами и отвѣтилъ:

— Плеяды.

Потомъ онъ сталъ всматриваться, какъ будто могъ хорошо ихъ разобрать, и прибавилъ:

— Въ этихъ звѣздахъ есть нѣчто дѣ-ѣвичье. Впрочемъ, женственное вообще ра-азлито въ при-родѣ. Женственны молодыя дерев-ца, первая весенняя зелень, сумерки въ апрѣлѣ.

Онъ досталъ папиросу и закурилъ. Его удивило, что Катя послѣднюю минуту сидѣла съ закрытыми глазами, и пріоткрыла ихъ на свѣтъ. Они показались Панурину больше и туманнѣе обычнаго.

— Если провести рукой по ва-ашимъ волосамъ, то навѣрно будетъ потрескиванье.

Катя вздохнула. Онъ чувствовалъ въ темнотѣ, что она все на него смотритъ.

— Нѣтъ,—сказала она.—Не думаю.

Она нагнула голову, взяла его руку и провела по своимъ волосамъ.

— Вотъ видите.

— Вы стра-ашно милая, невнятно сказалъ Пануринъ.

— Милая?

Она хотѣла что-то прибавить, но не успѣла: вдругъ онъ обнялъ ея колѣни, и сталъ цѣловать. Хотя было очень темно, она закрыла для чего-то глаза руками. Когда черезъ минуту, онъ поцѣловалъ ее въ губы, она дернулась, какъ обожженная. Она могла бы упасть. Но Константинъ Сергѣичъ поддержалъ ее.

V

Хотя домъ Панурина былъ очень великъ—особенно для одинокаго, все же Константинъ Сергѣичъ спалъ не въ спальнѣ, а въ огромнѣйшемъ кабинетѣ за ширмочкой. Было въ этомъ кабинетѣ все, что угодно: и кожаные диваны, и глобусъ, и ружья, и микроскопъ, и шкафы съ книгами; были книги серьезныя, валялись и уличные журнальчики, даже выкройки модъ. На каминѣ лежалъ ржавый мечъ. Это все скопилось потому, что многіе здѣсь жили до Панурина. Слѣды остались отъ разныхъ хозяевъ, а Константинъ Сергѣичъ, по небрежности, ничего не мѣнялъ.

Имѣніе купилъ его отецъ, крупный земецъ и баринъ, на старости лѣтъ. Какъ отецъ спалъ за ширмочкой и тамъ же умеръ, такъ поступалъ и Константинъ Сергѣичъ.

Онъ проснулся довольно поздно: съ вечера долго не могъ заснуть, лежалъ, и въ темнотѣ улыбался самому себѣ.

Всталъ онъ бодрѣе обычнаго, чувствовалъ себя моложе и свѣжѣе. «Неожиданно все вышло, уди-ивительно»,—бормоталъ онъ, умываясь, «совершенно неожиданно». И причесывая на проборъ волосы, уже не столь густые, какъ въ юности, онъ улыбнулся. По культурной привычкѣ Константинъ Сергѣичъ всегда тщательно одѣвался, неплохо завязывалъ галстукъ, любилъ духи. Все-же выглядѣлъ онъ нѣсколько нескладно.

Въ томъ же повышенномъ настроеніи пилъ онъ утренній кофе въ невысокой столовой. Солнце очень ярко заливало цвѣтники,—левкои, бѣлый табакъ, маргаритки, шпалеру розъ. Читая въ газетѣ о засѣданіи Думы, вдругъ увидѣлъ онъ на газетномъ листѣ вчерашнее небо, съ бѣгущими навстрѣчу звѣздами, лицо Кати, освѣщенное пламенемъ спички, ея глаза. «Чу-десно»,—сказалъ онъ себѣ, всталъ, потеръ виски и обошелъ вокругъ стола. Вчерашнее представлялось ему свѣтлой и радостной игрой.

Потомъ онъ нѣсколько себя подобралъ, сѣлъ заниматься, и кое-что сдѣлалъ даже. Въ три часа въ залѣ съ куполомъ, куда изъ кабинета была открыта дверь, онъ услышалъ нерѣшительные шаги, и знакомый голосъ спросилъ у прислуги: «занимается?»

Пануринъ всталъ и вышелъ.

— Кон-чилъ заниматься, здравствуйте.

У Кати былъ нѣсколько смущеный видъ.

— Я, кажется, немного рано,—сказала она.—Ничего?

— От-лично,—отвѣтилъ Пануринъ, и взялъ ее за обѣ руки.—Очень радъ, что пріѣхали. Пойдемте.

— Я верхомъ... начала-было Катя, но запнулась. И вообще она неясно знала, куда ступить, гдѣ сѣсть. Пануринъ вывелъ ее на балконъ. Внизу росли голубыя сосенки, а вдаль широкій видъ открывался—на поля, деревню, лѣса на горизонтѣ.

— У меня есть под-зорная труба,—сказалъ Пануринъ.—Если здѣсь поставить, то видно, какъ гость по дорогѣ ѣдетъ, верстъ за пять.

Катя оглядывалась.

— У васъ вообще отличная усадьба. Какой огромный домъ!

— Этому до-ому сто лѣтъ. Если собраться его подремонтировать, будетъ хоть куда.

— Вотъ вы гдѣ живете,—произнесла Катя задумчиво. А это кабинетъ. Тутъ вы занимаетесь?

Пануринъ улыбнулся.

— Я не такъ ужъ много за-анимаюсь, какъ думаютъ.

И онъ сталъ ей разсказывать, слегка дергаясь глазами и не торопясь, какъ онъ росъ, барченкомъ, въ просвѣщенной семьѣ. Учили его всему—съ дѣтства, и выходило, что онъ всего понемногу зналъ, и учился порядочно. Гимназія, университетъ, все какъ-то само собой. Почему именно филологомъ сталъ? Ну, вѣроятно, бóльшая все-же склонность.

А потомъ его оставилъ при университетѣ профессоръ, пріятель отца. И вотъ онъ теперь по части романтизма подвизается. Но—не такъ ужъ удачно.

Катя слушала его, опершись на перила, и глядя на голубую сосенку. Когда онъ кончилъ, она вдругъ тихо сказала:

— Для меня, все-таки, это все неожиданно вышло, вчерашнее... Она замялась.—Даже неловко было ѣхать.

— Я по-нимаю,—отвѣтилъ Константинъ Сергѣичъ серьезно: но это ни-ичего. Вѣрнѣе, я дол-женъ быть смущенъ. Но, говоря по правдѣ, не смущаюсь.

Катя улыбнулась.

— Чего же вамъ смущаться?

— Нѣтъ, правда. По-отому что, если хотите знать, вы очень слав-ная дѣвушка. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Странно,—сказала Катя, продолжая улыбаться, мнѣ съ вами... удобно. Точно я васъ давно знаю. А между тѣмъ—совсѣмъ недавно. Даже я перестаю васъ смущаться.

И она подала ему руку. Пануринъ взялъ и очень ласково поцѣловалъ ее.

— Это ничего, что не-ожиданно,—сказалъ онъ.—Мало-ли что хорошее бываетъ неожиданно.

— Въ вашей усадьбѣ я первый разъ. А ужъ мнѣ кажется, я много разъ тутъ бывала, все знаю. Все у васъ и должно быть такое.

— Какое?

— Ну... особенное. Не какъ у другихъ.

— Вотъ это ме-ня удивляетъ, отвѣтилъ—Пануринъ.—Но прі-ятно. Положительно, выгодно принадлежать къ нашему цеху. Мы, рядо-вые, пользуемся привиле-гіями большихъ людей, давшихъ славу нашему ремеслу. Я утверждаю, что въ Россіи выгодно носить кличку ученаго.

— Вы наговариваете на себя,—сказала Катя.—Къ чему это? Все равно, я вамъ не повѣрю.

Пануринъ засмѣялся.

— Это ужъ какъ угодно.

День установился необыкновенно-прекрасный. Къ вечеру облачка стали тоньше, легче и выше. Даль свѣтлѣла голубовато. Зеркально блестѣлъ кусочекъ рѣки внизу, и была великая радость въ этомъ тихомъ, но не слѣпящемъ свѣтѣ солнца. Катя положила голову на нагрѣтыя перила, закрыла глаза, и ей казалось, что она тотъ самый грѣющійся котъ, котораго умѣетъ дѣлать изъ своихъ щекъ Мать.

Пануринъ подставилъ ей лѣтнее кресло, а самъ растянулся въ лонгшезѣ.

— Мы те-еперь съ вами какъ въ са-анаторіи для легочныхъ. Тутъ легко и за-дремать.

Катя обернула голову, и повела на него зеленоватымъ, томнымъ, полнымъ отраженнаго свѣта, глазомъ.

— Я не задремлю,—сказала она.

Пануринъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоей нѣжностью. Ему нравился ея покой, мягкая теплота ея лица, золотистый, подъ солнцемъ, отливъ кожи.

— По че-ертамъ лица васъ не назовешь, пожалуй, кра-сивой,—сказалъ онъ.—Но я чувствую въ васъ большую про-стоту, и близость къ природѣ нашихъ мѣстъ. Изъ вашихъ глазъ опредѣленно смотрятъ на меня наши по-оля. Если бы у нихъ гла-за были, они бы также смотрѣли.

Катя продолжала глядѣть на него пристально, ничего не отвѣтила, и слегка погладила рукою его руку.

— А сама все смо-тритъ, смотритъ!

Катя вздохнула.

— Если непріятно, я не буду.

Пануринъ отвѣтилъ серьезно:

— Мнѣ, Катерина Михайловна, это не можетъ быть непріятно.

Она улыбнулась ласково и задумчиво одними глазами.

«Это взглядъ влюбленной дѣвушки, несомнѣнно», подумалъ Пануринъ, и легкая гордость прошла по немъ. Затѣмъ, внезапно сердце его нѣсколько защемило. Онъ тоже вздохнулъ.

Катя поднялась, встала передъ нимъ, и взяла за руки.

— Ну, что съ вами? — спросила она тихо, глухо и нѣжно.—Почему измѣнились?

— Ни-ичего, не измѣнился.

Онъ тоже всталъ.

— Пойдемте, лучше, сы-граемъ до чая въ теннисъ. Одинъ сэтъ.

Катя покорно опустила голову.

— Хорошо, идемъ.

Они прошли черезъ кабинетъ, большую залу, сквозь стеклянный куполъ которой ложились солнечные лучи и блестѣли въ бронзовыхъ часахъ, и черезъ низкую столовую вышли въ садъ.

До тенниса надо было итти цвѣтниками, старой липовой аллеей и взять направо. Катя шла послушно, но задумчиво, точно предстоящая игра мало ее занимала.

Пануринъ снялъ пиджакъ.

— Да вы не зѣ-ѣвайте,—сказалъ онъ, подавая ей ракетку.—Это вамъ не бло-ошки, я въ прежнія времена порядочно игралъ.

Площадка была не изъ блестящихъ, но хорошо затѣнена липами. За изгородью сада, черезъ дорогу, виднѣлась церковь,—типичная бѣлая русская церковь александровскихъ временъ. Въ глубинѣ, за кустами, низкое зданіе оранжереи. Пахло липовымъ цвѣтомъ; высоко надъ головой жужжали пчелы. Бой шелъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Пануринъ быстро измѣнился. Опять въ немъ проснулся спортсмэнъ-неудачникъ. Онъ совсѣмъ хотѣлъ забить Катю, сервировалъ съ трескомъ, и отбивать его мячи

было-бы трудно, если-бъ большая ихъ часть не попадала въ сѣтку. Онъ началъ волноваться.

— Это чо-ортъ знаетъ! Я какъ са-апожникъ сталъ играть!

Катя также нѣсколько оживилась, но отдаться цѣликомъ, какъ онъ, не могла. Только это и спасло Константина Сергѣича отъ полнаго разгрома. Сэтъ играли долго, и Катя, наконецъ, положила ракетку: силъ больше не было. Солнце сквозь липы било уже краснѣющимъ огнемъ, и хотя отъ игры становилось жарко, все же чувствовался холодокъ вечера.

— Довольно,—сказала Катя.—Я отмахаю себѣ руки.

Когда вернулись въ домъ, былъ поданъ уже чай на балконѣ, но не тамъ, гдѣ они разговаривали, а на ближайшемъ, выходившемъ въ цвѣтники.

Панурину захотѣлось умыться. Катя побыла одна, потомъ черезъ залу прошла къ нему въ кабинетъ, полный огненнаго заката. За ширмочкой плескался Константинъ Сергѣичъ.

— Можно мнѣ руки вымыть?—спросила Катя.

— По-ожалуйста, я уже готовъ.

Когда она вошла за ширму, Константинъ Сергѣичъ вытиралъ лицо и руки полотенцемъ, потомъ налилъ въ ладонь одеколону. Онъ былъ высокъ и сухощаво-худоватъ. Катѣ удивительнымъ показалось, что она такъ близко къ нему, что онъ при ней перевязываетъ галстукъ и причесывается, но это было ей пріятно: слегка даже захватывало дыханіе.

Не вполнѣ увѣренно она вымыла руки, ополоснула лицо и шею и машинально протянула руку за полотенцемъ, когда Пануринъ полуобнялъ ее сзади, и поцѣловалъ подъ затылкомъ. Катя слегка охнула и медленно, отяжелѣвшими руками взяла полотенце, и спрятала въ него лицо.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли къ чаю.

Катя сѣла за самоваръ. Отъ ея рукъ пахло одеколономъ Константина Сергѣича, она была какъ-то присмирѣвшая и не вполнѣ сознавала, что вокругъ.

Черезъ часъ они выѣхали верхомъ въ Щукино. Блѣдносиній, съ фіолетовымъ на сѣверѣ, наступалъ вечеръ. Изъ риги вылетѣла летучая мышь, и прочертила свой зигзагъ. Пахло полынью. Лошади шли рысью, сильно пылили. Катя молчала. Константинъ Сергѣичъ тоже не особенно былъ разговорчивъ, и лишь отъѣхавъ версты три, закуривъ, и пустивши лошадь шагомъ, сталъ философствовать о томъ, что русская природа имѣетъ таинственную и глубокую связь съ лицомъ и душою русской женщины. Тема эта была уже знакома Катѣ.

VI

Безъ Матери съ Бобкой въ Москвѣ произошелъ маленькій скандалъ. Дѣло было такъ. Послѣ бѣговъ, выигравъ, Бобка со знакомымъ судебнымъ приставомъ Егуновымъ ринулся къ Яру. Сколько времени они тамъ бушевали, неизвѣстно. Но на разсвѣтѣ оказались въ трактирѣ Бабынина на Земляномъ валу. По дорогѣ Егуновъ, человѣкъ угрястый, нерѣдко надѣвавшій къ форменному сюртуку сѣрые штаны, и въ обычное время заспанный, съ вихрами,—тутъ рѣшилъ заѣхать домой. Заѣхали и взяли еще денегъ и цѣпь судебнаго пристава. Егуновъ былъ самолюбивъ, да и Бобка зналъ себѣ цѣну; но какъ разъ вышло, что въ трактирѣ Бабынина къ нимъ отнеслись недостаточно почтительно. Егуновъ разсердился, надѣлъ цѣпь и объявилъ, что именемъ закона накладываетъ печати на все вокругъ, вообще всѣхъ арестуетъ и «препровождаетъ». Бобка помогалъ ему; но кончилось тѣмъ,

что препроводили именно ихъ въ ближайшій участокъ, гдѣ они провели раннее и позднее утро. Далѣе, Егунова посадили на недѣлю на гауптвахту, а Бобка предсталъ передъ мировымъ, и выложилъ двадцать-пять рублей компенсаціи. Денегъ не жалко, но не весело было судиться и признавать свои слабости. Бобка нѣсколько разстроился, и рѣшилъ съѣздить къ Матери въ деревню «нравственно встряхнуться», какъ онъ говорилъ.

По его виду Мать быстро замѣтила, что съ нимъ нѣчто произошло. Бобка сначала мялся, но потомъ выболталъ самъ все, сваливая главную вину на Егунова, и его пѣпь.

— Воображаю, и ты былъ хорошъ,—сказала Мать.— Такъ перепьются, что скоро Царь-Пушку будутъ въ плѣнъ брать.

— Вовсе мы не столько и пили. Ты же знаешь, я оченъ крѣпокъ на вино. Егуновъ—тотъ слабѣе.

— Оно и видно, какъ крѣпокъ, бормотала Мать. Все-же, она сама мало что имѣла противъ такой исторіи. Во всякомъ случаѣ, это безконечно пріятнѣе проступка по женской части. А въ этомъ направленіи Бобка былъ нынѣ безгрѣшенъ—она тоже чувствовала.

Ему дали комнатку рядомъ. Онъ сталъ ходить въ русской рубашкѣ, въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ—потому что деревня, здѣсь полагается не стѣсняться. Московскую неудачу забылъ быстро, и съ Колгушинымъ обращался небрежно, тономъ превосходства. Училъ его, что надо разводить огороды и свекловицу, заниматься дорогими культурами, а не сѣять какую-то глупую рожь: пусть ужъ съ этимъ возятся мужики.

— Нѣкоторые утверждаютъ,—отвѣчалъ Колгушинъ,— что въ нашей мѣстности слѣдуетъ развивать винокуреніе. Да... Но я, знаете ли, предпочитаю простое русское полевое хозяйство. Сложилъ скирдочки, обмолотилъ, и въ

Москву на элеваторъ, а денежки въ карманъ. Зерно въ Москву, а денежки въ карманъ.

И онъ отъ радости смѣялся, потиралъ руки.

— Неправда ли—обратился онъ къ Катѣ,—пріятно выйти замужъ за помѣщика. Онъ поѣдетъ осенью въ Москву, и накупитъ женѣ разныхъ подарочковъ. А потомъ свезетъ ее въ Большой театръ, въ оперу, и она будетъ лучше всѣхъ одѣта.

— Ну, батюшка,—сказалъ Бобка,—насъ помѣщикомъ не прельстишь. Намъ подавай чего-нибудь такого возвышеннаго, и поэтическаго... а не то, чтобы куровода.

Съ Катей послѣднее время Бобка былъ холодноватъ. Это зависѣло отъ того, что теперь Катя обращала на него еще меньше вниманія, чѣмъ раньше. Она имѣла видъ разсѣянный, и нѣсколько задумчивый. Видѣлъ Бобка и Константина Сергѣича, и кое-что понялъ. Ему стало досадно. Отчасти онъ завидовалъ, отчасти какъ-бы обижался на Катю.

— Я вообще замужъ не собираюсь,—сказала она. Бобка заложилъ ногу на ногу и присвистнулъ.

— Разумѣется. Это теперь не принято. Моды такой нѣтъ.

— Скажите, пожалуйста!—сказалъ Колгушинъ.—Значитъ, больше процвѣтаетъ гражданскій бракъ? Такъ сказать, вокругъ кустика?

— Да-съ, теперь проще смотрятъ.

Бобка слегка наклонился къ Колгушину, и сказалъ что-то вполголоса. Колгушинъ осклабился, сталъ потирать руки. Катя спустилась со ступенекъ террасы и пошла въ вишенникъ.

Былъ четвертый часъ дня, только что прошелъ дождь, и по песку дорожки Катины слѣды влажнѣли. Туча воробьевъ, скворцовъ слетѣла изъ чащи; въ проглянувшемъ солнцѣ серебромъ осыпались брызги. Пахло очаровательнымъ тепломъ, и влагой іюльскаго припарка. На западѣ,

куда шла Катя, небо совсѣмъ прояснѣло, и края тучъ залились золотистымъ огнемъ. «Глупые они оба», думала Катя, идя и похлестывая себя по ногѣ вѣткой. Она улыбнулась, и вдругъ слезы выступили у нея на глазахъ. «Могла ли я подумать, ну могла-ли подумать?» Она подошла къ забору, къ тому мѣсту, откуда видно было уже поле, и гдѣ тогда, вечеромъ, онъ ее цѣловалъ. Прислонившись къ забору, она положила голову на руки, вздохнула, и закрыла глаза. Никого не было вблизи. «Онъ сказалъ мнѣ: вы страшно милая». Солнце стало ее пригрѣвать; она разомлѣла, и съ мучительной сладостью повторяла про себя: «страшно милая». Даже закружилась немного голова. Но черезъ минуту она очнулась. «Это ловко! Такъ вѣдь можно и Константина прозѣвать».

Слова относились къ тому, что сегодня обѣщалъ пріѣхать Константинъ Сергѣичъ къ четыремъ часамъ, и Катя просто выходила его встрѣчать, а днемъ была не въ духѣ оттого, что шелъ дождь, и онъ могъ не пріѣхать.

Теперь-же, напротивъ, явилась непоколебимая увѣренность, что пріѣдетъ. Она спустилась въ ложбинку, гдѣ стояли копны Петра Петровича, и пахло покосомъ; потомъ поднялась на изволокъ и зашагала мимо ржей, уже золотистыхъ, теперь тоже влажныхъ, и парныхъ. Какъ-бы тонкій, свѣтящійся туманъ стоялъ надъ ними.

Катя не ошиблась. Не прошла она и десяти минутъ, какъ изъ хлѣбовъ показалась Андромеда, вороная полукровная кобыла Панурина. Нынче Константинъ Сергѣичъ ѣхалъ не верхомъ, а въ дрожкахъ. Лошадь шла рѣзво, и высокіе его сапоги, какъ и накидка, были забрызганы грязью.

— Вотъ какъ я угадала,—сказала Катя, блестя улыбкой, когда онъ приблизился.—Вы очень аккуратны.

Пануринъ остановилъ лошадь и не слѣзая поцѣловалъ Катѣ руку.

— Ну какъ жи-ивемъ? спросилъ онъ.—Какъ Богъ грѣхи ми-луетъ?

— Мнѣ хочется съ вами на дрожкахъ проѣхаться, сказала Катя.—Можно? Только не сразу къ намъ, а сперва немного прокатиться.

— Во-первыхъ,—отвѣтилъ Папуринъ,—грязно, вы забрызгаетесь. А затѣмъ, какъ-же вы ся-дете? Вѣдь вы-же въ ю-убкѣ?

Но пока онъ недоумѣнно соображалъ, Катя уже устроилась, лицомъ назадъ, прислонившись спиной къ широкой, и худой спинѣ Константина Сергѣича.

— Теперь трогайте. Только не шибко.

Катю потряхивало, и правда, летѣли иногда комья грязи, но ей все-же было уютно, какъ-то *удобно* за спиной Константина Сергѣича: былъ онъ очень *свой*, какъ дядя, или отецъ, но съ чѣмъ-то еще инымъ, восторженно-жуткимъ.

— Я при-везу домой изъ васъ сбитыя сливки,—сказалъ Пануринъ, поправляя пенснэ передъ въѣздомъ въ усадьбу.—Врядъ-ли ваша сестрица, кото-орую вы отчасти справедливо называете Матерью, по-благодаритъ меня за это.

— Ничего,—отвѣтила Катя:—я уже взрослая.

Пануринъ обернулся, увидѣлъ въ вершкѣ отъ себя сѣро-зеленые и сейчасъ робкіе глаза, улыбнулся и сказалъ:

— Если-бы мы не въѣз-жали въ усадьбу, я поцѣловалъ-бы васъ въ лобъ.

Но, дѣйствительно, этого нельзя было дѣлать. Они огибали уже елочки посреди двора, а на галлерейкѣ дома, у самаго подъѣзда, стоялъ Бобка, въ русской рубашкѣ, заложивъ руки въ карманы, въ красныхъ сафьянныхъ туфляхъ.

— Вотъ она, видите ужъ гдѣ, дѣвица,—сказалъ онъ вышедшему изъ дому Колгушину.—А всего часъ назадъ мы съ ней разговаривали.

— Да,—отвѣтилъ Колгушинъ, потирая руки,—быстро обернулись, Катерина Михайловна. Дѣйствительно, очень быстро. И Константинъ Сергѣичъ. Очень пріятно. Тѣмъ болѣе, я только что получилъ извѣстіе: на воскресенье владыка назначилъ освященіе нашей церкви. Нѣсколько поторопился старичокъ, еще рабочая пора не отошла, но что подѣлаешь. Надѣюсь, что вы, Константинъ Сергѣичъ, какъ ближайшій сосѣдъ, не откажетесь присутствовать на нашемъ торжествѣ.

Пануринъ нескладно слѣзъ съ дрожекъ, отдалъ возжи работнику.

— Это очень интересно,—сказалъ онъ.—Особенно, какъ бытовая картина.

Какъ обычно, за вечернимъ чаемъ хозяйничала Мать, сидя за самоваромъ. Катя была сдержана и серьезна. Бобка читалъ «Русское Слово». Нѣсколько развалясь, онъ восхищался фельетонами.

— Бойкое перо,—говорилъ онъ про тамошняго писателя.—Очень ловко прохватилъ. Это литература, я понимаю!

Послѣ чаю, когда большая гостиная наполнилась уже красноватымъ сумракомъ, Пануринъ къ удивленію присутствовавшихъ подошелъ къ роялю, снялъ съ него кисею, и посредственно сыгралъ шопеновскій полонезъ.

Слушали его Катя и Мать, сидя на диванѣ. Въ серединѣ пьесы Мать вызвали зачѣмъ-то. Пануринъ кончилъ, подошелъ къ Катѣ и сѣлъ рядомъ.

— Отчего вы никогда не говорили,—шопотомъ сказала Катя, тронувъ его холодной рукой,—что играете на рояли?

— Значенія не при-даю,—отвѣтилъ Пануринъ.—Съ дѣтства учили язы-камъ, музыкѣ...—Онъ помолчалъ, и потомъ вдругъ прибавилъ:—А въ общемъ изъ меня ни-ичего не вышло. Ни въ ка-акой области.

Катя слегка приникла къ нему.

— Опять на себя наговариваете.

— Не ду-маю. Мнѣ бы гораздо больше хотѣлось быть, дѣйствительно, чѣмъ-нибудь. Хотя бы хорошимъ трубачемъ въ оркестрѣ.

Катя улыбнулась.

— Трубачемъ!

Она больше ничего не сказала. Отчасти ее охватывало умиленіе. Константинъ же Сергѣичъ тоже сталъ молчаливъ, какъ-будто грустенъ, и довольно скоро уѣхалъ.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Катя подверглась нѣкоторому допросу Матери. Она держалась, и ничего особеннаго не выдала. Но верхнимъ чутьемъ женщины Мать все же поняла, что дѣло не вполнѣ чисто. Ее это не удивляло, но все же нѣсколько безпокоило. Мать привыкла считать Катю маленькой. Катя же и въ эту ночь, какъ и въ другія, засыпала плохо. Слишкомъ много новаго и особеннаго пришло въ ея жизнь. Она думала о себѣ, о немъ. Теперь уже знала, что его любитъ, и старалась понять, какъ онъ къ ней относится. Онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ, но ни разу не сказалъ больше того, что она милая и славная дѣвушка. Тутъ что-то для нея было неясно.

VII.

Въ день освященія погода выдалась отличная, прямо какъ по заказу для торжества. Былъ тотъ оффиціально-нарядный лѣтній день, когда по очень синему небу плывутъ барашки, въ полѣ тянетъ жаркій вѣтеръ, и расфранченныя бабы идутъ отъ обѣдни.

Народъ явился не только изъ Щукина, но и изъ сосѣднихъ деревень; было немало разноцвѣтныхъ платковъ, шуршащихъ и пахнущихъ деревенскихъ платьевъ; были

пріодѣтыя учительницы, на каблучкахъ; много расчесанныхъ и подмасленныхъ мужицкихъ бородъ и проборовъ. Поддевки, пиджаки, «благообразіе». Въ тѣни подъ деревьями сидѣли пѣвчіе изъ Москвы, изъ частнаго хора, въ удивительныхъ кафтанахъ, красно-синихъ. Ростомъ и пестротой наряда они напоминали папскую гвардію.

Прифрантились и Мать съ Катей—въ бѣленькомъ, всегда идущемъ къ молодымъ лицамъ. Бобка былъ въ желтыхъ туфляхъ и свѣтло-кофейномъ жилетѣ, но, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Колгушинъ: при сюртукѣ бѣлый галстухъ, запахъ персидской сирени на солидную дистанцію, и на лѣвой сторонѣ груди, подъ красной вѣшалочкой—рядъ орденовъ: медаль пятидесятилѣтія земства, жетонъ за постройку храма, военно-конская перепись, сельское хозяйство, содѣйствіе почтовому отдѣленію и прочее. Былъ онъ какъ бы оберъ-комендантъ торжества.

Это онъ трепеталъ за карету преосвященнаго; онъ его и встрѣчалъ, и первый подошелъ подъ благословеніе.

Служба шла долго. Было много довольно сложныхъ дѣйствій: мыли алтарь, помазывали новыя иконы, служили передъ занавѣсью, которую потомъ отдернули. Для преосвященнаго устроили возвышеніе, гдѣ онъ, въ епископской митрѣ и парадномъ облаченіи, какъ бы предводилъ дѣйствіями шести священниковъ, нѣсколькихъ діаконовъ и хора папской гвардіи. Петръ же Петровичъ оперировалъ у кассы, съ блаженнымъ видомъ, слегка потѣя, продавалъ свѣчи и не могъ налюбоваться церковью, которая вся заново была расписана блѣдно-розоватыми и голубыми иконами, дабы, какъ выражался Петръ Петровичъ, «веселѣе было мужичкамъ молиться». Въ извѣстный моментъ, какъ полагается, онъ сіяя отправлялся по толпѣ съ блюдомъ, гдѣ для внушительности лежали двѣ пятирублевки; за нимъ несли кружки. Мать съ серьезностью дала двугривенный; достала изъ тощаго порт-

манчика монетку и Катя, и холодными пальцами положила на тарелку. Какъ разъ за минуту передъ тѣмъ она увидѣла Константина Сергѣича: онъ разсѣянно и неловко вошелъ, тоже въ сюртукѣ, и какъ Катѣ показалось «заграничномъ». Откинулъ прядь волосъ на вискѣ и сталъ глазами искать знакомыхъ. «Не буду смотрѣть, пусть самъ найдетъ», подумала Катя, для которой тотъ уголъ церкви, гдѣ онъ стоялъ, сразу чѣмъ-то зажегся. И она стала всматриваться въ преосвященнаго, который воздѣвалъ въ эту минуту руки вверхъ. Константинъ Сергѣичъ, разумѣется, подошелъ.

Служба протекала гладко и правильно. А тѣмъ временемъ въ усадьбѣ, въ столовой Петра Петровича, шли въ своемъ родѣ величественныя приготовленія: къ «трапезѣ». На приглашеніяхъ, разосланныхъ заранѣе, было напечатано, даже, по ошибкѣ: «тропеза». Накрывали чистыя скатерти; черезъ дворъ изъ кухни носили тарелки съ кусочками осетрины, на которую садились мухи. Откупоривали мадеру для штатскихъ, а для поповъ кагоръ. Пѣвчихъ предполагалось кормить отдѣльно. Ихъ было такъ много, и они оказались столь громадны, что являлось опасеніе: пожалуй, сожрутъ все, что въ усадьбѣ есть, и еще будутъ недовольны.

Церковь отъ дома была шагахъ въ трехстахъ, но все же, по окончаніи службы, Петръ Петровичъ, клоня голову вбокъ передъ владыкой, предложилъ ѣхать въ каретѣ. Владыка устало вздохнулъ, отказался. Тогда и всѣ пошли пѣшкомъ.

— Ну-съ, батенька, — сказалъ Колгушину Бобка, шагая съ нимъ рядомъ.—Владыка-то вашъ оказался такъ себѣ, съ перчикомъ.

— Я,—отвѣтилъ Колгушинъ,—этого не могу понять. Да. Что, собственно, значитъ, что преосвященный можетъ быть съ перчикомъ? Или же безъ перчика?

— Отъ архіерея,—сказалъ Бобка небрежно,—должно пахнуть сладостью, и этакимъ затхлымъ, тепленькимъ. А этотъ простоватъ. И голосъ не такой. Нѣтъ, онъ скорѣй на монаха аѳонскаго смахиваетъ.

Бобка былъ отчасти правъ. Преосвященный, полусѣдой, но не старый, казался недостаточно пышнымъ для своего сана; въ обращеніи былъ сдержанъ, покоенъ, и выглядѣлъ нѣсколько утомленно.

За столомъ ему отвели первое мѣсто; вокругъ въ смущеніи мялись священники. Владыка привычно, усталой манерой, сотворилъ молитву, привычно сѣлъ, какъ дѣлалъ это уже десятки разъ, и традиціонно поздравилъ Петра Петровича съ открытіемъ храма. Петръ Петровичъ, лоснясь и блестя отъ волненія, провозгласилъ тостъ за владыку. Владыка равнодушно поблагодарилъ и поклонился всѣмъ, кто его привѣтствовалъ.

Противъ архіерея Колгушинъ посадилъ Константина Сергѣича, какъ самаго, по его мнѣнію, образованнаго человѣка изъ присутствовавшихъ. Съ нимъ сидѣла Катя, а Мать и Бобка были не такъ близко, въ сторонѣ. Бобка, остался этимъ недоволенъ. «Напрасно онъ думаетъ», сказалъ онъ Матери: «что я съ архіереемъ не могу разговаривать. Я, можетъ, еще почище господина Панурина изъясняюсь. Онъ, вонъ, заикается». «Молчи, молчи, Бобка» зашептала на него Мать: «сиди ужъ смирно, да на мадеру не очень налегай, а то, вѣдь, знаешь, какъ иногда бываетъ». «Что жъ что бываетъ, что мнѣ мадера-то?» нарочно громко отвѣтилъ Бобка. «Я этой самой мадеры бочку могу выпить».

И онъ демонстративно налилъ себѣ порядочную рюмку. «Подумаешь, я мадеры испугался!» Мать дернула его за фалду, и въ сердцѣ у нея похолодѣло.

Между тѣмъ, Константинъ Сергѣичъ отчасти завязалъ разговоръ съ преосвященнымъ. Разговоръ этотъ

начался съ того, что Константинъ Сергѣичъ, нѣсколько сбиваясь и путаясь, спросилъ владыку, какъ относится церковь къ попыткамъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей по-новому понять христіанство.

Владыка смотрѣлъ на него холодноватымъ, безразличнымъ взоромъ. Казалось,—и объ этомъ онъ говорилъ тысячу разъ, и это тоже неинтересно.

— Въ вопросы богословія,—отвѣтилъ онъ,—свѣтскіе писатели, за рѣдчайшими исключеніями, вносятъ путаницу и сумбуръ. Я слышалъ объ этихъ модныхъ мечтаніяхъ. Но за обиліемъ дѣлъ не удосужился прочесть. Впрочемъ,— прибавилъ онъ,—въ молодость мою, въ бытность въ Академіи, я много читалъ покойнаго Владиміра Соловьева. Приходилось даже съ нимъ встрѣчаться. Это былъ великій умъ, избранный сосудъ.

Бобка успѣлъ уже выпить нѣсколько рюмокъ мадеры, и держа пятую за ножку, на столѣ, откинувшись нѣсколько на стулѣ, тяжелымъ взоромъ глядѣлъ на владыку.

— Это вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, ваше превосходительство,—вдругъ сказалъ онъ громко, обращаясь къ архіерею,—что разные, тамъ, свѣтскіе любители наукъ и искусствъ чрезмѣрно зазнаются. Это совершенно правильно, Константинъ Сергѣичъ Пануринъ!— прибавилъ онъ, дерзко поглядѣлъ на Константина Сергѣича и затѣмъ выпилъ.

Мать похолодѣла и быстро зашептала ему на ухо. Владыка съ удивленіемъ взглянулъ на Бобку и сталъ разсказывать Панурину про Соловьева. Петръ Петровичъ тоже замялся, но вывозило то, что преосвященный разсказалъ довольно длинную исторію изъ своей студенческой жизни, гдѣ игралъ роль и Соловьевъ. Петръ Петровичъ слушалъ его, склонивъ голову на бокъ, и по временамъ повторялъ вполголоса: — «Да, Соловьевъ, да».

При этомъ думалъ, что это тотъ самый, что написалъ романъ «Вольтерьянецъ». Нѣкогда, въ иллюстрированномъ журналѣ, Петръ Петровичъ читалъ даже этотъ романъ, и ему пріятно было слушать о писателѣ, котораго онъ зналъ.

Много помогло Матери то, что преосвященный не былъ расположенъ разсиживаться. Онъ ничего не пилъ, ѣлъ мало: въ прошломъ у него была воздержанная, правильная жизнь. Онъ отбылъ тяготу обѣда, сколько нужно, и затѣмъ высказался, что ему пора въ путь.

У Бобки оставалось еще порядочно недопитой мадеры, но онъ рѣшилъ, что все равно не упуститъ своего, и попрощался съ архіереемъ очень прилично, даже почтительно: подошелъ подъ благословеніе, поцѣловалъ руку. Цѣловали ее и священники, и Петръ Петровичъ.

Между тѣмъ, подали уже карету, и у галлерейки Петра Петровича толклись любопытные. Мать съ Бобкой стояли у окна. Мать держала его подъ руку, прятала по временамъ возбужденное, хохочущее лицо за его спиной и дѣлала кота: она была очень рада, что все кончилось болѣе или менѣе сносно; и съ тѣмъ чувствомъ, какъ дѣти доѣдаютъ оставшіяся отъ гостей конфекты, она не хуже Бобки хлопнула двѣ рюмки мадеры. Бобка-же кланялся уѣзжавшему архіерею, и когда карета обогнула куртину елокъ, даже помахалъ ему вслѣдъ платкомъ.

Мать хохотала за его спиной.

— Ну, проводилъ друга? Когда-то еще увидитесь! Бобка, Бобка, ты-бы поплакалъ!

— Онъ мнѣ, положимъ, не другъ,—сказалъ Бобка внушительно.—Но что-же, онъ почтенный пастырь. Я могу оказать ему вниманіе.

— А я думала, непремѣнно выйдетъ скандалъ,—говорила Мать, отирая слезы смѣха.—Превосходительствомъ назвалъ!—Она опять фыркнула.

— Это просто маленькая ошибка. Но онъ совершенно правильно сказалъ—объ этихъ господахъ, въ родѣ мистера Панурина. Посмотри, преосвященный уѣхалъ, а ужъ онъ навѣрно гдѣ-нибудь Катерину развиваетъ, обучаетъ нѣжнымъ чувствамъ.

Нельзя сказать, чтобы Бобка былъ совсѣмъ неправъ. Константинъ Сергѣичъ Катю не развивалъ, и нѣжнымъ чувствамъ не обучалъ, но правда, когда гости разъѣхались, они вышли въ садъ, и по Катиному предложенію пошли къ пруду. Этотъ самый прудъ, гдѣ Мать купалась, теперь зацвѣталъ мелкой зеленью, и вода его, чувствовалось, была очень тепла. Катя сѣла на скамеечку. Видимо, она сдерживалась. Константинъ Сергѣичъ имѣлъ видъ разсѣянный. Ему было нѣсколько жарко въ сюртукѣ; подъ конецъ тоже утомила церемонія.

— Мы съ Мамашей,—сказала Катя:—здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ,—Скоро надо и уѣзжать. Смотрю на этотъ прудъ, онъ мнѣ кажется другой, чѣмъ когда сюда пріѣхали. И вся эта усадьба другая, да и весь свѣтъ.

— Это бываетъ,—сказалъ Панурин невесело.

Катя нѣсколько помолчала.

— Я два дня думаю объ одной вещи,—сказала она,—но не рѣшаюсь вамъ сказать.

Константинъ Сергѣичъ опустилъ голову.

— Го-оворите. Почему-же не рѣ-ѣшаетесь?

Нѣсколько поблѣднѣвъ, Катя сказала:

— Вы все-таки очень странный человѣкъ. Я васъ не вполнѣ понимаю. Можетъ быть, потому, что я простая дѣвушка. Но главное... вы, по-моему, меня совсѣмъ не любите. Такъ, между прочимъ. Славная дѣвушка, милая дѣвушка.

Константинъ Сергѣичъ сбоку поглядѣлъ на нее внимательнымъ, серьезнымъ взоромъ. Отвѣтилъ онъ не сразу.

— Дорогая,—сказалъ онъ медленно,—вотъ въ васъ уже

женщина про-снулась. Вы тоже на моихъ глазахъ очень измѣнились.

— Мнѣ сегодня очень плохо,—прошептала Катя. Пануринъ спросилъ тихо, съ нѣкоторой грустью:

— Почему у васъ такія мысли? Было-бы не-евѣрно ска-зать, что вы мнѣ не нравитесь. Напротивъ. Можетъ быть, я немного даже влюбленъ.

Катя молчала.

— Но вамъ не этого надо,—прибавилъ онъ ласково-чуть усмѣхнувшись.—Вамъ надо, чтобы я прыгнулъ въ ва-асъ какъ въ этотъ пру-удъ, и съ головой бы. Только, бы пузырьки со дна пу-скать.

— Я на васъ правъ никакихъ не имѣю. И не смѣю имѣть.

— Нѣтъ, дѣло не въ пра-авахъ...

Пануринъ сидѣлъ задумавшись. Снова, какъ тогда на балконѣ, въ его имѣніи, предвечернее небо было особенно прозрачно, высоко и тонко. Медленно блестѣлъ прудъ; иногда поплескивала въ немъ рыба. Тихое золото разливалось вокругъ, золото было въ далекомъ жнивьѣ за прудомъ, въ крестцахъ ржи, въ самомъ свѣтломъ героѣ сегодняшняго дня—спускающемся солнцѣ.

— Я могу любить васъ въ томъ смыслѣ,—сказалъ, наконецъ, Пануринъ,—въ ка-акомъ люблю этотъ свѣтъ, со-олнце, кра-соту русской природы. Можетъ быть, я, дѣйствительно, странный человѣкъ, но всегда та-кимъ былъ. Для меня тѣ, кто мнѣ нра-вился, всегда были искрами пре-екраснаго, жен-ственнаго, что разлито въ мірѣ. Женщина же, какъ и вы, хо-очетъ безраздѣльнаго го-осподства. Этого во мнѣ, дѣйствительно, нѣтъ.

Помолчавъ, Пануринъ прибавилъ:

— У меня были связи. Но женатъ я не былъ. Теперь я одинъ, какъ видите.

Катя сидѣла, закрывая лицо руками. Потомъ вдругъ

она выпрямилась, медленно обвила руками шею Панурина, приблизила къ его лицу сѣро-зеленые глаза, въ которыхъ было теперь безуміе, и зашептала:

— Все равно. Я тебя люблю.

Изъ саду, все ближе, стали раздаваться голоса: это Бобка велъ подъ руку Петра Петровича и ораторствовалъ насчетъ архіерея.

VIII.

Срокъ отпуска у Матери кончился, и несомнѣнно, пора было уѣзжать, но наступили жары—тѣ іюльскія жары, что дѣлаютъ наше лѣто хоть на что-нибудь похожимъ. Матери не хотѣлось трогаться въ такое время, да и Катя, хоть была сумрачна, все же очевидно не сочувствовала. Мать многое теперь понимала, и хотѣла даже такъ устроить, чтобы Катя осталась одна на нѣкоторое время у Колгушина. Но все вышло по иному.

Почему-то Константину Сергѣичу понадобились въ Москвѣ книги, которыя проѣздомъ онъ оставилъ у дядюшки, московскаго старика. Константинъ Сергѣичъ обмолвился объ этомъ у Колгушина. Катя тотчасъ рѣшила, что именно она ихъ привезетъ: съѣздитъ въ Москву съ Матерью, оставитъ ее, и возвратится съ книгами. Ей страшно нравилось, что она будетъ въ городѣ по его дѣламъ; что поѣздка съ нимъ связана, да еще она сюда вернется.

Петръ Петровичъ провожалъ ихъ съ огорченіемъ.

Правда, Катя часто брала у него верховую лошадь, и роскошь природы Матери такъ и осталась «не для него»; но во всякомъ случаѣ, онѣ вносили въ его домъ нѣкое оживленіе, не дразнили его, не срѣзали; для нетребовательнаго Колгушина и это было немало.

— Что-жъ,—сказала Мать, садясь въ телѣжку и подавая ему руку,—будете въ Москвѣ, заходите къ намъ.

Колгушинъ кланялся, блестѣлъ лицомъ и проводилъ рукой по бобрику.

— Да,—говорилъ онъ,—очень благодаренъ, съ великимъ удовольствіемъ. Да. Съ величайшимъ. А Катерину Михайловну надѣюсь еще у себя видѣть. Непремѣнно.

Въ той-же телѣжкѣ, по тѣмъ-же полямъ, что и полтора мѣсяца назадъ, Мать съ Катей катили къ той-же станціи, въ ту-же самую Москву.

Для Матери разница была лишь въ томъ, что теперь убирали хлѣба, было гораздо жарче и пыльнѣе; Катѣ же казалось время, когда онѣ жили съ Матерью въ меблированныхъ комнатахъ у Курскаго вокзала, чѣмъ-то легендарно-далекимъ и неяснымъ. Да есть-ли, правда, эта самая Москва? Можетъ, все, что съ ней было до поѣздки—дѣтскій сонъ, милая, безцвѣтная фантасмагорія?

Однако, Москва стояла на своемъ мѣстѣ; приближался вечеръ, когда онѣ подъѣзжали. Москва завѣсилась струистымъ, раскаленнымъ, тонко-пыльнымъ пологомъ—издалека сіялъ въ немъ золотой куполъ Спасителя, расплавленная глава Ивана Великаго.

Поѣздъ пролеталъ вдоль подмосковныхъ огородовъ; пронеслась направо рощица на возвышеніи—кладбище; проскочили одинъ, два туннеля—и уже безконечные вагоны «Москвы-Рогожской», сталелитейный заводъ, монастырь Андронія, зеленые откосы Яузы: поѣздъ замедляетъ ходъ по высокой насыпи—кто этого въ Москвѣ не знаетъ, и откуда лучше раскрывается Москва, цѣликомъ, въ фабрикахъ, садахъ и храмахъ? Кто не ѣздилъ тутъ въ Крымъ, или въ деревню, или поздно вечеромъ не возвращался изъ Царицына, изъ поэтическихъ нѣкогда парковъ, отъ прудовъ, развалинъ дворца?

На томъ-же мѣстѣ оказались и меблированныя комнаты, только въ нихъ теперь было пустѣе, чѣмъ въ сезонъ, и жарче. Швейцаръ Илья, маленькій, любезный человѣкъ съ опухшимъ отъ выпивки лицомъ, встрѣтилъ ихъ обычно-дружественно, и потащилъ наверхъ чемоданы.

Войдя въ свою комнату, Катя отворила окно, и взглянула на тѣ пути Курской дороги, по которымъ онѣ только-что проѣхали, и которые—казалось ей весной—ведутъ въ далекую и неизвѣстную страну. Теперь они вели въ опредѣленное мѣсто; на географической картѣ оно приняло золотой ореолъ, заставляющій замирать сердце.

— Разбери-ка вещи, дѣвушка,—сказала Мать, снимая шляпу.—А я пойду по телефону говорить.

Это значило, что начинается ежедневная человѣческая жизнь, съ мелочами, бѣготней, службой. Катя покорно улыбнулась, стала развязывать чемоданъ. Теперь за всей этой обыденщиной стояло великое солнце, и теплымъ лучемъ, золотомъ наливало каждый ея шагъ. Она продѣлывала все, что полагается человѣку, вернувшемуся въ квартиру изъ отсутствія, и даже мало въ чемъ ошибалась; но была въ тѣхъ-же снахъ, какъ все это послѣднее время.

Такъ она и легла въ этотъ вечеръ, такъ и встала на утро, и ходила къ дантисткѣ, къ «Работнику» по порученію Колгушина: тамъ бродили обвѣтренные помѣщики, а Катя неловко сунула испорченную часть жнеи. Около трехъ дня, въ великую жару, она зашла въ молочную. Молоко ей дали холодное. Она выпила залпомъ, и ей даже понравилось, что такъ освѣжаетъ.

Потомъ она вскочила въ трамвай, и на задней площадкѣ, подъ боковымъ, горячимъ солнцемъ покатила по кольцу Садовыхъ. Она ѣхала къ Ивану Лукичу Арефьеву, дядѣ Константина Сергѣича, и домовладѣльцу.

Иванъ Лукичъ жилъ на Плющихѣ, во флигелѣ при особнячкѣ; къ нему надо было проходить по мосткамъ черезъ дворъ, хотя и мощеный, но съ травкой между камнями. За флигелемъ былъ садъ.

Иванъ Лукичъ отворилъ ей самъ, не снимая предохранительной цѣпочки. Увидѣвъ барышню, пустилъ охотно.

Былъ онъ небольшого роста, довольно аккуратный старичокъ въ люстриновомъ пиджакѣ. Много лѣтъ избирался въ Городскую Думу, умѣренными либералами, и вотировалъ кредиты на мостовыя. Это былъ его любимый пунктъ. Какъ горячій москвичъ и патріотъ, особенно страдалъ онъ за мостовыя. Разъ ему удалось произнести объ этомъ рѣчь, сорвавшую аплодисментъ. Затѣмъ, дважды онъ выступалъ въ почтенной газетѣ со статьями: «Еще къ вопросу о поливкѣ улицъ» и «О сравнительныхъ качествахъ булыжной мостовой и гранитной брусчатки по даннымъ центральнаго бюро изслѣдованія шоссейнаго дѣла въ Германіи». Тутъ онъ горой стоялъ за гранитъ.

Иванъ Лукичъ вѣжливо попросилъ Катю въ кабинетъ, гдѣ были книги, висѣлъ портретъ Михайловскаго и стоялъ маленькій акваріумъ съ рыбками. Прочитавъ письмо, Иванъ Лукичъ сказалъ:

— Костины книги, барышня, у меня въ полномъ порядкѣ, и сію минуту я ихъ выдамъ вамъ.

Онъ снялъ съ полки пакетъ, завязанный веревочкой, и подалъ Катѣ.

— А вы его сосѣдка будете?—спросилъ онъ. Катя объяснила.

— Такъ-съ. Надо сказать, что Костю я знаю съ дѣтства. Отецъ его былъ ученѣйшій человѣкъ, Костя тоже образованный, но нѣсколько, какъ-бы сказать... мечтательнаго направленія. Знаете, какъ вообще современные люди. Мы-съ,—сказалъ онъ тверже, выросли на иной

закваскѣ. Я и самъ, если угодно знать, положительнаго образа мыслей.

Иванъ Лукичъ былъ очень любезенъ съ Катей. Онъ всучилъ ей даже чашку чаю съ печеньемъ, разспрашивалъ, какіе теперь на курсахъ лучшіе профессора, и вышелъ проводить до воротъ. Но по дорогѣ вдругъ энергически абордировалъ человѣка, вышедшаго изъ какой-то калитки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ онъ довольно высокимъ голосомъ,—я покорнѣйше прошу, разъ навсегда, не пользоваться проходнымъ дворомъ черезъ мои владѣнья! Покорнѣйше прошу!

Но человѣкъ обратилъ мало вниманія и удалился. Иванъ Лукичъ былъ обиженъ.

— Вотъ у насъ все такъ! И что за некультурность, удивляешься просто.

И уже стоя въ воротахъ, прощаясь съ Катей, онъ все разсказывалъ, что къ сожалѣнію, Москвѣ далеко до столицъ запада. Не говоря о мостовыхъ, отношеніе высоты домовъ къ ширинѣ улицъ въ Москвѣ приближаетъ ее къ уѣздному городу. Катѣ было это неинтересно. Она ушла, а если-бы постояла еще, Иванъ Лукичъ могъ-бы ей разсказать, какъ иногда въ свободныя утра ѣздитъ смотрѣть на постройку новыхъ вокзаловъ, почтамта, осматриваетъ даже частные строящіеся дома—и все изъ чистаго, безцѣльнаго интереса: радуясь росту своего города.

Но трудно было-бы втолковать влюбленной слушательницѣ высшихъ курсовъ, въ двадцать два года, что-либо о поливкѣ улицъ или устройствѣ скверовъ!

Катю занимало теперь то,—когда можно будетъ вернуться въ Щукино. Ее огорчала дантистка, никакъ не отпускавшая раньше недѣли.

Извѣстно, что зубные врачи народъ медлительный и упорный; это ставятъ они себѣ въ заслугу, считая при-

знакомъ добросовѣстности. Дама, обрабатывавшая Катины зубы, была полнокровна, серьезна, скромна, въ духѣ интеллигентки стараго типа; она ни на іоту не отступала отъ своихъ медицинскихъ идей. Угрожала разными словами, въ родѣ *путрефикація пульпы*, и подавляла Катину волю своей основательностью.

Такъ прошло дней семь. Дама полировала уже пломбы, и Катя считала, что послѣзавтра, съ книгами Константина Сергѣича, она будетъ въ Щукинѣ.

Солнце садилось. Красными квадратами пятнало оно стѣну дантистской комнаты. Было жарко, хотя и пріоткрыто окно. Катя, сидя въ креслѣ, подъ заботливыми руками г-жи Щаповой, вдругъ почувствовала большую усталость, какъ-бы головокруженіе. Руки, ноги стали довольно тяжелы. Кончивъ послѣднія свои манипуляціи, г-жа Щапова заглянула Катѣ въ глаза, нѣсколько угасшіе, помутнѣвшіе, и приложила руку ей ко лбу.

— Голубчикъ,—сказала она мягкимъ и низкимъ голосомъ,—у васъ жарокъ. Смѣряйте себѣ температуру.

Уже спускаясь съ лѣстницы, Катя почувствовала, что въ ней что-то сидитъ. Оттого и туманъ въ головѣ, и зябкость, и тяжелое тѣло. Она плелась по душной улицѣ, гдѣ блѣднѣлъ уже газъ въ фонаряхъ. «Захварываю», подумала она: «все равно, послѣзавтра уѣду». Тутъ внезапно ей стало такъ скучно, тоскливо, что захотѣлось сѣсть на тротуарѣ. Она добрела все-же до трамвая, и въ лиловыхъ московскихъ сумеркахъ летѣла въ немъ; ей навстрѣчу неслись другіе вагоны, роняя зеленыя искры, краснѣя огнями фонарей. Она сидѣла у окошка, положивъ голову на руку, полувысунувшись изъ вагона. Красныя и зеленыя нити, шумъ, быстрота, все это отлично входило въ ея мозгъ; казалось, такъ и должно быть. Сутолока Сухаревой башни, Красныя ворота въ кровавомъ закатномъ

отблескѣ, толпа на платформахъ, непрерывные звонки трамваевъ, разлетающихся отсюда вѣеромъ—все такъ и надо. И лишь слѣзать, у себя, не хотѣлось. Все-же она слѣзла и добрела въ номеръ.

Въ номерѣ было полутемно и пусто. Мать сегодня дежурила, и нельзя было ждать, чтобы она вернулась ночью. Въ окно видны были золотые огни Курской дороги; золотистыя пятна трепетали на стѣнахъ, и доносились свистки, пыхтѣніе, иногда грохотъ. Катя подошла къ окну—оно было отворено, опустилась на подоконникъ и вдругъ очень горько заплакала. Ей съ необычайной ясностью вспомнился послѣдній разговоръ съ Константиномъ Сергѣичемъ, въ день освященія церкви. «Не любитъ!» застонала она стономъ очень многихъ, горячихъ сердецъ. «Боже мой, Боже мой!» И она все плакала, смотрѣла на желѣзные пути, отливавшіе сіяющими отблесками. Ей показалось, что никогда не попадетъ она по нимъ больше туда, куда зоветъ сердце.

Потомъ она устала плакать, подошла къ постели Матери,—не хотѣлось устраиваться на диванчикѣ—зажгла свѣчу и стала раздѣваться. Быстро сняла она свою нехитрую амуницію, недлинные чулки, бросила ихъ на спинку кровати, хотѣла-было распустить волосы, да очень болѣла голова. Взяла книжечку «Универсальной библіотеки», но тоже невозможно было читать. Она закрылась, закуталась осеннимъ пальто и потушила свѣчку.

Утромъ Катя уже не встала. Мать, вернувшись, очень обезпокоилась, и безпокойство ея усилилось, когда термометръ показалъ очень много. Она, все-же, приняла это за инфлуэнцу. Лишь черезъ три дня докторъ, ея сослуживецъ по больницѣ, установилъ твердо, что это брюшной тифъ. Плохо отозвалось Катѣ холодное молоко, что пила она въ жару.

IX.

Форма тифа оказалась тяжелая. Десять дней Катя не приходила въ сознаніе; десять дней Мать, забросившая свою больницу, отбивала ее у смерти. Все-таки, отбила.

То, что раньше называлось Катя, обратилось въ маленькое, тихое и покорное существо, иногда стонущее, иногда бредящее. Такъ какъ ее обрили, то нелегко было даже ее узнать.

Мать устроила ее въ частной лѣчебницѣ, у своей подруги, которая съ двумя товарками содержала эту лѣчебницу. По лѣтнему времени никого почти не было, и Катя лежала одна въ комнатѣ, очень высоко, въ шестомъ этажѣ дома у Красныхъ воротъ. Въ комнатѣ ея было очень чисто, тихо и свѣтло, какъ бываетъ въ хорошихъ учрежденіяхъ. Видна была изъ окна Садовая, вся въ зелени; вдалекѣ—Сухарева башня, и еще далѣе синѣли лѣса Сокольниковъ. Когда солнце садилось, то надъ Сухаревой башней вились стаи голубей; отблескивали золотисто-мѣднымъ проволоки телеграфа, висѣвшія легкими холстами. Знойно-пыленъ былъ воздухъ; мгла завѣшивала дали—то опаловымъ, то красновато-фіолетовымъ. Звенѣли трамваи. Тяжело грохотала ломовыми, обозами Москва.

Катя очень плохо разбиралась въ этомъ. Такъ упоренъ былъ недугъ, такъ колебалась ея жизнь то внизъ, то вверхъ, что хотя сознаніе и вернулось, она была чрезмѣрно слаба. Это длилось такъ долго, что уже начали безпокоиться.

Но наступило, наконецъ, и время, когда ей стало лучше. Палъ жаръ, она стала покойнѣе, прояснился взглядъ. Она могла уже разговаривать, даже немного читать: стоялъ сентябрь. Медленно, точно вновь рождаясь, начала она вспоминать, что съ ней было до болѣзни. Чѣмъ больше вспоминала, тѣмъ дѣлалась тише.

— Илья, сказала она разъ сестрѣ.—Ну-ка, поди сюда.

Мать подошла. Катя внимательно вертѣла въ рукахъ бумажку отъ конфекты, складывала ее такъ и этакъ. Она очень серьезно, негромко, какъ бы опасаясь, что смутится, сказала:

— Что отъ Панурина не было мнѣ письма?

— Этотъ Пануринъ,—отвѣтила Мать,—и не знаетъ даже, гдѣ ты. Да брось ты про него думать. Была охота! Тебѣ выздоравливать надо.

Катѣ даже понравилось, что она сыграла дуру: правда, откуда могъ знать Константинъ Сергѣичъ, что она больна, въ лѣчебницѣ? А ей, все же, казалось, что знаетъ! Она вспомнила и про книги, и воспользовалась книгами, чтобы самой написать. Сдѣлала она это очень внушительно; такъ что Мать не могла ни сказать ничего, ни протестовать.

На ея письмо не было отвѣта. Она написала другое— то же самое. Отправила третье—но уже Колгушину. Тутъ отвѣтъ пришелъ, и очень скоро. На обратной сторонѣ конверта, посрединѣ, была круглая синяя печать-штемпель: «Экономія Щукино, П. П. Колгушина». Строчкой ниже, по-французски: «P. P. Kolgouschin». Ровнымъ конторскимъ почеркомъ Петръ Петровичъ выражалъ горячее соболѣзнованіе. О Константинѣ Сергѣичѣ сообщалъ съ точностью: мѣсяцъ назадъ онъ выѣхалъ за границу.

Ночью этого дня Катя много плакала. Проснулась даже и Мать, спавшая все еще въ той же комнатѣ. Она встала съ постели, какъ была—въ одной рубашкѣ, подошла къ Катѣ, привалилась къ ней своимъ мощнымъ тѣломъ, поцѣловала и заплакала. Плакала она обильно, какъ сама была обильная, горячими слезами.

— Катюшка!—бормотала она.—Катюшка!

Задыхаясь отъ рыданья, всхлипывая, Мать шептала,

— Развѣ ты можешь отъ меня скрыть? Я давно вижу. Все сердце изболѣлось.

Поздней осенью Катя оправилась настолько, что могла ходить, но съ палочкой,—болѣли ноги. Это было одно изъ осложненій тифа, и называлось довольно хитро: въ родѣ—плюралистическій полиневритъ, т.-е. болѣзнь многихъ нервовъ. На головѣ она носила чепчикъ, подъ которымъ отрастали колечки новыхъ волосъ.

Ея внѣшняя жизнь такъ же шла, какъ и раньше, въ то далекое—казалось теперь—время, когда она не знала еще Константина Сергѣича. Такъ же Мать работала въ больницѣ, такъ же ходилъ къ нимъ Бобка, иногда бывалъ веселъ и любезенъ, иногда придирался, ревновалъ Мать настолько, что не позволялъ проѣзжать по улицѣ, гдѣ жилъ таинственный «жидъ»—зубной врачъ, съ которымъ Мать когда-то, въ годы легкомысленной юности, производила нѣкіе маневры. Маневры были совсѣмъ скромные, но Бобку точило, что вдругъ Мать «состояла» въ чемъ-то съ «жидомъ». Проходя мимо квартиры «жида», Мать иной разъ улыбалась. Въ душѣ она была довольна, что таковъ Бобка: по крайней мѣрѣ мужчина, а не размазня. Мать многое знала о Константинѣ Сергѣичѣ, отъ Кати. Онъ рѣшительно былъ не въ ея вкусѣ. «Только все одинъ разговоръ, и ничего существеннаго», опредѣляла она. «Мучаютъ они дѣвушекъ, а какой толкъ?»

Катя попрежнему ходила на курсы. Слушала профессоровъ и бородатыхъ, и краснорѣчивыхъ, и читавшихъ о Екатеринѣ II, и острившихъ, и вбивавшихъ имъ русскую литературу съ восторженно-общественнымъ душкомъ. Она стала только тише и молчаливѣе. Кто мало ее зналъ, быть можетъ, и мало замѣтилъ-бы. Но когда она оставалась одна, ночью въ постели, или вечеромъ, вернувшись съ курсовъ—а Мать дежурила,—ее томила любовь, и тоска любви. Она принялась писать что-то въ родѣ дневника. Писала письма—довольно много! но не отправляла ихъ. Впрочемъ, разъ даже отправила—за границу—и лучше-бы

не отправляла. Она получила отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ былъ ласковъ, но не оставлялъ сомнѣній.

Ей представилось, что все это: что она тоскуетъ, не спитъ ночами, пишетъ туманно-безумныя письма—все ни къ чему. Тогда она рѣшила, что забудетъ его, какъ онъ и писалъ. Но и это было нелегко. Съ горькой настойчивостью представлялось: ну хорошо, ну къ чему-же было это все, это лѣто, ея безуміе, болѣзнь, и теперешняя болѣзнь души.

Въ то время, когда страдала, она не могла, разумѣется, отвѣтить. Неизвѣстно, отвѣтитъ-ли и вообще когда-нибудь. Неизвѣстно, преддверіе-ли это большихъ чувствъ и радостей, которыя придутъ въ ея жизнь, или преждевременный ожогъ. Надо надѣяться, что первое. Слѣдуетъ полагать, что съ годами, вкусивъ любовь, опредѣляющую всю жизнь, сдѣлавшись опытнѣй, умнѣе и, вѣроятно, печальнѣе, она съ улыбкой, и—кто знаетъ? пожалуй съ сочувствіемъ вспомнитъ первый свой жизненный шагъ.

Можно надѣяться на это и еще вотъ почему: весной слѣдующаго года съ Катей произошелъ пустой, но отчасти знаменательный случай. Въ мартовскія сумерки, розоватыя, съ легкимъ ледкомъ по лужамъ, Катя выходила съ курсовъ, у Дѣвичьяго поля. Въ этотъ солнечный день была она нервно возбуждена. Сѣвъ въ трамвай, у площадки, гдѣ играютъ въ лаунъ-теннисъ, Катя съ необычайной ясностью вспомнила Константина Сергѣича: вѣроятно, была это даже мгновенная галлюцинація—ей представилось, какъ играли они лѣтомъ въ его имѣніи. На минуту у нея захватило дыханіе; но она себя поборола, отвернулась къ окну, и подъ гулъ убѣгавшаго трама съ неменьшей убѣдительностью почувствовала, что все это лежитъ въ быломъ—неповторимомъ. Она мокрыми отъ слезъ глазами глядѣла на Плющиху, гдѣ была у Ивана Лукича. Плохо понимая, что вокругъ происходитъ, ясно сознавала, однако,

что въ груди ея какъ будто отдѣляется и отплываетъ огромная льдина, такъ долго давившая сердце. Что это именно, она не могла-бы опредѣлить. А было это то, что уходила въ безбрежную бездну времени часть ея жизни и души.

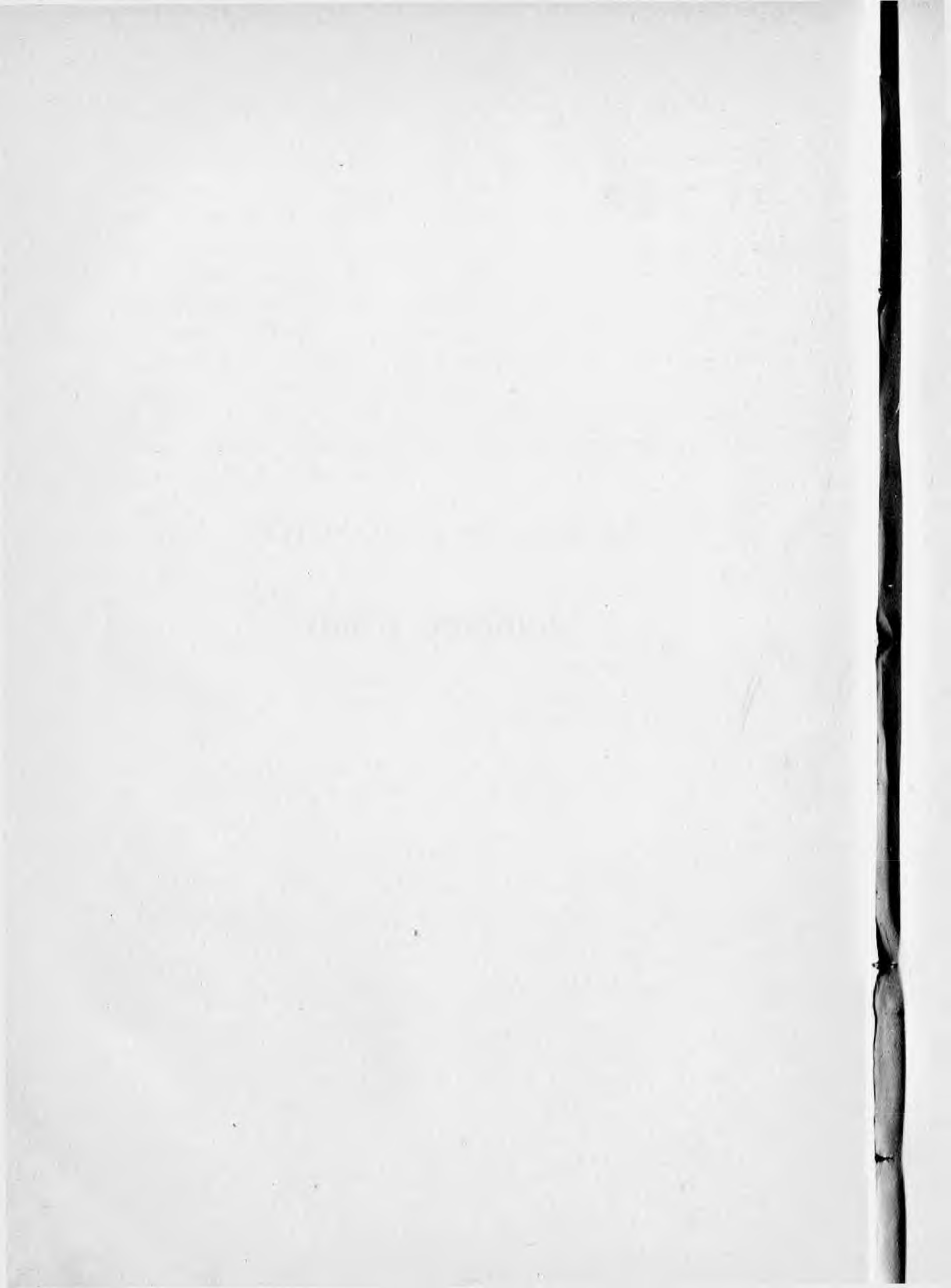
Недѣли черезъ двѣ она получила изъ-за границы, бандеролью, книгу, на русскомъ языкѣ, сочиненіе Константина Сергѣича: «О раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ въ связи съ мистикой». При бандероли было письмо; онъ просилъ простить его и забыть.

Катя улыбнулась на книгу и поставила ее на полку. Письмо-же не знала—спрятать или уничтожить? Но оно казалось ей ненужнымъ.

Бор. Зайцевъ.

Гр. Алексѣй Н. ТОЛСТОЙ

Четыре вѣка

Площадь, гдѣ стояли губернаторскій дворецъ, казенная палата, дворянское собраніе и лучшіе дома и посрединѣ большой бѣлый, екатерининскаго времени, соборъ, была такъ велика, что только вдоль тротуаровъ удалось ее вымостить, остальное же пространство поросло кудрявой травкой.

Этотъ зеленый квадратъ, съ соборомъ посрединѣ, бѣлые дома и тишина вокругъ невольно заставляли припоминать старинныя гравюры, и любитель старины уже готовъ былъ воскликнуть: «Ну, вотъ, есть же у насъ нетронутые уголки!» Но это было не совсѣмъ вѣрно. Сейчасъ же, съ поворотомъ съ площади подъ горку, начинался новый городъ. Въ немъ было самое новѣйшее, что только можно придумать, и тянулся онъ одной улицей, въ пять верстъ длины, упираясь концомъ въ вокзалъ.

Дома на новой улицѣ были стеклянные, бетонные, съ вывѣсками отъ тротуара до третьяго этажа. А на вывѣскахъ было изображено яркими красками все, что находилось внутри магазиновъ: мужчины и женщины въ шубахъ, съ хорьковыми отворотами, восточныя сладости, граммофоны, экипажи, бреющіяся лица, золотыя штиблеты, машины паровыя и бензиновыя, ремингтоны, цѣлые локомотивы, и все что нужно для фотографа, ху-

дожника или для молодой женщины, съ ногъ до головы.

Пыхтѣли, пылили автомобили на улицѣ, гремѣли ломовики, чистильщики—начищивали, какъ зеркало, сапоги прохожимъ, кричали, торговались, толкались, ходили, мелькали—греки, армяне, евреи, турки, бельгійцы, кацапы, хохлы, въ шароварахъ, и такіе люди, которые перемѣшали всѣ языки въ одинъ.

А наверху, въ кремлѣ, вокругъ зеленой площади, былъ покой. Только въ урочный часъ пробуждался соборный колоколъ и медленные звуки его летѣли надъ городомъ, надъ слободами, уходя за Днѣпръ.

Покойно было и въ, сосѣднемъ съ губернаторскимъ, бѣломъ, трехъэтажномъ домѣ, гдѣ съ пятидесятыхъ годовъ живетъ семья Лѣсновыхъ. Широкій подъѣздъ на улицу заколоченъ; окна завѣшаны шторами; на стеклахъ отъ недавней побѣлки остались кое-гдѣ длинныя капли извести. Но, если войти въ ворота, удачно миновать цѣпную собаку и завернуть налѣво въ небольшой паркъ, то глазамъ откроется задній фасадъ съ портикомъ, облѣзлыми коричневыми колоннами, давно не крашеный и живописный.

Окна въ нижнемъ этажѣ и въ мезонинѣ открыты, занавѣси подняты, колонны и веранда обвиты плющомъ, отъ замшоныхъ широкихъ ступеней уходятъ дорожки въ глубину парка. Удоды, иволги, скворцы и дикіе голуби поютъ и пересвистываются въ листвѣ до заката, потомъ начинаютъ кричать лягушки. Да еще слышны—соборный колоколъ, и дальніе свистки пароходовъ, и женскій смѣхъ иногда, то изъ парка, то изъ глубины мезонина. Отъ этихъ-то звуковъ и заперты окна второго этажа.

Во второмъ этажѣ сидитъ бабушка, Авдотья Максимовна, старая барыня. Ее прежде очень боялись губернаторы (теперешніе боялись совсѣмъ не ее и совсѣмъ не

этого). Вице-губернаторы первымъ дѣломъ, по назначенiи, превозили ей женъ своихъ на поклонъ; старый матерой полицеймейстеръ такъ прямо и говорилъ: «страхъ человѣку не во вредъ, и на сей предметъ живетъ у насъ барыня Лѣснова, чортъ ее знаетъ — поглядишь на нее въ соборѣ, въ двунадесятый, и сразу въ себѣ почувствуешь всѣ свои обязанности». Замужъ вышла Авдотья Максимовна очень юной, родила мужу своему дочь—Варвару Петровну и вскорѣ осталась вдовой: мужъ ея, Петръ Лѣсновъ, твердо вѣря, что крѣпость Россiи въ православiи и дворянствѣ, не захотѣлъ, подобно многимъ, напускать на себя французскаго духу, вмѣсто освобожденiя выпоролъ крестьянъ обоего пола, за что и былъ ими сожженъ вмѣстѣ съ усадебнымъ домомъ, успѣвъ все-таки, наканунѣ гибели, послать нарочнымъ Авдотьѣ Максимовнѣ въ городъ письмо, гдѣ излагалъ свои принципы и взгляды. Это письмо и было единственнымъ, что осталось отъ мужа и отъ прежней жизни.

Авдотья Максимовна выучила письмо наизусть, добавила его умомъ своимъ, разъ и навсегда отказала всякимъ искателямъ руки, преломила молитвами, постами, хожденiями къ печерскимъ угодникамъ страсти, и стала въ губернiи самой рѣшительной барыней, съ которой очень считались.

Дочь свою, Варвару Петровну, воспитывала она, наперекоръ новымъ влiяньямъ, по старинѣ, сугубо и строго; заставляла мыться ледяной водой, часами стоять на колѣняхъ передъ божницей, запретила смѣяться, потому что умному и вѣрующему человѣку не можетъ быть смѣшно, приказала вытвердить письмо отца и запомнить, что отступленiе хотя отъ одной буквы, есть смертный грѣхъ.

Въ ужасѣ выросла Варвара Петровна и въ смиренномъ сознанiи постоянной своей вины. Затѣмъ ей нашли жениха,

изъ небогатыхъ дворянъ, но съ хорошей фамиліей—Антона Лягунова, внушили ему страхъ и почтеніе, похвалили за скромность и выдали за него Варвару Петровну въ 1877 году.

Но зять неожиданно, несмотря на тихій свой нравъ и запретъ, нанюхался новыхъ идей, скромность свою разъяснилъ, и въ одно мокрое утро—въ сентябрѣ—оказался нигилистомъ.

Это былъ ударъ. Спохватилась Авдотья Максимовна, хотѣла было примѣнить домашнюю власть, но было поздно: зять, времени не теряя, обрядился въ красную рубашку, въ смазные сапоги, распустилъ космы, ходилъ, грубилъ, говорилъ ужасныя слова, огрызался, затѣмъ залѣзъ на кухню и всей прислугѣ прочелъ подпольный журналъ на гадкой бумагѣ.

Кинулась Авдотья Максимовна къ губернатору, сказала только: «бери его самъ, у меня ужъ руки опустились», и зажевала губами.

Въ это время случилась въ Петербургѣ непріятность; зятя, походя, взяли и увезли. Тогда онъ сталъ писать письма изъ такихъ мѣстъ, про которыя никто до этого и не слышалъ.

Все это сильно потрясло Авдотью Максимовну. О дочери, Варварѣ Петровнѣ, не подумала она во время суматохи. И напрасно не подумала. У Варвары Петровны оказались, неожиданно, свои понятія. Однажды, въ отсутствіе матери она захватила малолѣтнюю дочку свою, Наташу, портретъ нигилиста и чемоданъ, въ который и плюнуть-то было некуда, и уѣхала.

Разумѣется въ тотъ же день ее перехватили и предоставили матери. Думала Авдотья Максимовна—откуда у дочери взялась такая прыть. Наконецъ, позвала Варвару въ образную и произошелъ разговоръ:

— Объясни, сдѣлай милость: были въ нашемъ роду

полоумные? въ кого ты урадилась?—спросила Авдотья Максимовна у дочери.

— Не знаю въ кого я пошла,—отвѣтила дочь, стоя смиренно, даже покорно, а руки заложила за спину; Авдотья Максимовна даже привстала отъ недоумѣнія:

— Какъ, ты еще смѣешь мнѣ отвѣчать!—воскликнула она,—я съ тобой не для отвѣтовъ разговариваю. Я спрашиваю, какъ ты посмѣла опозорить меня на всю Россію! Тебѣ мало, что за мной уличные мальчишки бѣгаютъ! Теперь карандашами станутъ непотребныя слова на моемъ дому писать! Да слыханныя ли это настали времена! Что мнѣ съ тобой дѣлать, совѣтуй?

— Сами знаете, сказано въ евангеліи—жена да прилѣпится къ мужу,—молвила Варвара Петровна.

— Ахъ, ты вотъ за что цѣпляешься! Къ мужу, сказано, а не къ нигилисту.

— Господь нашъ разбойника простилъ,—послѣ молчанія проговорила дочь.

— Да вѣдь то былъ разбойникъ, а не твой мужъ. Разговоръ оконченъ. Бываетъ, милая моя, посолишь капусту она и прокваситcя. Такъ и ты. Къ волосатому не пускаю, а ты поступай, какъ хочешь. Внучку же мою беру на воспитаніе. Аминь.

Такъ окончился единственный разговоръ матери съ дочерью. Варвара Петровна, должно быть, многое передумала въ безсонныя ночи. Она знала, что нужно выбирать между мужемъ и Наташей. Нигилистъ продолжалъ писать письма. Однажды Авдотья Максимовна нашла у себя утромъ на пяльцахъ евангеліе и въ немъ листочекъ: «Мама, возвращаю вамъ эту книгу, я не вѣрю въ нее и ни чего больше въ ней не понимаю. Моя обязанность дѣлать то, что дѣлаетъ мой мужъ. Любите Наташу, не будьте съ ней черезмѣрно строгой, это вредно отзовется потомъ. Лучшее

воспитаніе для дѣтей—это Дарвинъ въ изложеніи Капелянскаго».

Авдотья Максимовна проколола письмо иголкой, но затѣмъ вложила въ евангеліе и заперла въ рабочемъ столѣ. Домоправителю было сказано, что Варвара Петровна уѣхала за границу. Ея имя не упоминалось больше въ лѣсновскомъ дому.

Авдотья Максимовна старилась; въ городѣ начинали смотрѣть на нее, какъ на древность, которую по привычкѣ и для порядочнаго тона нужно бояться. Пріѣзжихъ направляли къ ней съ визитомъ, потомъ заставляли разсказывать, какъ она наводила на нихъ страхъ, отчитывала за вольнодумство и отпускала, говоря: «Ну, ступайте, батюшка, можете себя не утруждать, явитесь еще на первый день на Святой, да мимо дома будете проходить—не кричите громко».

Сама же Авдотья Максимовна выѣзжала только на торжественные пріемы въ собраніе и въ губернаторскій дворецъ.

Но вотъ въ девяносто шестомъ году она появилась на дворянскомъ балу съ хорошенькой дѣвушкой—внучкой Наташей. Корнетъ, племянникъ губернатора, тотчасъ пригласилъ Наташу на вальсъ. За корнетомъ слѣдовали—Балясный—чиновникъ особыхъ порученій, офицеры, молодые дворяне и юнкера. Авдотья Максимовна милостиво каждаго распрашивала о родителяхъ. Затѣмъ, вернувшись домой, прошла съ Наташей въ образную, сѣла на то мѣсто, на то кресло, гдѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ разговаривала съ погибшей дочерью, поставила внучку между колѣнъ и спросила—кто же ей изъ молодыхъ людей полюбился больше всего.

— Ахъ, бабушка, мнѣ очень понравился Балясный, онъ такой веселый,—тотчасъ отвѣтила Наташа.

Сильно подивилась Авдотья Максимовна отвѣту, и

долго еще, послѣ ухода внучки, качала головой. Въ ея время на подобный вопросъ дѣвицы ревѣли. Варвара Петровна отвѣтила въ свое время «воля ваша, маменька». А третье поколѣніе выростало Богъ знаетъ какое—не было въ немъ ни степенности, ни истинной вѣры, даже ни упрямое оно было, ни своевольное, безъ гордости, безъ сильныхъ страстей. Не за что было Наташу ни ругать ни хвалить очень; была она податлива, какъ воскъ, мечтательна въ мѣру, и лѣнива. И не то что бабушка баловала ее, а просто въ голову не приходило въ чемъ-либо отказать, такъ мило умѣла выпросить внучка все, что хотѣла обойти, приласкаться... Только въ одномъ осталась Авдотья Максимовна строга—на вопросъ Наташи о матери—отвѣчала: «тебѣ рано знать объ этомъ несчастьи, твоя мать дурная женщина». Когда же Наташа спросила однажды про отца—бабушка подняла сухіе кулачки и голосомъ воскликнула: «Каторжникъ, разбойникъ, антихристово отродье! Плюнь, плюнь сейчасъ же, какъ ты имя такое сказала, выплюни, иначе знать тебя не хочу».

Но отъ этого только любопытнѣе становилось Наташѣ, и въ день свадьбы своей съ Баляснымъ она вошла въ образную, поцѣловала руку у бабушки и сказала: «Покажите маминъ портретъ, или чего осталось». Посмотрѣла Авдотья Максимовна на внучку, какъ на дикую, и достала евангеліе съ дочернимъ письмомъ. Наташа сказала «мерси», затѣмъ: «ахъ какая прелестная книжица», и вылетѣла изъ образной.

Вѣнчали молодыхъ въ соборѣ. День былъ весенній, множество колясокъ, ландо и каретъ въѣзжало на церковный дворъ. «Народу сколько нонче развелось», думала Авдотья Максимовна, сидя у окна въ парадной залѣ.

Грустно было Авдотьѣ Максимовнѣ, припоминала старое, иную свадьбу и въ отдаленіи прошлаго—свою. Думала, что этимъ днемъ окончится ея вѣкъ. Два поколѣнія взрастила она, шестьдесятъ лѣтъ отжила трудной жизни.

Чаяла, что смилуется Богъ и приберетъ наконецъ. Къ тому-же и времена подходили странныя и народъ сталъ чужой.

Но никакъ ужъ не могла она догадаться, какое испытаніе ждетъ ее сегодня и какія волненія предстоятъ потомъ. Не дай Богъ иному крѣпость жизни.

Вѣнчанье окончилось. Авдотья Максимовна опять выглянула въ окно и увидѣла странное шествіе; ноги ея подкосились, похолодѣла спина, и дрожащими перстами осѣнилась она крестнымъ знаменіемъ: Наташа выходила изъ собора, держа подъ руку мужа, другой рукой обнимая худенькую, пожилую женщину, со стрижеными сѣдыми волосами и въ очкахъ.

Произошло это нечаянно: въ соборѣ послѣ вѣнчанья позади нарядныхъ гостей раздался негромкій и отчаянный голосъ: «Наташа»! Толпа разступилась и пропустила Варвару Петровну, которая молча, торопливо и неловко подбѣжала и застыла на шеѣ у дочери. У жениха вывалился шапоклякъ. Наташа растерялась, потомъ на весь соборъ закричала: «Мама, мама!» Многія дамы заплакали. Вышло трогательно и нестерпимо любопытно.

Трогательное и нестерпимо любопытное должно было, конечно, быть доведено до конца. Варвару Петровну заставили войти въ домъ. Въ дверяхъ залы она втянула голову въ плечи; Наташа поддержала ее. Варвара Петровна походила на учительницу или на акушерку, сѣрой прямой кофтой она выдѣлялась темнымъ пятномъ на свѣтлыхъ платьяхъ гостей.

Авдотья Максимовна, вытянувшись, стояла у образовъ; она видѣла только это сѣрое пятно, кроткое, старое теперь, все также непонятное и враждебное лицо, и прежняя суровость ожесточила сухіе ея глаза. Но молодые, гости и *она* пододвигались, въ отвѣтныхъ взорахъ видѣла Авдотья Максимовна любопытство, почти скандалъ; она благословила молодыхъ, затѣмъ подошла къ дочери,

дала руку для поцѣлуя, сама прикоснулась губами къ виску и проговорила: «Что же ты у меня не остановилась, въ дому весь низъ пустой». И слушая невнятный отвѣтъ дочери, опять поглядѣла ей въ лицо: оно было все въ морщинахъ и обвѣтрено:—«каторжница»?—подумала она и сказала: «Дѣло твое, какъ хочешь» и, взявъ съ поднесеннаго подноса бокалъ, болѣе уже не поднимала на нее глазъ.

Наташа до вечера не отходила отъ матери, держа ее за руку, а поговорить такъ и не успѣла, слишкомъ много было гостей, слишкомъ была счастлива.

Въ тотъ же вечеръ молодые уѣхали за границу, это былъ новый обычай. Авдотья Максимовна обошла пустыя теперь комнаты, спустилась внизъ, гдѣ пахло нежилой плѣсенью, и въ угловой комнаткѣ нашла дочь, сидящую на стулѣ у стѣны.

— Ну, что же теперь дѣлать будешь, у меня останешься?—спросила Авдотья Максимовна.

— Мужъ мой умеръ въ этомъ году. Я учительствую, у меня отпускъ до осени,—отвѣтила Варвара Петровна.— Наташа мнѣ написала, что выходитъ замужъ, хочетъ меня видѣть, вотъ я и пріѣхала.

— Ну, что же, пріѣхала не гоню.

— Мама, спасибо вамъ за Наташу,—молвила Варвара Петровна, и едва замѣтный, не успѣвшій притаиться огонекъ освѣтилъ глаза ея,—вы стали добрѣе.

Авдотья Максимовна поджала губы, долго молчала, потомъ проговорила глухо: «Не знаю, чѣмъ я стала добрѣй»! и, постоявъ—ушла, выдержала прежній характеръ.

Варвара Петровна осталась жить до осени; вставала рано, чего-то читала, курила даже, но у себя внизу, съ матерью видѣлась за обѣдомъ, часто писала Наташѣ и получала отъ нея коротенькія, прелестныя открытки. Въ концѣ лѣта Наташа сообщила, что забеременѣла.

Авдотья Максимовна, получивъ это извѣстіе, долго

улыбалась. «Ну, вотъ и четвертое поколѣніе нарождается, умирать значитъ опять некогда», сказала она Варварѣ Петровнѣ въ день ея отъѣзда. И принялась, въ третій разъ, перебирать въ сундукахъ дѣтское бѣлье, нашивать новое; выписала дорогую кроватку, и пологъ къ ней приказала сдѣлать изъ настоящихъ кружевъ. Была заново отдѣлана дѣтская и половина дома для молодыхъ.

Во время этихъ заботъ Авдотьѣ Максимовнѣ пришлось принимать много мастеровыхъ и торговыхъ людей и самой выѣзжать изъ дома. Послѣ долгихъ десятилѣтій, она вновь увидѣла жизнь. Новая жизнь удивила ее и ужаснула: она совсѣмъ не походила на прежнюю: не осталось ни тишины, ни почтенія, ни лѣнивой кротости; народъ сталъ бойкимъ и проворнымъ; точно это была и не русская земля. Отъ стараго города внизъ, черезъ топкую луговину, побѣжала новая улица, еще грязная и не отстроенная, но уже съ высокими, яркими фонарями посреди, точно для наглости нарочно хотѣли посильнѣе освѣтить всѣ эти вывѣски и грязь. И уже мало кто зналъ старую барыню Лѣснову, только старинный швейцаръ у губернаторскаго подъѣзда, привставалъ съ лавочки и кланялся ей низко. И отвѣчала ему Авдотья Максимовна, приговаривая: «Здравствуй, здравствуй, Никитай Павловичъ».

Новая жизнь лѣзла изъ черноземныхъ полей, изъ каменноугольныхъ копей, чумазая и вольная. Появились въ городѣ жулики, и толпами съ гармониками стали расхаживать въ праздникъ мѣщанскіе парни и пришлый рабочій людъ. Подходили жуткія времена.

Наташа пріѣхала изъ-за границы очень грустная. Мужъ задержался въ Петербургѣ, вернулся только къ Рождеству, съ повышеніемъ. Чиновникъ онъ былъ отмѣнный и прямо мѣтилъ въ вице-губернаторы. Дома завелъ винтъ, игру не менѣе русскую, чѣмъ самоваръ, вы-

думанную ссыльными въ Сибири; былъ онъ скуповатъ немного, ядовитъ на языкъ, зналъ всѣ новости, и чѣмъ веселѣе, счастливѣе чувствовалъ себя Балясный, тѣмъ печальнѣе становилась Наташа.

Не одобряла Авдотья Максимовна такой жизни, мелкой и слишкомъ разсчетливой, не было въ ней прежняго размаха, ни сильныхъ страстей, одинъ винтъ. Хотя и не къ чему казалось придраться.

Варвара Петровна продолжала писать дочери длинныя письма съ сѣвера. Авдотья Максимовна не противилась, знала, что внучку никакими письмами не смутить; не противилась она и жизни Балясныхъ, и всему новому, что назрѣвало и надвигалось: не было прежней силы, а ждала только съ нетерпѣніемъ рожденія правнука.

Въ мартѣ Наташа родила дочку. Окрестили ее Гаяна, что значитъ—земная, имя не то адское, не то собачье. Авдотья Максимовна потребовала кормилку къ маленькой Гаянѣ, заперлась въ тихой дѣтской, забыла прошлое, и окончательно предоставила людямъ жить, какъ хотятъ.

Послѣ родовъ Наташа повеселѣла и стала много выѣзжать. Она не ревновала больше мужа, знала наизусть всѣ его увлеченія и измѣны, завела хвостъ поклонниковъ и къ осени укатила за границу съ знакомой дамой. Балясный счелъ это естественнымъ. Авдотья Максимовна ужаснулась было, но скоро все перепутала, забыла, махнула рукой. Гаяна вырастала такая красавица, такая умная, что еще не было такихъ дѣтей.

Тяжелѣе всѣхъ приходилось Варварѣ Петровнѣ: Наташа не пріѣхала къ ней ни послѣ родовъ, ни передъ заграницей, продолжала писать милыя открытки, называть своей мамочкой, но ни разу не обмолвилась — во что вѣритъ, какую хочетъ избрать себѣ дѣятельность, и помнитъ ли долгъ человѣка.

Наташа была слишкомъ молода, и словно со всей силой торопилась жить. Время тогда было точно передъ грозой. На третью зиму она разошлась съ мужемъ: Баляснаго назначили непремѣннымъ членомъ въ Кіевъ, и они разстались легко, безъ ссоры. Авдотья Максимовна сказала по этому случаю «какъ уже? Ну, милая, скоро живете», Наташа стала ей почти чужой; она не удалась такъ же, какъ и дочь.

Но, узнавъ откуда-то, внезапно, примчалась по февральскимъ вьюгамъ Варвара Петровна поддержать дочку свою въ тяжкомъ горѣ. А у Наташи, въ это время, начались два увлеченія—красавецъ жандармскій ротмистръ и уѣздный предводитель, она никакъ не могла разорваться, матери обрадовалась, разсказала—что жить ей такъ теперь весело, какъ никогда, и поѣхать къ Варварѣ Петровнѣ на сѣверъ утѣшаться—отказалась наотрѣзъ.

Варвара Петровна смолчала. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вдругъ она прислала странное письмо: въ немъ былъ, и суровый упрекъ дочери, и настойчивый призывъ опомниться, оставить буржуазную жизнь, и требованье *пожертвовать* собой.

Наташа расплакалась надъ письмомъ и отнесла его бабушкѣ. Авдотья Максимовна, совсѣмъ старая, забывшая все кромѣ дѣтской, внезапно расшумѣлась, призвала дворецкаго и наказала, нанять сторожей и ни кого въ домъ не пускать, а на ночь спускать во дворѣ собакъ.

Началась война. По городу расклеили обязательныя постановленія, красныя листы для набора запасныхъ, появилось множество газетчиковъ, съ шести часовъ они начинали кричать по улицамъ, продавая экстренные выпуски извѣстій, говорили, что даже за поѣздами бѣгаютъ деревенскія ребятишки, выпрашивая газеты. На соборной площади стали разводить солдатъ. Уѣздный предводи-

тель надѣлъ военную форму, уѣхалъ, и былъ убитъ. Однажды къ Авдотьѣ Максимовнѣ явился жандармскій ротмистръ и долго бесѣдовалъ съ ней о Варварѣ Петровнѣ. Потомъ отъ него же Наташа узнала, что мать ея была казнена. Затѣмъ убили и жандармскаго ротмистра. За Днѣпромъ на Пасху собралась толпа, пошла на городъ, разбила цѣлый кварталъ, на другой день сожгла театръ, гдѣ много знакомыхъ погибло отъ огня и подъ ножомъ, докатилась до окраины и была вырѣзана слободскими ребятами. Послѣ этого на перекресткахъ, вмѣсто городовыхъ, появились гимназисты, но и они были смыты лавиной казаковъ, влетѣвшихъ въ городъ на зарѣ.

Наташа заболѣла нервной горячкой и надолго слегла въ постель. Авдотья же Максимовна приняла все это поиному: съ каждымъ злодѣйствомъ просыпался въ ней нетерпимый гнѣвъ. Она собирала домашнихъ и заклинала ихъ, топая ногами; писала начальствующимъ лицамъ велѣла привести къ себѣ редактора офиціальной газетки, отчитала за трусость, обѣщалась отхлестать по щекамъ и передала пятисотрублевый билетъ и письмо къ народу для распространенія. Наконецъ, явилась лично къ новому губернатору и такъ на него кричала, что тотъ едва не упалъ въ обморокъ, и больше старухъ къ себѣ пускать не велѣлъ. Въ дому же водворила порядокъ старыхъ временъ.

Пять лѣтъ бушевалъ ураганъ по Русской землѣ, казалось все было смято имъ и разрушено, не сбылись чаянья, закатились надежды и среди обломковъ по голымъ пространствамъ бродилъ оголтѣлый обыватель.

Казалось конца краю не будетъ этому бездолью и оголтѣнію. Но послѣ покоса сильнѣе растетъ трава, и обыватель самъ не замѣтилъ, какъ началъ обшиваться и оправляться, оглядывать—нельзя ли чего приладить изъ стараго, а на смѣну уже расло новое поколѣніе, рожденное изъ сѣмени бурь

Городъ, заглохшій на нѣсколько лѣтъ, съ новой силой началъ обстраиваться стекломъ и бетономъ, и то, что раньше казалось новымъ, сомнительнымъ и опаснымъ, на что была нужна особая даже дерзкая смѣлость, становилось обычнымъ явленіемъ, необходимымъ для всѣхъ. Возникали фантастическія компаніи на акціяхъ, торговые дома, скупались земли и рудники, убивались милліоны на изысканіе нефтяныхъ залежей, въ одно лѣто воздвигались необыкновенныя постройки, наконецъ, появились отчаянные люди и полетѣли по воздуху. Все стало возможнымъ.

Растаяли, какъ туманъ, старые обычаи и предразсудки, стариковская мораль начала замѣняться иной болѣе гибкой, и чудовищное, и подлое, и геройское одинаково нашли мѣсто на листахъ газетъ. Казалось, что только самые цѣпкіе и сильные выжили во время бурь; остальные остались надломленными навсегда.

Наташа, напримѣръ, продолжала болѣть, выѣзжала мало (изъ знакомыхъ не осталось почти никого), читала декадентскихъ поэтовъ, ужасно боялась смерти и потихоньку нюхала эфиръ. Въ воспитаніе Гаяны она почти не вмѣшивалась.

Авдотьѣ Максимовнѣ давно уже перевалилъ восьмой десятокъ. Волосы ея почти вылѣзли, станъ согнулся, и вся она закостенѣла. Послѣдняя вспышка воли, десять лѣтъ назадъ, опустошила ее; она жила, какъ механическая—по размѣреннымъ часамъ, по правиламъ, въ которыхъ не было больше жизни и смысла; окна второго этажа, занятаго ею, были заперты; пѣнье птицъ, далекій гулъ города, веселые голоса Гаяны, ея подругъ и пріятелей раздражали, мѣшали дремать. Наташа помѣщалась въ первомъ этажѣ, Гаяна занимала мезонинъ. Она училась въ гимназіи въ шестомъ классѣ, и на свѣтѣ признавала только одно—свои желанья.

Однажды весною Гаяна вошла къ Авдотьѣ Максимовнѣ, сѣла на окошко, поглядѣла на клейкую, прозрачную, свѣтлую березу, повертѣлась и сказала: «Послушайте, Пра (такъ сокращенно она звала прабабушку), сейчасъ ѣду кататься на лодкѣ, а сюда придетъ одинъ господинъ, мамы дома нѣтъ, такъ вотъ ему передайте... Да вы слышите меня, Пра...» Авдотья Максимовна поморгала вѣками и проговорила: «На какой лодкѣ? Какой господинъ? Ты съ ума сошла...»—«Такъ вотъ придетъ господинъ и вы ему передайте письмо,—перебила Гаяна и вынула изъ-за чернаго фартука крошечный конвертъ, на которомъ было написано золотыми чернилами: «Аркадію Ивановичу Словохотову». «Это касается одного очень важнаго дѣла, прошу не перепутать», добавила она, поджала маленькій ротъ, строго посмотрѣла на Пра и вышла.

Авдотья Максимовна осталась мигать вѣками, разглядывая крошечный конвертъ. «Какъ приказываетъ— думала она,—своевольная дѣвчонка, вотъ велю вернуть, запру въ чуланъ»... Но взглянула на часы, спохватилась, что уже время и принялась передъ кіотомъ, опускаясь на колѣни и кряхтя, читать молитвы къ отходу на полуденный сонъ.

Передъ вечеромъ доложили, что пришелъ господинъ и спрашиваетъ молодую барышню; Авдотья Максимовна приказала просить; господинъ вошелъ и оказался гимназистомъ, съ проборомъ, съ хлыстомъ въ рукѣ и при шпорахъ; онъ отрекомендовался Словохотовымъ, сѣлъ и уперся затянутой въ перчатку рукой о крутое бедро.

— Вотъ тутъ письмо...—начала было Авдотья Максимовна...

— Знаю,—перебилъ гимназистъ, — позволяете? — онъ живо выдернулъ у нея изъ пальцевъ письмецо, прочелъ, звякнулъ ошпоренной ногой и воскликнулъ:—Чисто женская логика! Не угодно ли разобрать, чего она хочетъ!

Послушайте, я на васъ полагаюсь; объясните ей, что съ чувствомъ шутить опасно; я никого, слышите, не потерплю на своей дорогѣ!

Но въ это время изъ глубины дома послышался голосъ Гаяны. Господинъ Словохотовъ замолкъ, прислушался, три раза мигнулъ, все еще съ достоинствомъ вышелъ за дверь и тамъ уже припустился бѣжать по коридору туда, откуда слышался голосъ.

Авдотья Максимовна приказала позвать Наташу. Пополнѣвшая, не по годамъ пожилая, Наташа, на вопросъ бабушки—что все это значитъ, слабо улыбнулась, легла на кушетку и молвила:

— Я измучилась съ этими дѣтьми; просто Словохотовъ хочетъ жениться на Гаянѣ; я объясняла, что нужно кончить гимназію и ему и ей; ну что я могу еще сказать? Гаяна отвѣтила вполнѣ резонно, что не я выхожу замужъ, а она, и поэтому она сама выберетъ себѣ мужа такого, какого хочетъ; я сказала, что она еще дѣвочка, она отвѣтила, что любить нужно молодымъ, а не старымъ; все это вѣрно, бабушка, я присматривалась—они всѣ очень смѣшные, но смѣлые и умные дѣти.

Авдотья Максимовна дала внучкѣ высказаться и приготовила рѣшительный отвѣтъ, но глядя на полное ея увядшее лицо, задумалась и вдругъ задремала. Въ сумеркахъ Авдотья Максимовна открыла глаза; въ комнатѣ было пусто и тихо; старая мебель, обои, образа, семейные портреты и сувениры, все было неизмѣннымъ, такимъ, какъ всегда. «Что я хотѣла, что нужно было сдѣлать?» думала Авдотья Максимовна, помня только, что обязанность требуетъ пресѣчь, наказать, наставить, кого-то... Но кого? Сегодняшній день представился ей точно сонъ, и такимъ же вчерашній, и еще день, и дни, и годы, и десятилѣтія казались прозрачными, неживыми, какъ

сновидѣнія... И вотъ среди этой утомительной мглы, появилось живое лицо дочери, Варвары Петровны, старенькой, испуганной, въ сѣромъ платьѣ. «Повѣсили, эдакую-то,—прошептала Авдотья Максимовна. И никто ее не приласкалъ. Господи! Суровъ Твой законъ, сурова Твоя воля. Наставь и укрѣпи!

Бормоча поднялась Авдотья Максимовна и прошла въ моленную. Комната эта была узкая и длинная и въ дальнемъ концѣ стеклянной дверкой соединялась съ нежилой теперь парадной залой. Ставъ передъ кіотомъ Авдотья Максимовна услышала за дверкой шаги и негромкіе голоса. Она удивилась, подошла и заглянула черезъ стеклышко въ залъ.

По ветхому паркету двухсвѣтнаго зала, вдоль колоннъ, ходили, заложивъ назадъ руки, Гаяна и Словохотовъ. Стриженная свѣтловолосая голова Гаяны была наклонена, лицо серьезно и внимательно. Словохотовъ, безъ перчатокъ и хлыста, совсѣмъ иной, даже робкій съ виду, говорилъ что-то дѣвушкѣ, помогая себѣ въ воздухѣ указательнымъ пальцемъ. Они доходили до стѣны, говорили, говорили, Словохотовъ чертилъ на стѣнѣ пальцемъ, затѣмъ поворачивались и шли обратно.

На серединѣ залы Гаяна остановилась, подняла голову, сдвинула брови и внимательно стала глядѣть на спутника своего; онъ не опустилъ глазъ, только покраснѣлъ сильно; тогда она подняла руки, взяла его за виски и поцѣловала въ ротъ. Потомъ они оба засмѣялись и стали кружиться. Авдотья Максимовна, махая на дверь руками, въ ужасѣ отступила. Такого еще она не видала. Это было бѣсовское дѣйство. Она заходила по комнатѣ, крестя углы. И вотъ издалека сначала, затѣмъ ближе, громче, послышались голоса, захлопали двери, заскрипѣли лѣстницы, и по комнатамъ, по всему дому засмѣялись, зааукались, затрещали ступенькими и паркетомъ...

Кинулась къ образницѣ Авдотья Максимовна и громкимъ голосомъ стала читать: «Да воскреснетъ Богъ»!

Дѣвушки и юноши, пріятели Гаяны, наполнили голосами и смѣхомъ старый домъ и скатясь по лѣстницамъ разбѣжались по парку, гдѣ Гаяна и ея Словохотовъ устроили праздникъ изъ праздниковъ—помолвку любви.

Наташа, утомясь суетней, безтолковыми разговорами, хохотомъ, неутомимой бѣготней всѣхъ этихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые не обращали на нее вниманія, удалилась было къ себѣ, соскучилась одна, потомъ пошла къ бабушкѣ жаловаться. Авдотья Максимовна лежала передъ образами. Поднятая Наташей рука ея была холодна и тяжела. Наташа вскрикнула; и рука мертвой Пра ударилась о паркетъ.

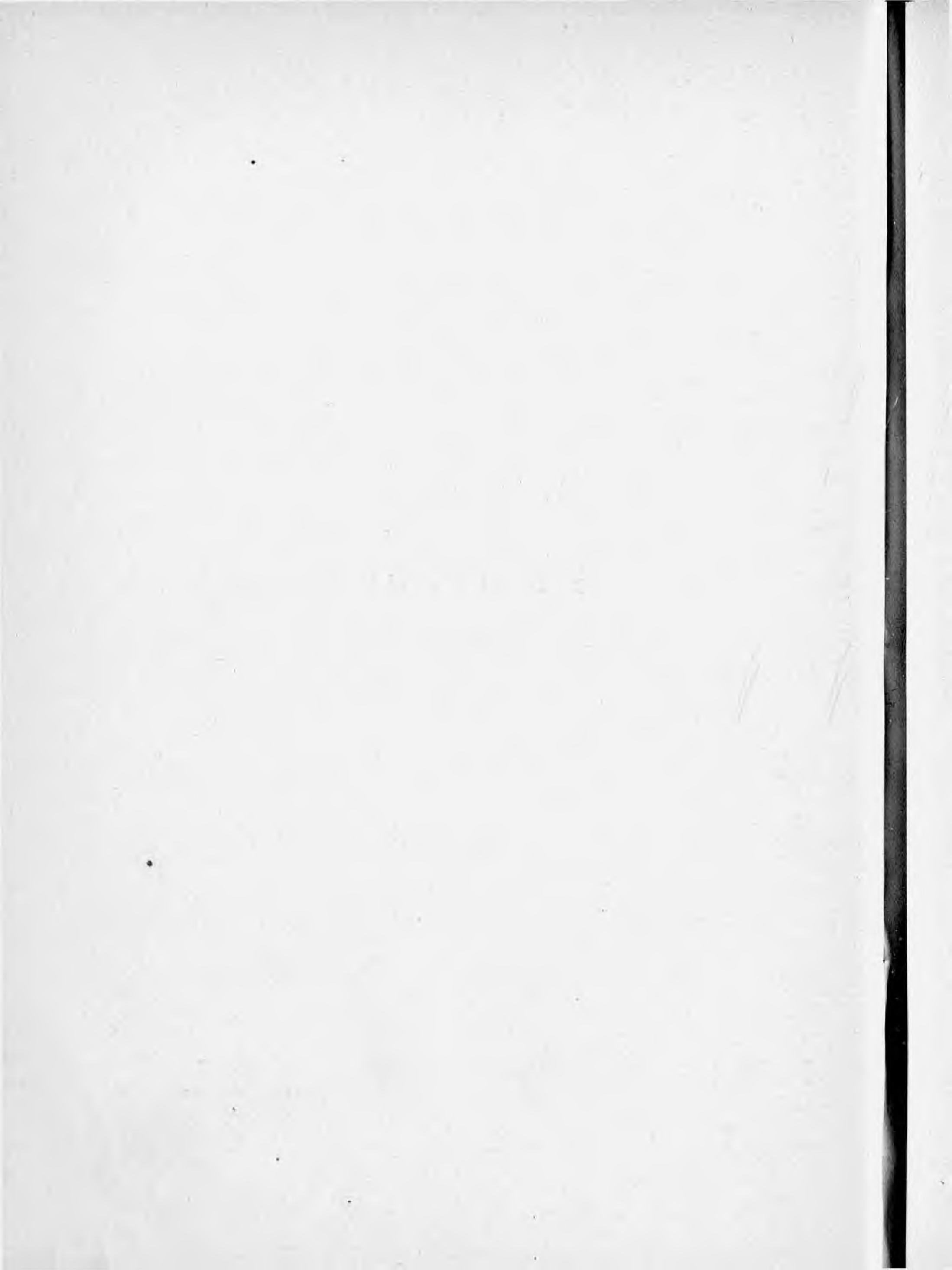
Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Іюнь 1914 годъ.
Коктебель.

Г. Яблочковъ

Въ плѣну

повѣсть

I

Какъ всегда, около одиннадцати часовъ, когда кончился ужинъ, Ольга Семеновна поправила на головѣ платокъ и черезъ коридоръ прошла изъ кухни къ барынѣ, которая была въ спальнѣ. Привычнымъ движеніемъ прислонившись къ стѣнѣ, около двери, своимъ яснымъ и высокимъ, какъ свирѣль, голосомъ она сказала:

— Что завтра къ обѣду, Клавдія Ивановна?

Барыня, совсѣмъ молоденькая на видъ, хотя ей было уже двадцать восемь лѣтъ, бѣленькая, нѣжная, съ кроткимъ лицомъ, сидѣла у зеркала. Повернувъ лицо и проводя гребнемъ по волосамъ, она печально сказала:

— Ольга Семеновна, милая, завтра опять гости. Супъ надо хорошій, пирожки, рыбу, потомъ мясо или дичь, сама я не знаю. Ужъ придумай что-нибудь!..

Ольга Семеновна служила у Клавдіи Ивановны шесть лѣтъ, почти съ самого ея замужества, и между барыней и кухаркой была давнишняя дружба. За высокій ростъ, величавую наружность и природное умѣнье держать себя Клавдія Ивановна быстро проникласъ уваженіемъ къ ней и привыкла называть ее не иначе, какъ по имени и отечеству, а Ольга Семеновна, хотя и моложе ея и еще дѣ-

вушка, сразу стала относиться къ своей барынѣ покровительственно и нѣжно—такая та была слабая, безпомощная и мягкая.

Переступивъ и прислонившись къ стѣнѣ другимъ плечомъ, Ольга Семеновна спросила:

— Сколько будетъ гостей-то?—и принялась соображать.

— Пятеро, да васъ трое. Если взять мяса супного фунтовъ пять, а рыбы, тоже судакъ хорошій, а потомъ теторокъ, или ростбивъ зажарить, а на первое бульонъ съ кореньями и пирожки, а на сладкое кремъ, или сливки битые...

— Конечно, битыя сливки, Ольга Семеновна!—оживившись, сказала Клавдія Ивановна.—Сдѣлай, милая, битыя сливки съ каштанами. Все-таки хоть утѣшенье будетъ. А то мука только одна эти гости.

Ольга Семеновна ласково улыбнулась: барыня любила сладкое, какъ маленькая дѣвочка.

— Хорошо,—сказала она.—Можно и каштаны. А на жаркое я тогда лучше телятины куплю.

Черезъ пять минутъ вопросъ объ обѣдѣ былъ законченъ, какъ всегда: Клавдія Ивановна одобрила все, что предложила Ольга Семеновна.

— Что ты грустная стала такая, Оля?—расчесывая волосы, продолжала Клавдія Ивановна.—И лицо блѣдное, и похудѣла, будто. Не влюблена?—пошутила она.

— Не надо мнѣ никакой любви,—вспыхнувъ отвѣтила Ольга Семеновна. Клавдія Ивановна продолжала:

— Вотъ счастливица ты, Оля, что у тебя нѣтъ никого! Подумаешь только, какъ хорошо мнѣ жилось въ дѣвушкахъ! И вотъ нужно было влюбиться и выйти замужъ. Зачѣмъ?

Ольга Семеновна знала всѣ подробности семейной жизни своей барыни. Она знала, что маленькая, нѣжная

Клавдія Ивановна безъ ума любила своего высокаго, черноволосаго мужа, котораго не видала почти никогда, потому что днемъ онъ разъѣзжалъ по дѣламъ, вечеромъ пропадалъ въ ресторанахъ и клубахъ, а вернувшись поздно ночью домой, валился пластомъ на кровать и засыпалъ до утра. Она знала, какъ мучилась и ревновала Клавдія Ивановна и отъ души ее жалѣла, считая неразумной и слабой. Сама же она никогда еще до сихъ поръ не думала о замужествѣ. Ее влекло совсѣмъ другое.

— Въ семейной жизни, Клавдія Ивановна, спокоя нѣтъ,—убѣжденно говорила она, держа въ рукахъ деньги на завтрашній обѣдъ.—У замужней не бываетъ яснаго сердца. То о мужѣ надо безпокоиться, то о дѣтяхъ. Всегда на душѣ какая-нибудь забота. А я не объ этомъ думала.

— И все-таки,—говорила, расчесывая волосы, Клавдія Ивановна,—удивляюсь я тебѣ, Оля. Неужели такъ-таки ты никого никогда и не любила? И какъ это возможно? И не хочешь вѣдь, а полюбишь! Развѣ я хотѣла Петра Дмитрича полюбить? А полюбила и мучусь вотъ. И ничего не подѣлаешь. Само приходитъ. А ты такая красивая и здоровая! Право, иной разъ мнѣ даже странно!

— Не думала я объ этомъ никогда, Клавдія Ивановна,— снова вся вспыхнувъ, отвѣтила Ольга Семеновна.—Зачѣмъ мнѣ мужъ? Какая мнѣ въ емъ сласть? Только чистую душу замутишь, а ее надо пуще глаза блюсти. Въ душѣ образъ Божій.

— Ой, милая ты моя, Ольга Семеновна,—воскликнула молодая барыня.—Люблю я слушать, когда ты серьезно такъ говоришь. Точно у самой душа лучше дѣлается. Только все-таки не могу я повѣрить: ну, какъ это возможно, чтобы ты никогда не думала о любви? Неужели же никогда, такъ-таки никогда, даже когда дома у себя жила?

— Никогда у меня этого въ мысляхъ не было,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Ольга Семеновна,—потому

что я, Клавдія Ивановна, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своихъ, какъ только въ пониманіе стала приходить, совсѣмъ другого искала. Тетенька у меня была, батюшкина сестра, тоже замужъ не пошла, а захотѣла жить чистой жизнью, старицей стала—старицами такихъ у насъ зовутъ—въ келейкѣ она въ своей жила, у насъ въ огородѣ, около оврагу и на пятьдесятъ верстъ ее кругомъ почитали,—такъ я только о томъ тогда и думала, чтобы вотъ тоже такъ келейку себѣ поставить, повязать голову темнымъ платкомъ и для Бога жить. Еще дѣвченкой когда была, такъ другой радости у меня не было, какъ если тетенька меня къ себѣ позоветъ и молитвамъ учить станетъ. А о другомъ я и не думала никогда, потому что отъ врага все другое и всегда я эти мысли гнала.

— Все я спросить тебя хочу, Оля,—задумчиво сказала Клавдія Ивановна.—Тебѣ бы съ твоими мыслями въ монастырь поступить. Зачѣмъ ты въ Петербургъ пріѣхала и кухаркой сдѣлалась? Вѣдь тяжело тебѣ жить въ міру, среди грѣховъ. Жила бы себѣ въ монастырѣ да молилась бы за насъ грѣшныхъ!..

— Богъ вездѣ, а въ монастырѣ тоже, говорятъ, грѣха много,—отвѣтила Ольга Семеновна.—Я, можетъ, прежде и ушла бы въ монастырь, да не вышло это. Батюшку моего тогда деревомъ убило, какъ лѣсъ онъ рубилъ, руки и ноги ему перешибло, такъ что очень долго онъ болѣлъ и померъ. А братья маленькіе еще были, я самая старшая, ну, и выходило мнѣ итти замужъ, чтобы лишній работникъ въ домѣ былъ. А я не захотѣла. На колѣнкахъ стояла, чтобы ослобонили меня. И тетенька за меня заступилась, и вышло такъ, что пришлось мнѣ ѣхать въ Питеръ, въ услуженіе, чтобы деньги домой посылать. Потому сюда и пріѣхала. А то бы и я, какъ тетенька Катерина, поставила бы себѣ келью въ огородѣ и ушла бы туда. Хорошо вѣдь у насъ, охъ, какъ хорошо!.. Рѣка глубокая, по рѣкѣ весной плоты

плывутъ, а кругомъ лѣсъ—конца ему нѣтъ, невѣдомо, куда онъ и уходитъ...

— И города близко нѣтъ?

— Далеко до города, верстъ семьдесять, не менѣ. А селъ кругомъ много и дорога мимо нашей деревни желѣзная недавно прямо до Питера прошла. По этой дорогѣ я и пріѣхала... По этой бы дорогѣ—мечтательно прибавила она,—и назадъ домой уѣхать!..

— А собираешься ты, Оля, домой?

— Не знаю, Клавдія Ивановна, милая. Не могу сказать. И тянетъ бы меня домой, да и не къ кому ѣхать. Матушка тоже ужъ померла, братья поженились и врозь живутъ, не нужна я тамъ никому. Хоть и тянетъ, да страшно какъ-то ѣхать. Чужое ужъ все тамъ.

— Ахъ, Оля, Оля!..—задумчиво сказала Клавдія Ивановна.—Все-таки тебѣ лучше, чѣмъ мнѣ. Счастливица ты, что никого не любишь. Живешь себѣ праведницей и о Богѣ думаешь. Такъ устроишь, милая, все назавтра? А теперь прощай. Покойной тебѣ ночи. Будешь молиться и обо мнѣ помолись.

Понуривъ голову, точно пристыженная, Ольга Семеновна легкими шагами прошла въ кухню, гдѣ горничная Ксюша ставила на столъ грязную посуду, и отворила дверь въ маленькую каморку, въ которой она спала. Цѣлый день дверь этой каморки была закрыта. Ольга Семеновна входила въ нее только вечеромъ, кончивъ рабочій день, и недавно еще, когда она входила въ нее, у ней было такое чувство, точно послѣ долгаго отсутствія она возвращалась къ себѣ, въ свой настоящій, родной домъ. Лицо ея дѣлалось свѣтлымъ, въ глазахъ загорался восторгъ и свѣтлая радость входила въ душу. Теперь же, наоборотъ, у нея тоскливо сжалось сердце.

Комнатка была крошечная, съ выходящимъ на глухую стѣну окномъ. Ее мягко освѣщалъ слабый свѣтъ лампадки

предъ кіотомъ, съ котораго неясно смотрѣлъ ликъ Скорбящей Божьей Матери, украшенный вербами и бумажными цвѣтами. Подъ кіотомъ былъ крытый бѣлой салфеткой столикъ, и на немъ лежали требникъ, молитвенникъ, евангеліе, псалтырь. Почти все остальное мѣсто занимала узкая, покрытая разноцвѣтнымъ одѣяломъ кровать и большая плетеная корзина.

Ольга Семеновна зажгла передъ кіотомъ восковую свѣчу и, постоявъ передъ иконами, тихо склонилась сперва на колѣни, а потомъ совсѣмъ на землю. Поднявъ ставшее сразу измученнымъ лицо, она взглянула на печальныя глаза Богородицы и снова упала лицомъ внизъ, шепча:

— Матушка! Царица Небесная! Пречистая!..

Ольга Семеновна любила Божію Матерь особенной, обожающей и нѣжной любовью. Она чувствовала ее совсѣмъ близкой къ себѣ, и въ глубинѣ души у ней была неясная, но твердая увѣренность, что чего бы она отъ нея ни попросила, она получитъ непремѣнно все. Первый молитвенный порывъ ея обращался всегда къ Божьей Матери, и это было ея настоящее счастье, какъ бы восторгъ первой встрѣчи послѣ цѣлаго дня разлуки. Потомъ уже шла обычная, ежедневная молитва, какъ научила ее съ дѣтства тетка—цѣлое богослуженіе, которое затягивалось иногда на нѣсколько часовъ. Съ чиннымъ, истовымъ лицомъ она крестилась, опускалась на колѣни, вставала снова и ровнымъ голосомъ, часто наизусть, читала страницу за страницей истрепанной отъ частаго употребленія книги. Представляя себя въ храмѣ и сосредоточивая всю силу души на молитвенныхъ словахъ, изъ своей комнатки Ольга Семеновна радостно славила Бога и святыхъ и ложилась спать, очищенная, вознесенная надъ землей, мгновенно засыпая легкимъ и яснымъ сномъ.

Но такъ было прежде. Теперь же, вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ она совсѣмъ потеряла способность молиться.

У ней точно перемѣнилась душа, и Божья Матерь ушла далеко, сдѣлавшись непонятной, недоступной и чужой... И сейчасъ, когда она читала молитвы, другія, волнующія мысли, то смѣло врывались, какъ стая птицъ, то извилисто вползали, какъ змѣи, въ святыя слова, а позади, въ глубинѣ вскрывалось другое, что она отгоняла изо всѣхъ силъ, но что подходило ближе и ближе и вдругъ, выплывъ изъ темноты, превращалось въ лицо Кузьмы. Это лицо измучило Ольгу Семеновну. Она не могла отбиться отъ него. И теперь, когда оно появлялось, ее охватывала такая жажда и тоска, что она роняла руки, готовая зарыдать:

— Неужто никогда?..

— Ольга, а Ольга!—послышался громкій шопотъ позади.—Я ключъ съ собой возьму, слышишь, или нѣтъ?

Вздрогнувъ и повернувшись, Ольга Семеновна съ недоумѣніемъ глядѣла на задорное, съ яркими даже впотьмахъ, губами лицо.

— Чего уставилась, какъ корова на новыя ворота?—насмѣшливо говорила Ксюша.—Или ужъ на самое небо успѣла слетать?—и перебирая плечами, напѣвала:

— Пупсикъ! Ай, пупсикъ! Мой милый пупсикъ!

Почти каждую ночь она убѣгала къ жившему въ этомъ же домѣ офицеру, въ котораго была влюблена.

— Ой, Ксюша, смотри! Добѣгаешься до бѣды!..—тихо проговорила Ольга Семеновна, придя въ себя, но Ксюша только присвистнула въ отвѣтъ:

— Чай помолишься тогда за меня? За то вотъ обниматься-то стану сейчасъ!

— Ой, Ольга, ну и дурища же ты, дура!—заговорила она.—Крутишь, крутишь, вертишь, вертишь, а все не можешь повернуть. Сама высохла вся, а все ханжишь и лбомъ доски бьешь! Плюнь, дура! Однова вѣдь жить-то. Хочешь сейчасъ сбѣгаю, да приведу твоего Кузьму? Мнѣ ужъ не тебя, дуру, жаль, а его.

— Ксюша, отстань!

— Ну, чортъ съ тобой, дура, молись! Смотри, и за Петичку моего помолись. Ой, Петичка, пупсикъ ты мой! Вотъ цѣловаться-то буду! Ужъ три дня не видались. Ну, прощай!

Приплясывая, она открыла дверь, повернула снаружи ключъ и быстро побѣжала внизъ. Ольга Семеновна осталась одна.

Вставъ передъ кіотомъ, она снова читала молитвы, но голова ея горѣла и, читая, она не понимала словъ. Напрасно, заглушая мысли, она читала все громче, усиленно кланяясь и крестясь. Лицо Кузьмы неотступно стояло передъ ней, и голосъ его такъ ясно говорилъ въ ушахъ, что у нея слабѣли ноги и замирало сердце. То, чего не надо было вспоминать, что она твердо рѣшила забыть, срывая преграды, заливало ея душу пѣнной волной.

— Царица Небесная! Пречистая!—падая на колѣни, въ отчаяніи молилась она, но глаза Богородицы не хотѣли на нее глядѣть, и ея душа упрямымъ бременемъ опускалась внизъ. Горько рыдая и прижимаясь къ полу лицомъ, Ольга Семеновна отдавалась мыслямъ, переживая то, что съ ней произошло.

II.

Еще до Пасхи пошла она какъ-то утромъ на новый базарчикъ, въ двухъ кварталахъ отъ нихъ. И не нужно ей было вовсе туда итти, потому что все можно было купить тутъ же, у себя, но точно самъ лукавый ее повелъ. И когда, купивъ тамъ, что было надо, перешла на другую сторону, то какъ разъ растворилась дверь трактира на углу и изъ нея вышла кучка пьяныхъ. Держа въ одной рукѣ свертокъ, а въ другой тяжелый сачекъ, Ольга Семеновна поднима-

лась съ мостовой на тротуаръ, они же только что вывалились изъ дверей, и вышло такъ, что она очутилась какъ разъ въ ихъ толпѣ.

— Вотъ такъ дѣвка!—сказалъ одинъ, щипнувъ ее за плечо.

— Ананасъ!—сказалъ другой и толкнулъ ее въ бокъ, а третій раскрылъ руки и Ольга Семеновна, отшатнувшись, попала прямо въ нихъ. Что было потомъ она не могла даже сразу понять. Ее стиснули со всѣхъ сторонъ, на нее дохнуло водкой и въ ея губы влѣпился поцѣлуй. Съ нея свалился платокъ, у нея растегнулось пальто. Лохматыя рожи лѣзли къ ея губамъ, ее оглушилъ гоготъ и крикъ, и вдругъ черезъ толпу протянулась рука въ бѣлой перчаткѣ и черномъ рукавѣ, и передъ ней былъ уже одинъ только городовой. И она такъ и запомнила его навѣкъ— на полъ-головы выше всѣхъ, съ вытянутой рукой, и большой и важный, точно монументъ.

— Не извольте безпокоиться, барышня,—говорилъ онъ, приложивъ руку къ козырьку и, поднимая упавшіе свертокъ и сачекъ, прибавилъ:

— Потерянный народъ!..

Ольга Семеновна не помнила, какъ она добралась тогда домой и только у себя въ кухнѣ подумала, что даже не поблагодарила его. Вечеромъ, вставъ на молитву, она снова увидѣла его протянутую руку и лицо, а черезъ два дня, лукавя передъ собой, пошла на этотъ базарчикъ и, выходя обратно, увидѣла его у воротъ. Потупивъ глаза, она прошла было мимо, но, приложивъ руку къ козырьку, онъ важно проговорилъ:

— Здравствуйте, барышня! Шибко изволили испугаться тогда?

Залившись румянцемъ, Ольга Семеновна задержалась на мигъ и сказала:

— За помощь покорно васъ благодаримъ!

А онъ продолжалъ:

— Здѣсь, если съ непривычки, такъ вообще проклятый народъ.

«Уходи! Не говори!»—крикнулъ ей голосъ въ душѣ, но она не совладала съ собой.

— Мы уже здѣсь восьмой годъ живемъ, и такого еще не было никогда,—не поднимая глазъ, отвѣтила она, и, удивившись, онъ сейчасъ же сказалъ:

— Восьмой годъ? И какой у васъ, между прочимъ, настоящій видъ!

Она почувствовала его удивленіе, увидѣла, что ему хочется съ ней поговорить и опять голосъ крикнулъ ей: «Уходи! Не гляди!» Но не выдержавъ, быстро взглянула на него и сейчасъ же быстро пошла.

— Не примите за дерзость,—остановилъ онъ ее.— Позвольте узнать, гдѣ изволите жить?

Но не отвѣтивъ ни слова, она ушла. А дома топила плиту, готовила обѣдъ, мыла посуду и не понимала, что дѣлается съ ней: все время видѣла каріе глаза, закрученные надъ румяными губами усы и слышала голосъ, такой увѣренный и важный, что такъ бы и слушала его весь вѣкъ. Весь день у ней сладко томилось сердце и, уснувъ послѣ молитвы, она подъ утро увидѣла его во снѣ.

Съ тѣхъ поръ и начала лукавить съ собой. Зачѣмъ стало нужно такъ часто ходить на этотъ базаръ? Зачѣмъ надо было переходить черезъ улицу какъ разъ тамъ, гдѣ стоялъ городовой? А ломовыхъ тамъ такъ и ѣдетъ и ѣдетъ безъ конца—перебѣжишь до середины мостовой и хочешь, не хочешь, а надо стоять и ждать. И тутъ же онъ, какъ столбъ среди рѣки—рука въ бѣлой перчаткѣ у козырька, каріе глаза ласково блестятъ и голосъ такъ почтительно говоритъ. Потомъ подниметъ палочку и сразу остановитъ всѣхъ лошадей:

— Пожалуйте, барышня!..

Сначала разсказала про себя, и кто она, и откуда, и гдѣ живетъ, и про него узнала, и какъ зовутъ, и изъ какой губерніи, и гдѣ раньше служилъ, и не замѣтила даже, какъ дошло до того, что одинъ разъ уже сказалось само собой:

— Мы по закону живемъ. Кромѣ какъ въ церковь за всенощную или за раннюю обѣдню не ходимъ никуда...

А сказалось это потому, что обидѣлась за его слова:

— Вамъ, дескать, барышня при такой вашей красотѣ, навѣрное, весело жить!

За какую же онъ ее, стало быть, считалъ! Отвѣтила, вспыхнувъ, и сейчасъ же пошла и всю страстную недѣлю, пока говѣла, не ходила мимо него. Тутъ бы и перестать!.. Да незамѣтно катилось все, крадучись, само собой, и развѣ видѣла какой-нибудь грѣхъ, что на Пасхѣ, когда уже простила ему, сказала, что пойдетъ въ четвергъ за всенощную къ Вознесенью, что въ трехъ кварталахъ отъ нихъ? Пусть покараетъ Пречистая Дѣва, если было у нея что-нибудь на умѣ!..

А зачѣмъ, когда вышла, оглядывалась кругомъ? Отчего, когда не увидѣла его, стало такъ скучно, что молитвы не пошли на умъ?

— Грѣшна, грѣшна!..—шептала Ольга Семеновна, лежа на полу.—Пречистая, прости! Дай лукавому одинъ ноготокъ, не вытянешь послѣ всей руки!

— Но, вѣдь, онъ хорошій!—оправдывалась она съ тоской.—Ходитъ въ церковь, молится, никого не обижаетъ, не куритъ, не пьетъ, во всемъ соблюдаетъ себя. Сама видѣла, какъ онъ молился тогда. Когда ужъ подумала, что не будетъ его совсѣмъ, взглянула, а невдалекѣ, чуть-чуть позади, стоитъ въ партикулярномъ пиджакѣ—оттого и не узнала сразу его—и крестится и смотритъ только на иконы. Такъ и загорѣлась тогда радостью, сразу освѣтилось все—и былъ ли когда такой грѣхъ!—

на колѣняхъ благодарила Пречистую за то, что онъ пришелъ.

И только когда кончилось все, догналъ ее на выходѣ, поздоровался и сказалъ:

— Наша служба такая, что и помолиться-то времени нѣтъ. То дежурнымъ, то подчаскомъ, то при участкѣ,— такъ кругомъ и идетъ. Разрѣшите васъ до дому проводить?

И какъ тогда шла! Какъ вѣтеркомъ несло по воздуху, все стало другимъ и точно вечеромъ засіяло ясное солнце. И когда остановились у воротъ, сказалъ такъ важно и хорошо:

— Какъ вы, Ольга Семеновна, совсѣмъ не похожи на другихъ и сохранили въ столичной жизни такую чистоту, то позвольте вамъ сказать комплиментъ. И позвольте имѣть особенное знакомство, потому что не по моей симпатіи легкомысленный женскій полъ.

И она смотрѣла на него, такого красиваго и важнаго, какъ онъ стоялъ и ласково на нее глядѣлъ, и ей показалось вдругъ, что до сихъ поръ она не жила, а спала. И только теперь, когда узнала его, начала какъ слѣдуетъ жить.

— Можетъ дозволите васъ куда-нибудь пригласить? Какое-нибудь развлеченіе вмѣстѣ посмотрѣть?

— Мы никуда не ходимъ...—теряясь, какъ маленькая, говорила она.—Намъ этого нельзя...

— Хозяйка строгая?

— Нѣтъ, хозяйка очень даже добрая.—И у ней вырвалось тогда само собой:—Надо молиться Богу о чистотѣ души. А по зрѣлищамъ ходить, всѣ святые не велятъ...

— Похвально!—отвѣтилъ онъ.—Конечно, Богу молиться лучше всего, но и развлеченіе хорошее тоже полезно для души. Есть электрическіе театры, тамъ любопытные виды показываютъ, а то и просто погулять и другъ съ дружкой о хорошемъ поговорить. Даже и въ священ-

номъ писаніи сказано: не удобно быть человѣку одному. Въ такомъ случаѣ позвольте вмѣстѣ въ храмъ Божій ходить?

И не замѣтила, какъ запуталась въ нечистыхъ силкахъ съ головой! Какъ выходило, что куда бы ни пошла, точно какая-то сила брала ее за руку и вела такъ, чтобы хоть издали поглядѣть на Кузьму? И что за власть у него надъ ней, что какъ только къ нему подойдетъ, такъ и позабудетъ все? И такъ и почувствуетъ до самыхъ костей, что нѣтъ у ней своей воли, а можетъ онъ сдѣлать съ ней все! Закрутило и понесло ее, какъ щепку ручей, пока не опомнилась и не схватилась за умъ. А опомнилась, бросила все, рѣшила выкинуть его изъ головы, а онъ ужъ вросъ въ самое мясо, такъ что и вырвать нельзя!..

Такъ вспоминала и каялась Ольга Семеновна и хотѣла молиться, но, напрасно поднимая лицо къ Заступницѣ, молиться не могла. То, что рѣшила она, казалось ей свыше силъ. Когда она думала, что не должна больше видѣть Кузьму никогда, ея душа отрывалась отъ тѣла и она не могла понять, какъ она станетъ тогда жить.

Всхлипивая, она поднялась, пошла къ корзинкѣ, достала съ самаго дна завернутыя въ рубаху вериги— память тетки и стала ихъ надѣвать. Надѣвъ черезъ плечо истертые ремни, встала на колѣни и принялась класть поклоны:

— Запустила сама, такъ казнись!

Колѣни ныли, плечи ломило и поясница распрямлялась съ трудомъ. Нѣсколько разъ Ольга Семеновна падала на руки, но, передохнувъ, сейчасъ же начинала опять. Потомъ лежала безъ силъ и безъ мыслей, радуясь только тому, что можно отдохнуть. Потомъ, положивъ молитвенникъ на край стола, пѣла въ полголоса акафисты, и какъ только врывались непокорныя мысли, опять начинала класть поклоны. Какъ сквозь сонъ, она услышала скре-

жетъ ключа и скрипъ двери, и, не останавливаясь, пѣла молитвы и клала поклоны.

Ей чудилось въ забытьи, что она въ деревнѣ, дома, въ огородѣ, около теткиной кельи. На нее ласково вѣялъ вѣтеръ, надъ головой синѣло небо, кругомъ зеленѣли яблони и рябины, подсолнухи желтѣли на грядкахъ и въ оврагѣ кто-то точилъ косу...

Встрепенувшись, она снова молилась и клала поклоны, и снова забывалась, опершись руками о полъ. Потомъ вытянулась, легла на бокъ и, облегчивъ тяжесть спины, лежала такъ, пока не стала засыпать. Но какъ только заснула, такъ ясно, такъ мучительно сладко увидѣла во снѣ Кузьму, что проснулась, сѣла въ тоскѣ, и, вздрагивая веригами, стала тихонько рыдать...

III.

Утромъ, какъ ни искала Ольга Семеновна поблизости хорошей рыбы, но ея не оказалось и, волей неволей, пришлось итти на базарчикъ, около котораго стоялъ Кузьма. Она нарочно перешла черезъ улицу не тамъ, гдѣ переходила всегда, а на цѣлый кварталъ раньше и нарочно прошла боковымъ входомъ, не поднимая глазъ, но все-таки, когда выходила назадъ, знакомый голосъ окликнулъ ее:

— Здравствуйте, Ольга Семеновна!

Кузьма стоялъ у тротуара, вытянувшись во весь ростъ и, ожидая, чтобы она подошла, укоризненно говорилъ:

— Что это позабыть насъ изволили совсѣмъ? Развѣ обидѣлись чѣмъ-нибудь? Цѣлую недѣлю васъ не видать.

— Извините, Кузьма Дмитричъ,—чуть слышно отвѣтила она.—Некогда сейчасъ. Обѣдъ званый у насъ. Надобно бѣжать—и не оглядываясь, прошла, не чувствуя

подъ собою ногъ, до самаго угла. Завернула тамъ, остановилась, чуть не заплакала громко, но спохватилась и поспѣшила домой. У себя въ комнатѣ взглянула на ликъ Богоматери, упала передъ нимъ на колѣни, но сейчасъ же поднялась, потому что дѣла было по горло. Топила плиту, чистила рыбу, мочила телятину, жарила барину завтракъ. Проворно двигаясь въ чаду и дыму, переворачивала, выдвигала и смотрѣла, хотя сердце такъ и рвалось отъ боли. Когда же выдалась свободная минута, присѣла у стола, закрыла глаза и стала читать псаломъ:—Стрѣла твоя пронзила сердце мое...—и сдѣлалось легко и хорошо. Точно раздвинулся потолокъ и надъ ней засіялъ огромный прозрачный ликъ.

Но Ксюша лѣниво притащила изъ комнатъ цѣлую гору тарелокъ, жалуясь:—Не выспалась я, голова болитъ...—Пришла барыня, блѣдненькая, слабенькая, съ заплаканными глазами—должно быть опять поссорилась съ мужемъ, потомъ спохватились, что нѣтъ прованскаго масла и спѣшно послали за нимъ Ксюшу—и спуталось все. Снова осталось только шипѣнье, дымъ и боль, кольцомъ опоясывающая всю грудь.

Черезъ полчаса вернулась Ксюша, веселая, румяная, точно ей накрасили щеки и, бросивъ на столъ свертокъ, звонко заговорила:

— Олька! Безсовѣстная! Чего ты своего городового обидѣла? Стоитъ среди улицы, какъ верстовой столбъ и самъ чуть не плачетъ. Меня изъ-за него чуть ломовой не задавилъ. Я, говоритъ, этого не заслужилъ, я, говоритъ, всегда съ полнымъ почтеніемъ и намѣренія у меня самыя настоящія. А онѣ, говоритъ, и слова сказать не хотятъ. И такъ что, говоритъ, не знаю, обидѣлись ли за что, или просто рѣшили мной пренебречь, но только, говоритъ, мнѣ это очень горько... Чего ты, дура, человѣка понапрасну мучаешь? Еще похудѣетъ, пожалуй! А и здоровый же

боровъ! Усы у него хорошiе. И губы тоже румяныя—цѣловаться будетъ сладко.—Я, говоритъ, съ ними объясниться хочу и, пожалуйста, имъ это передайте, что такъ поступать очень даже жестоко... Да и въ самомъ дѣлѣ, чего ты ломаешься? Будетъ тебѣ молиться, вѣдь и грѣховъ то еще нѣтъ. А кавалеръ какъ разъ тебѣ подъ стать, на шесть пудовъ...

И безпутная дѣвчонка заболтала такое, что Ольга Семеновна, сгорѣвъ со стыда, заткнула себѣ уши и убѣжала. Ей было и сладко и страшно, и въ душѣ перепуталось все. Но останавливаться на мысляхъ было некогда, потому что колесо завертѣлось полнымъ ходомъ.

Въ половинѣ пятаго начали звонить звонки. Ксюша, съ бѣлой наколкой на головѣ, возвращаясь вприпрыжку, говорила:

— Толстобрюхiй идолъ прiѣхалъ. Одинъ все сожретъ—потомъ—Мороженый судакъ пришелъ,—потомъ—Хромой бѣсъ прискакалъ. Опять напьется вдрызгъ.

Прибѣжала вдругъ нянька, злая старуха, нарочно передвинула все на плитѣ и поставила свою кастрюльку, такъ что даже Ольга Семеновна едва сдержалась, чтобы не выругать старую дуру. Ксюша носилась безтолку, какъ угорѣлая, блестя глазами и выставивъ впередъ носъ. Барыня то и дѣло входила, путала все и говорила:

— Ой, Оля! Измучили меня эти гости!..

А надо было приготовлять закуски, заправлять селедку, рѣзать балыкъ, откупоривать бутылки. Ольга Семеновна дѣлала все это, отправляла одно за другимъ съ Ксюшей въ комнаты и думала невольно:

— И все это съѣдятъ! Все въ утробы свои спустятъ...

Сама она съ утра не ѣла ничего, только выпила стаканъ чаю, но ѣда никогда не прельщала ее. Она никогда не ѣла мясного, рыбное позволяла только по праздникамъ и строго держала всѣ посты, такъ что сама удивлялась,

почему она такая полная, румяная и здоровая. И теперь она варила себѣ горшочекъ гречневой каши и отложила въ тарелку вареной картошки, маркови и свеклы—вотъ и все. И въ то же время она готовила всѣ кушанья такъ хорошо, что Клавдія Ивановна постоянно говорила ей:

— Оля, Оля! И что у тебя за золотыя руки!..

Послѣ третьяго въ кухню съ хохотомъ прискакала Ксюша и крикнула:

— Ольга! Иди, толстобрюхій за твое здоровье хочетъ выпить. Очень ужъ угодила ему!

И сейчасъ же раскрылась дверь и зычный голосъ барина крикнулъ ей:

— Ольга Семеновна, пожалуйте сюда!

Застыдившись, она сполоснула руки, накинула на голову новый платокъ, сняла фартукъ, прошла черезъ коридоръ въ столовую и остановилась въ дверяхъ.

—Вотъ!—громко кричалъ баринъ.—Рекомендую. Нашъ поваръ! Сама постится и молится, а готовитъ такъ, что мы, грѣшные, изъ за нея въ адъ попадемъ.—Лицо у него было красное, какъ кумачъ и большая борода казалась еще чернѣе.—Мы ее всѣ Ольгой Семеновной зовемъ. Да иначе и нельзя. Глядите, какая королева! Ольга Семеновна! Выпить за ваше здоровье хотятъ. Очень ужъ хорошо накормили.

Испугавшись, она хотѣла было спрятаться за дверь, но пузатый—она даже удивилась—ну и животище же у него! И вѣрно, что идолъ, лицо точно у языческаго истукана—вылѣзъ изъ-за стола, держа два бокала, и сказалъ:

— Не бѣгите, почтенная! Вы такъ же скромны, какъ хороши. За ваше искусство!—и оглушительно захохоталъ.

— Увольте меня, баринъ!—отнѣкивалась она, но всѣ кричали, а Клавдія Ивановна уговаривала:

— Оля, это ужъ нельзя. Выпей, когда тебя просятъ!

Ольга Семеновна чуть не сгорѣла отъ стыда. Сама не зная, какъ, она сдѣлала глотокъ, поперхнулась и отъ сладкой крѣпости у нея захватило духъ.

— И вѣдь какая красавица!—продолжалъ кричать баринъ.—А замужъ не хочетъ выходить. Семь лѣтъ въ Петербургѣ—и ни одного знакомаго мущины! Только и знаетъ, что въ церковь ходитъ. Ну, Ольга Семеновна, до конца!

Ольгу Семеновну заставили выпить бокалъ. Она убѣжала въ кухню, сѣла на табуретъ и почувствовала, какъ вино огненными струйками побѣжало у нея по жиламъ. Вся жизнь ушла куда-то далеко. На душѣ стало радостно и легко. Въ столовой кричали, шумѣли и звенѣли посудой.

Прыская со смѣху, вскочила въ кухню Ксюша и крикнула:

— Толстобрюхій влюбился въ тебя, а со мной въ коридорѣ цѣловаться полѣзъ!

Отворилась дверь, ввалился толстякъ. Оглянулся кругомъ веселыми глазками и крикнулъ:

— Вотъ гдѣ святая живетъ. Точно въ капищѣ бога Мамона—и, сѣвъ на табуретъ, заговорилъ:

— Уважаю васъ, Ольга Семеновна! А эту вострушку—нѣтъ. У ней въ глазахъ грѣхъ. Поди сюда, егоза!

Пришелъ баринъ и началъ тащить его:

— Пойдемъ, пойдемъ! Нечего тебѣ дѣвицъ смущать.

Но онъ упирался и не шелъ.

— Я самъ мужикъ!—кричалъ онъ.—И люблю въ кухнѣ поговорить. Здѣсь мнѣ хорошо.—Потомъ рѣшилъ:—Если выпьетъ еще со мной, тогда пойду. Я ее уважаю. У ней настоящее нутро.

Снова принесли вина, заставили Ольгу Семеновну выпить, и вино пріятнымъ огнемъ пролилось по всему тѣлу, ударило подъ колѣнки и поднялось въ голову. Стало еще легче и веселѣй.

— Ой, что со мной!—говорила она Ксюшѣ, которая приплясывая, вертѣлась по кухнѣ.—Ксюша! Опьянѣла, вѣдь, я!

Въ столовой шелъ дымъ коромысломъ и слышно было, какъ кто-то пѣлъ тонкимъ голосомъ. Приплелась въ кухню нянька, начала ворчать:—Чисто Содомъ—Гоморъ! Тоже господа! Такой ералашъ дѣлаютъ!—поссорилась съ Ксюшей, вырвала у нея какую-то тряпку и, изругавъ ее послѣдними словами, ушла къ себѣ.

Ольга Семеновна варила кофей и удивлялась на себя. Точно подмѣнили ее. Она забыла и Кузьму и всѣ свои муки, напѣвала вполголоса, переливая кофейникъ, вспоминала, какъ бродили они давно, давно съ братомъ вечеромъ на пескахъ рыбу, и такъ забылась, что дрогнула вдругъ, когда осторожно раскрылась входная дверь и кто-то окликнулъ ее:

— Тетенька Ольга!

Это былъ Ленька, сынишка старшаго дворника. Просунувъ въ дверь грязное лицо съ бойкими глазами, онъ таинственно шепталъ:

— Тетенька Ольга! А, тетенька Ольга! Васъ тамъ спрашиваютъ. На дворъ выйти велятъ.

— Кто?—изумилась Ольга Семеновна.

— Не знаю кто. Батя меня послалъ. Я не видалъ самъ. У воротъ дожидаются.

Ольга Семеновна накинула платокъ и, ничего не думая, сбѣжала по лѣстницѣ внизъ. Было уже часовъ десять. Она хотѣла итти къ воротамъ, но изъ-за стѣнки, изъ тѣни вышелъ высокiй человѣкъ и остановился передъ ней. Ахнувъ, она схватилась рукой за дверь—это былъ Кузьма въ штатскомъ пальто. Снявъ картузъ, онъ робко проговорилъ:

— Здравствуйте, Ольга Семеновна!

Ольга Семеновна смотрѣла на него снизу вверхъ и

доходила глазами только до крутого подбородка, надъ которымъ вились темные усы. Дальше она не смѣла взглянуть.

— Здравствуйте, Кузьма Дмитричъ,—прошептала она.

— Сколько времени не видались,—съ упрекомъ говорилъ онъ,—а сегодня такъ скоро распрощаться изволили. Даже слова сказать не пожелали.

— Некогда было, Кузьма Дмитричъ!—отвѣтила она, и голосъ не слушался ея.—Гости у насъ. И теперь еще сидятъ.

— Да все-таки хоть словечко можно было сказать,—говорилъ онъ, чуть касаясь рукой до усовъ.—А то ужъ думы у меня разныя пошли. Не осердились ли за что? Не обидѣлъ ли чѣмъ? Хоть и въ мысляхъ у меня даже такого не было.

— Ничѣмъ вы насъ не обидѣли,—тихо говорила Ольга Семеновна.—Очень мы вамъ за ласку и обхожденіе ваше благодарны. Только напрасно, Кузьма Дмитричъ, вы себѣ такое затрудненіе сдѣлали, что пришли.

— Я для васъ, Ольга Семеновна, на всякое затрудненіе готовъ,—снова дотронувшись до усовъ, говорилъ Кузьма.—Да только что и затрудненія никакого нѣтъ. Смѣнился съ поста и чѣмъ въ казармѣ сидѣть, надѣлъ штатское и дай, думаю, пойду къ вамъ поговорить.

Какъ сказать? Ольга Семеновна чувствовала, что иначе нельзя, что сейчасъ же она должна уйти и никогда больше не видѣть его. Отступивъ назадъ и схватившись рукой за стѣнку, она сдѣлала страшное усиліе и едва могла проговорить:

— Прощайте, Кузьма Дмитричъ!

— Куда же такъ торопиться изволите?—изумился Кузьма, шагнувъ за ней.

— Домой. Некогда намъ,—шептала она, отступая, но взявъ ее за руку, онъ подступилъ вплотную и огорченнымъ голосомъ продолжалъ:

— Ужъ такъ-таки и ни минутки нельзя побыть? Я вамъ, Ольга Семеновна, такъ скажу по чистой откровенности, что, пробывши въ Питерѣ девять лѣтъ, я другой такой барышни не встрѣчалъ. Мнѣ очень лестно ваше знакомство имѣть и подругѣ вашей, Ксюшѣ, я объяснилъ. Я человѣкъ холостой и обстоятельный, я не какъ другіе, направо и налѣво, а всегда себя соблюдалъ, и въ мысляхъ у меня не то, чтобы что, а какъ слѣдуетъ, по настоящему, по закону. А вы и минуточки не хотите побыть, чтобы какъ слѣдуетъ обо всемъ поговорить. Обидно это, Ольга Семеновна, точно ужъ и не считаете насъ въ достойныхъ.

Освободивъ свою руку, Ольга Семеновна повернулась къ нему, взглянула прямо въ глаза, и ее такъ и кинуло всю къ этой широкой груди и къ этому отуманенному лицу. Но опомнившись, она двинулась назадъ и, какъ могла твердо, сказала:

— Прощайте, Кузьма Дмитричъ. Не надо намъ больше видѣться. Нельзя.

Она пошла вверхъ по лѣстницѣ, но,—осмѣлѣвъ изъ страха потерять ее, онъ шелъ за ней слѣдомъ и, нагибаясь къ ея плечу, дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Прямо поразили вы меня, Ольга Семеновна. Въ самое сердце ударили. За что? И говорить даже не желаете? Дозвольте, по крайности, объясниться съ вами. Назначьте время завтра, или когда? Я смѣнюсь и когда угодно приду. А то нельзя же! Нестерпимо это мнѣ.

Ольга Семеновна слышала почти слезы въ словахъ и, поднявшись на первую лѣстницу, обернулась, и почти коснулась щекой его усовъ. Ей сразу стало нечѣмъ дышать. Двинувшись дальше, она еле слышно сказала:

— Простите меня, Кузьма Дмитричъ. Очень и мнѣ лестно ваше знакомство, но такъ Богу угодно. Нельзя. Оставьте меня. Я васъ очень прошу.

— Но какая причина?—говорилъ онъ.—Я вамъ, Ольга

Семеновна, скажу, что вы у меня чисто сердце вынули изъ груди. Какъ тогда познакомился съ вами, такъ съ того времени и думаю все о васъ. И мысли у меня всегда были настоящія. Я человѣкъ солидный, начальство меня уважаетъ...

Ольга Семеновна чувствовала, что еще немного и она съ рыданьемъ кинется къ нему. Задыхаясь и торопясь, она все скорѣе спѣшила по крутымъ ступенямъ.

— Нельзя, Кузьма Дмитричъ,—чуть слышно молила она.—Ослобоните меня. Не затрудняйте себя по пустому. Ничего промежду нами не можетъ быть, хоть и уважаю я васъ тоже отъ всей души.

Они дошли до третьяго этажа и Ольга Семеновна взялась уже за скобку двери, но Кузьма съ отчаяніемъ отвелъ ея руку.

— Я такъ надежду имѣлъ,—говорилъ онъ, не выпуская руки,—что и вы обо мнѣ хорошо полагаете, и такъ уже въ мысляхъ порѣшилъ: пойду дескать и прямо все скажу. Я человѣкъ одинокій, у меня здѣсь ни роду, ни племени. Я въ васъ, Ольга Семеновна, очень влюбленъ, такъ что имѣлъ намѣреніе съ вами всю жизнь провести. И нельзя такъ, нипочемъ, мнѣ такой ударъ наносить, потому что все время выходило, что и я, будто, не противенъ вамъ.

Ольгу Семеновну била дрожь. У ней подгибались колѣни, она не понимала ничего, и она чувствовала только, что надо бѣжать, что сейчасъ у ней не станетъ больше силъ.

— Не сердитесь на меня, Кузьма Дмитричъ,—шептала она.—Не могу я. Обѣщаніе я Богу дала. Какъ тетенька моя, такъ и я... Не губите меня, а оставьте меня, бѣдную, за васъ вѣчно Бога молить.

Голосъ такъ и гудѣлъ у нея въ головѣ:—Бѣги! Бѣги!— Она сдѣлала шагъ назадъ и взялась за скобку двери, но

это была не дверь кухни, а дверь маленькаго чуланчика, гдѣ лежали дрова, уголь и всякій скарбъ. Сегодня, во время обѣда, она нѣсколько разъ ходила туда и не успѣла его запереть на замокъ. И теперь дверь легко подалась. Ольга Семеновна бокомъ шагнула туда. За ней, не выпуская ея руки, растерянно шагнулъ Кузьма и своимъ большимъ тѣломъ занялъ все остальное пространство.

— Что это, что это?—забилась Ольга Семеновна, но Кузьма обнялъ ее обѣими руками и шопотомъ сказалъ:

— Не пущу я васъ, Ольга Семеновна, больше никуда...

— Пустите, Кузьма Дмитричъ!—вырывалась она.— Ой, да куда это я попала! Пустите меня! Боже мой, милостивый!..

Руки Кузьмы стиснули ее такъ, что ей нечѣмъ стало дышать. Она пробовала вырваться, но сразу ослабѣла и опустилась на дрова. Кузьма показался ей вдругъ страшнымъ и дикимъ, какъ звѣрь. Она хотѣла рвануться и крикнуть, но его губы зажали ей ротъ...

— Олька!—съ сердцемъ кричала въ сѣняхъ Ксюша.— Олька! Да куда ты запропастилась, анаѳемская дѣвка! Когда не надо, такъ только и дѣлаетъ, что въ кухнѣ торчитъ, а тутъ точно подъ полъ провалилась. Олька! Да гдѣ же ты!

Выскочивъ на лѣстницу, она быстро сбѣжала внизъ, вернулась назадъ и сильно хлопнула дверью. Тутъ только Ольга Семеновна опомнилась, точно вернувшись изъ другого міра. Она сѣла на дровахъ, всплеснула руками, вскрикнула было, но сейчасъ же остановилась. Поднявшись, она оттолкнула Кузьму, который хотѣлъ снова обнять ее и, ничего не понимая, вышла на площадку.

Въ этотъ моментъ опять распахнулась кухонная дверь, и въ полосѣ свѣта появилось сердитое Ксюшино лицо.

— Олька!—крикнула она.—Да гдѣ же ты, окаянный демонъ! Иди скорѣй! Кофей опять варить надо.

Увидѣвъ Ольгу Семеновну и стоящаго рядомъ съ ней Кузьму, она мигомъ поняла все, звонко расхохоталась, и изъ раздраженнаго тона сразу перейдя на веселый, воскликнула, шутливо присѣвъ:

— Поздравляемъ! Съ законнымъ бракомъ!..

IV.

— Ну, и дура же ты, Ольга!—говорила она ей поздно вечеромъ.—Ну, и дурища! Чего ты воешь? Подумаешь! Невидаль какая! Точно съ ней съ первой это приключилось!

Ольга Семеновна сидѣла у себя въ комнаткѣ, на постели и, какъ маятникъ, качалась взадъ и впередъ. Платокъ сбился на ея растрепанныхъ волосахъ, покраснѣвшее лицо распухло, слезы двумя ручьями катились изъ глазъ. Ксюша уже цѣлый часъ уговаривала ее послѣ того, какъ разошлись гости и въ хозяйской половинѣ наступилъ покой. Въ душѣ она была страшно довольна тѣмъ, что произошло.

— Вотъ дура-то!—изумлялась она.—Вотъ глупая! Двадцать шесть лѣтъ дѣвкѣ, а воетъ, точно маленькая. Да мнѣ пятнадцать лѣтъ было, какъ мерзавецъ одинъ въ лѣсу мнѣ подножку далъ, да и то ничего, только глаза ему поцарапала потомъ, а ты-то!.. Подумаешь, сокровище потеряла. Носилась, носилась съ нимъ точно курица съ яйцомъ. Да ты теперь только, дура, по настоящему жить начнешь, а не то, что по цѣлымъ ночамъ доски лбомъ колотить! Сама, какъ кошка, влюблена, а бѣгала. Теперь, по крайности, жить по-человѣчески будете.

— Видѣть я его не могу,—проговорила Ольга Семеновна и, снова вспомнивъ, отчаянно схватилась за волосы и, крикнувъ, упала головой на подушку. Только време-

нами она съ полной ясностью понимала то, что произошло. Тогда она видѣла, что погибла совсѣмъ. Кузьма казался ей страшнымъ дьяволомъ, въ лапы котораго она попала и ей было дико слушать, какъ Ксюша говорила ей:

— Ой, Олька! Хоть не врала бы ты! Знаю я вашу сестру. Погоди немножко, такъ то ли будешь съ нимъ цѣловаться, что водой не разольешь. Вонъ, вѣдь, какая ты кобылища здоровая!..

Ольга Семеновна была рада, когда Ксюша, повертѣвшись немного, убѣжала, взявъ съ собой ключъ. Ей было легче одной. Все тѣло у нея было точно избито, въ больной головѣ стоялъ мучительный гулъ. Долго, тихонько причитая, она сидѣла, покачиваясь, на кровати, потомъ соскользнувъ на полъ, опустилась на колѣни, доползла до кіота и, завывъ длиннымъ воемъ, со страхомъ, вся залитая слезами, подняла къ образу лицо.

И ее какъ бы пронзилъ безжалостный, безпощадный ударъ: глаза Богоматери сурово и недоступно глядѣли въ сторону, мимо нея. Пречистую нельзя было обмануть! Она знала все, что было у нея на душѣ, все, что она чувствовала, что испытала. Какъ радовалась всѣмъ своимъ тѣломъ, грязному грѣху. Она отступилась отъ недостойной, опоганившей мерзостью свою чистоту.

Съ помертвѣвшей душой Ольга Семеновна сѣла опять на постель и сидѣла, покачиваясь и причитая, пока, подкошенная усталостью, не заснула, уронивъ голову на подушку. Но сонъ не принесъ ей отрады. Не успѣла она заснуть, какъ кто-то косматый и огромный, навалившись на нее, сталъ съ хохотомъ ее душить. Она очнулась въ холодномъ поту, снова заснула и снова черный легъ рядомъ съ ней и началъ ее безстыдно душить. Она проснулась подъ утро, залитая омерзѣніемъ, насквозь пронзенная ядовитымъ жаломъ и, вскочивъ, кинулась на колѣни передъ образомъ:

— Пречистая! Помоги. Прости!..

Но скорбные глаза смотрѣли мимо, не видя ея, и Ольга Семеновна почувствовала, что прощенья ей нѣтъ.

Это чувство такъ и осталось весь день. Ее точно бросили въ глубокій и темный колодезь, откуда нельзя уже выбраться, гдѣ она должна оставаться всю жизнь, и она дѣлала свою работу—грѣла воду, мыла кухню, чистила посуду, сжавъ губы, опустивъ глаза и сознавая только одно, что она погибла совсѣмъ.

Ксюша съ задорной усмѣшкой шмыгала мимо нея, нянька, какъ всегда, приходила изъ дѣтской ругаться. Пришла часовъ въ одиннадцать Клавдія Ивановна, взглянула на Ольгу Семеновну и ахнула:

— Оля, милая! Что съ тобой? Да на тебѣ лица нѣтъ! Нездорова ты? Болитъ что-нибудь у тебя?

Искоса взглянувъ, Ксюша фыркнула отъ смѣха, а Ольга Семеновна ровнымъ и беззвучнымъ голосомъ проговорила:

— Здорова я, Клавдія Ивановна. Голова только болитъ. Плохо спалось.

— Милая! Да ты только погляди на себя!—говорила добрая барыня.—Вѣдь краше въ гробъ кладутъ!

Она принесла зеркальце и подставила его Ольгѣ Семеновнѣ. Равнодушно взглянувъ, она увидѣла чужое лицо, провалившіеся, обведенные синими кольцами глаза и посинѣвшія, крѣпко сжатыя губы.

— Я тебѣ цитро-ванилину принесу,—говорила Клавдія Ивановна.—Онъ хорошо помогаетъ отъ головы. Прими сейчасъ же и немножко полежи. У тебя ужасный видъ.

— Благодарю васъ, барыня,—равнодушно отвѣчала Ольга Семеновна.—Ничего мнѣ не сдѣлается... Привычныя мы...

Она сходила за провизіей, готовила обѣдъ и ни слова не отвѣчала Ксюшѣ, которая все время заговаривала и

вертѣлась около нея. И когда подъ вечеръ, сбѣгавъ за покупками, Ксюша заболтала:

— Ольга! А, Ольга! А я видѣла Кузьму. Поклонъ тебѣ шлетъ. Видѣть желаетъ. Спрашиваетъ, когда?—она, не двинувшись на табуретѣ, на которомъ сидѣла уже цѣлый часъ, и не поднимая головы, равнодушно проговорила:

— Не нуженъ онъ мнѣ.

Въ одиннадцатомъ часу она сходила къ Клавдіи Ивановнѣ, чтобы узнать, что готовить на завтра, постояла, какъ всегда, прислонившись однимъ плечомъ къ двери, и, коротко отвѣтивъ на всѣ заботливые вопросы, вернулась къ себѣ.

Она не пробовала даже молиться, а прямо раздѣлась и сейчасъ же заснула мертвымъ сномъ.

Такъ же провела она и слѣдующіе дни. Она еще больше, осунулась и поблѣднѣла, еще глубже ушла въ безнадежную темноту и все свободное время сидѣла у стола, сложивъ на колѣняхъ руки и съ тупымъ отчаяніемъ глядя въ полъ.

Но черезъ пять дней точно вѣтеръ колыхнулъ тяжелыя тучи, обложившія ея душу, и впереди забрезжилъ отдаленный разсвѣтъ. Вѣдь нѣтъ же такого грѣха, чтобы его нельзя было замолить! Вѣдь пойметъ же Милостивая, что не такъ ужъ виновата она!..

Проснувшись рано утромъ и увидѣвъ, какъ весело и ярко играло апрѣльское солнце на стѣнахъ и крышахъ домовъ, Ольга Ивановна почувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что надо ей понести свой грѣхъ къ самой Скорбящей, пасть передъ ней на колѣни и молить ее до тѣхъ поръ, пока Она не проститъ.

Была какъ разъ суббота. Никогда Ольга Семеновна не чувствовала себя такой одинокой, брошенной и несчастной, какъ теперь, и въ то же время точно новая сила бѣ-

жала и разливалась у ней по жиламъ, и въ первый разъ за всю недѣлю, она боязливо опустилась передъ иконой, все еще не смѣя поднять глаза.

Съ утра она не ѣла и не пила ничего, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе росло въ ней боязливое нетерпѣніе. То, что случилось, стояло позади, какъ страшный, неочищаемый грѣхъ, но въ вышедшей изъ оцѣпенѣнія душѣ наросталъ страстный порывъ, и изъ-подъ чернаго отчаянія сладостнымъ, тонкимъ звукомъ пѣла надежда.

Послѣ обѣда Ольга Семеновна попросилась у Клавдіи Ивановны ко всенощной, одѣла новое платье и спѣшно пошла. Она едва разслышала, какъ подвернувшаяся Ксюша со смѣхомъ крикнула ей вслѣдъ:

— Ольга, а, Ольга! А тебѣ будетъ сегодня какой-то сурпризъ!

Паровой трамвай на Знаменской площади былъ набитъ народомъ. Не глядя ни на кого Ольга Семеновна сидѣла на скамейкѣ и трепетно смотрѣла въ окно, впередъ, на большіе дома Невскаго, на колокольни и деревья Лавры, на блеснувшую слѣва широкую гладь Невы и на двѣ тонкихъ горбины Охтенскаго моста. Въ нетерпѣніи она вышла на переднюю площадку, и, когда вдали засіялъ подъ вечерними лучами куполъ Скорбящей, начала креститься и изъ дрогнувшаго сердца ея хлынулъ потокъ слезъ. Не сводя умоляющихъ глазъ съ этого дворца, въ которомъ жила Сама, милостивая и прощающая, продолжая креститься и плакать, она, какъ только остановился трамвай, вышла, отошла отъ народа и, опустившись на землю, на колѣняхъ поползла къ ступенямъ паперти. Иначе она, грязная грѣшница, не смѣла теперь подойти къ Пречистой. Мимо нея съ серьезными и суровыми лицами шли богомольцы, на нее оглядывались и вздыхали. Пожилая женщина умиленно остановилась около нея, но Ольга Семеновна не видѣла ничего. Держа руки прижатыми

накрестъ къ груди, путаясь ногами въ платьѣ и пальто, иногда теряя равновѣсіе и падая, она ползла, глядя на открытыя двери церкви, куда безостановочно вливался народъ.

Со сложенными руками было трудно взобраться на высокую паперть. Поднимая колѣни на вторую ступень, она упала и разбила себѣ губу, но не замѣтила ни боли, ни хлынувшей крови. Обливаясь потомъ и тяжело дыша, она проползла входныя двери, услышала пѣніе, увидѣла мерцающій сумракъ храма и еще крѣпче прижимая къ груди руки, не замѣчая, какъ, молчаливо раздвигаясь, передъ ней самъ собой разступался проходъ, ползла дальше, пока въ глазахъ ея не вспыхнуло переливающееся сіяніе безчисленныхъ огней. Крикнувъ, она упала на лицо и билась въ рыданіяхъ, не смѣя взглянуть. Потомъ услышала, какъ участливый голосъ говорилъ ей:

— Приложись, приложись къ матушкиной ручкѣ! Приложись, родная. Сразу тебѣ станетъ легче.

Какъ слѣпая, Ольга Семеновна вползла въ толпу, двигающуюся къ чудотворной иконѣ и, когда ее поднесло подъ жаркое сіяніе свѣчей, припала, не помня себя, къ темному мѣсту, гдѣ была рука. Потомъ взглянула, поднявъ глаза и, отодвинутая толпой, упала лицомъ на землю всторонѣ. Она вскрикивала и рыдала, но это были уже радостныя и легкія рыданія ребенка, нашедшаго потерянную мать. Она видѣла, она ясно увидѣла, какъ Богоматерь прощающе и кротко обратила къ ней печальные глаза.

Глубоко и облегченно вздыхая, смывая потокомъ сладкихъ слезъ давившую душу безнадежную тоску, Ольга Семеновна долго еще лежала на землѣ. Поднявшись на колѣни, она увидѣла около себя пріятное лицо пожилой женщины, той самой, которая говорила ей, чтобы она приложилась. Слабымъ голосомъ она просила ее:

— Тетенька, милая, потрудитесь ужъ, купите мнѣ

свѣчку...—Сама она не въ силахъ была двинуться съ мѣста. Радостная и умиленная, она простояла до конца всенощную и когда выходила, то на улицѣ пожилая женщина участливо заговорила съ ней:

— Горе у васъ, стало-быть, голубушка, какое-нибудь есть? Бѣда какая-нибудь приключилась. Ходитъ, вѣдь, она кругомъ бѣда-то, такъ и ждетъ и поджидаетъ, чтобы схватить. И не опомнишься, какъ изъ-за угла выскочитъ. Надо только держаться, родная, держаться изо всѣхъ силъ, чтобы на ногахъ устоять. И поглядѣла я на васъ, милая вы моя, и такъ у меня сердце и умилилось. Вотъ и всѣмъ бы такъ дѣлать, какъ вы—прямо сейчасъ къ Заступницѣ и всю ей свою боль и принести. Она одна поможетъ, она одна, Матушка, не откажетъ, а больше никто. Всѣ кругомъ другъ другу враги и всѣ во тьмѣ ходятъ. Боленъ кто-нибудь, мужъ, поди, или дитя люби-мое у васъ?

Голосъ у женщины былъ легкій, пѣвучій и задушевный, и лицо, румяное, въ легкихъ морщинкахъ, смотрѣло такъ ласково, что Ольгу Семеновну сразу потянуло къ ней. Она остановилась у паперти и потупивъ голову, чувствуя, какъ сразу у ней налились слезами глаза, отвѣтила:

— Нѣтъ, тетенька, одна я и никто у меня не боленъ. А со мной съ самой приключилось великая бѣда.

— Какая же, голубушка, бѣда?—участливо спрашивала женщина.—Разскажите вы мнѣ про нее! Сколько я сама, родная, бѣдъ перетерпѣла, сколько слезъ пролила. И оттого со мной много худого было, что некому было ихъ разсказать. Всегда надо о бѣдѣ своей съ добрымъ человѣкомъ поговорить, одной не годится съ бѣдой ходить—ожесточается сердце, темнѣетъ и входитъ въ него врагъ. Разскажите же мнѣ, милая, вы моя, а я послушаю, и сразу вамъ станетъ совсѣмъ легко.

— Нѣтъ, тетенька,—отвѣтила шопотомъ Ольга Семеновна.—Не могу я. Стыдно мнѣ...

— Ну, и не надо, родная, и не надо тогда,—поспѣшно согласилась женщина.—Коли стыдно, не надо говорить. А только скажу я вамъ: случилась одинъ разъ бѣда, стойте крѣпко. Одна бѣда—не бѣда. Кто не спотыкался, кто не падалъ, но только вставай и дальше иди, а не падай совсѣмъ. Тогда все хорошо. И еще я вамъ, голубушка, скажу: станетъ вамъ тяжело, затоскуетъ душа такъ, что не перенести, такъ слыхали вы про старца Петра? Слыхали, я чать—много о немъ въ городѣ говорятъ. Вотъ и идите тогда прямо къ нему. Многимъ онъ помогъ и вамъ поможетъ, потому что великій онъ цѣлитель скорбей. Свѣтлый у него разумъ и большая святость. Такъ, милая, прямо и идите, а если забоитесь однѣ, приходите ко мнѣ. Я здѣсь неподалеку живу, вотъ туда, подальше, въ Торговомъ переулкѣ. Спросите Дарью Игнатьевну. Лавочка у меня тамъ—сразу найдете.

— Благодарю васъ, тетенька, за ласку вашу и доброту,—поклонилась ей низко Ольга Семеновна и пошла къ паровику. Она не мало слышала о старцѣ Петрѣ и ей не разъ хотѣлось посмотрѣть на него, но и некогда было и не смѣла она. Съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ она ѣхала домой, и только когда засіялъ огнями Невскій, у ней снова заныло сердце—точно изъ уютнаго и родного дома она снова попала въ толпу холодныхъ и чужихъ людей.

Было уже часовъ десять, когда она вошла къ себѣ, въ кухню и засвѣтила въ своей комнаткѣ лампадку, которую не смѣла зажигать нѣсколько дней.

— Отмолила грѣхи?—сказала ей Ксюша, насмѣшливо блеснувъ черными глазами.—Ишь, набрала святости-то. Не продохнешь!

Застучавъ посудой, она убѣжала въ комнаты, а Ольга Семеновна принялась за работу—надо было еще вымыть кухню.

— Святая, а, святая!—перепрыгивая черезъ лужи воды,

говорила ей Ксюша.—А я твоего злодѣя опять видѣла. Хоть бы пожалѣла его!..

Ольга Семеновна не отвѣтила ничего.

— Вѣдь самъ не свой на посту стоитъ. Втюрился, какъ мартовскій котъ. Я, говоритъ, совсѣмъ спокойствіе потерялъ и даже за порядкомъ, какъ слѣдуетъ, не могу смотрѣть. Видишь, какая бѣда! Опять къ тебѣ объясняться въ любви придетъ.

— Чего молчишь-то?—со смѣхомъ приставала она.— Свертѣла человѣку голову и хоть бы что! Нельзя же такъ!..

— Оставь, Ксюша,—тихо сказала Ольга Семеновна.— Очень ужъ у тебя озорной языкъ. И какъ ты ничего не хочешь понять!

— Нечего и понимать-то!—не унималась Ксюша.—Помоему такъ. Начала, такъ и продолжай. Нельзя же такой святой дурой быть! Противно смотрѣть.

Не говоря больше ни слова, Ольга Семеновна продолжала домывать полъ. Сходивъ послѣ ужина къ Клавдіи Ивановнѣ, она снова долго мыла и чистила кастрюли и даже не замѣтила, какъ Ксюша, забравъ ключъ, шмыгнула за дверь. Когда же кончила, то почувствовала, что устала такъ, какъ будто прошла тридцать верстъ.

Сѣвъ на кровати, она закрыла глаза. Переливаясь золотомъ, передъ ней засіяли безчисленные огоньки, и съ темнаго лика взглянули несказанной красоты кроткіе глаза. Горячія слезы покатились у нея по щекамъ. Она хотѣла подняться, но усталость точно сковала ее.

«Ой, такъ и разморило меня всю», подумала она и, едва раскрывая глаза, сняла юбку и башмаки. Ласковое облако опустилось на нее, въ жаркомъ сіяніи огней участливый голосъ, успокаивая, что-то говорилъ ей. Радостно взглянувъ на иконы и на лампадку, Ольга Семеновна въ блаженной истомѣ вытянула усталое тѣло, впадая въ забытье.

— Что тебѣ, Ксюша?—сквозь сонъ проговорила она,

услышавъ, какъ чуть-чуть скрипнула дверь. Кто-то осторожно присѣлъ рядомъ съ ней на постель, и она полуоткрыла глаза.

Она хотѣла крикнуть, но не стало голоса, хотѣла вскочить, но не могла и только забилась, какъ схваченная птица. Надъ ней тихонько обнимая ее, нагибался Кузьма.

V.

Когда на разсвѣтѣ Кузьма ушелъ, Ольга Семеновна была такъ оглушена, что ничего не могла понять, и все утро Ксюша покатывалась со смѣху, глядя, какъ она бродила по кухнѣ, иногда присаживаясь и молча всплескивая руками.

— Ольга, а, Ольга!—твердила она.—Ну что, хорошій я тебѣ устроила сурпризъ?..

Ольга Семеновна не отвѣчала ничего. Цѣлый день въ ней стояла неподвижная мысль, что вечеромъ Кузьма долженъ притти опять, и время отъ времени вмѣстѣ съ ужасомъ ядовитое и сладкое жало пронзало тупую тоску.

Неясно и смутно, какъ во снѣ, она понимала, что ей можно еще спастись—стоитъ только не пустить его. И когда насталъ вечеръ, она, дѣйствительно заперла дверь, и вынула ключъ изъ замка. Но не вѣря себѣ, она ждала и какъ только, часовъ въ двѣнадцать, чья-то рука дернула снаружи скобку, не сопротивляясь, она вложила и повернула ключъ.

А когда Кузьма, осторожно ступая сапогами, сталъ подходить къ ней, она только отступала передъ нимъ, пока не сѣла въ своей комнаткѣ на кровать и молча заплакала, чувствуя, что не нужно ей больше ни Божьей Матери, ни молитвъ, ни чистоты...

Всю недѣлю, устраиваясь съ товарищами, Кузьма приходилъ каждую ночь, и каждый вечеръ Ольга Семеновна, въ отупѣніи ждавшая его, впускала его, какъ только онъ касался снаружи ручки двери.

Онъ входилъ огромный, важный, чинно говорилъ:

— Здравствуйте, Ольга Семеновна! — отстегивалъ шашку и револьверъ, садился на табуретъ и привычнымъ жестомъ поправлялъ усы. Уже съ третьяго вечера онъ сталъ входить увѣренно, какъ настоящій мужъ, а на четвертый солидно освѣдомился, нѣтъ ли ему чего-нибудь закусить.

Онъ не замѣчалъ ни необычнаго вида Ольги Семеновны, ни того, что она ни слова съ нимъ не говоритъ, а если и замѣчалъ, то не придавалъ этому значенія. Онъ приходилъ усталый, голодный, давно томившійся по женщинѣ и по женскому уюту, и довольный тѣмъ, что все это у него теперь есть, неторопливо ронялъ слова, со вкусомъ ѣлъ, и, кончивъ, облегченно вздыхалъ. Потомъ, не спѣша притянувъ къ себѣ Ольгу Семеновну, начиналъ сочно ее цѣловать. Тогда Ольгу Семеновну подхватывала, несла и захлестывала огненная волна. Разбитая и безъ силъ, она приходила въ себя только тогда, когда, спокойно похрапывая, Кузьма уже спалъ рядомъ съ ней.

Ей надо было работать и только это и спасало ее. Но Клавдія Ивановна не узнавала своей искусной кухарки. Ольга Семеновна портила обѣды, путала и забывала все и, приходя по вечерамъ въ комнаты, стояла молча, не поднимая глазъ и не понимая, что ей говорятъ.

— Оля, голубушка!—повторяла ей Клавдія Ивановна.— Да что съ тобой? Горе у тебя, или ты больна? Вѣдь ты погляди на себя, тебя узнать нельзя! Ты почернѣла вся.

Но Ольга Семеновна не говорила и не объясняла ничего. Какъ ни была она оглушена, но она умерла бы отъ стыда, если бы Клавдія Ивановна узнала, что дѣ-

лается съ ней. Довольно того, что Ксюша все время хохотала и потѣшалась надъ ней и что злая старуха, нянька, неизвѣстно, какъ пронюхавшая все, постоянно ворчала:

— Тоже святая! Знаемъ мы этихъ святыхъ! Одна, чуть ночь, какъ кошка, за дверь, а другая и того лучше— хозяйскій домъ поганитъ. Еще ограбятъ, да убьютъ, прости Господи, съ кобылами этими!..

Ольга Семеновна точно помѣшалась за это время. Растерявшись, она слѣпо путалась въ полной тьмѣ. Иногда, ясно и страшно стояла въ ней мысль, что теперь она погибла совсѣмъ и что ничто уже не можетъ ее спасти, потому что она сама не хочетъ спастись. Иногда воплемъ опрокидывалось отчаяніе по тому, что утрачено навсегда, и все время тускло свѣтило сознаніе, что самъ дьяволъ, впустивъ въ ея тѣло ядовитые когти, съ радостнымъ хохотомъ измывается и тѣшится надъ ней.

Этотъ дьяволъ былъ Кузьма. По ночамъ, когда спокойно похрапывая, онъ лежалъ рядомъ съ ней, она часами, не отрываясь, смотрѣла на него, на его сыто закинутое лицо, и тогда что-то, набѣжавъ, вихремъ перевертывалось въ ея головѣ. Сжимая ея пальцы, чужая сила такъ и кидала ее вцѣпиться обѣими руками въ его смутно бѣлѣющую шею и въ дикой ярости душить.

И однажды, когда она смотрѣла такъ, страшное неодолимо закрутилось въ ней. Не помня какъ, она сползла съ кровати, прокралась въ кухню и опомнилась только тогда, когда ея рука сама собой, точно помимо нея, стала заносить надъ спящимъ ножъ.

— Кузьма Дмитричъ, Кузьма Дмитричъ, вставайте!— шопотомъ стала кричать она, испуганно тряся его лѣвой рукой за плечо.—Уходите, уходите сейчасъ! Я васъ зарѣзать хочу.

Ничего не понимая, Кузьма потянулся, было, ее обнять, но увидавъ поднятый ножъ, вскочилъ. Сидя у стѣны,

въ бѣлой рубашкѣ, и съ бѣлымъ, какъ рубашка, лицомъ, она шепотомъ твердила, хрипло дыша:

— Уходите, уходите скорѣй! Я васъ зарѣзать хочу.

Растерявшись онъ быстро одѣлся и ушелъ, а Ольга Семеновна цѣлый часъ просидѣла, не выпуская ножа. Къ утру она не выдержала и уже затянула на шеѣ петлю, но, вспомнивъ про пожилую женщину, которую встрѣтила въ храмѣ Скорбящей, поняла, что ей нужно ее повидать. Она забылась на нѣсколько часовъ, и когда проснулась, то душа болѣла у нея такъ, что она не могла удержаться отъ того, чтобы не стонать.

Со стонами пошла она къ Клавдіи Ивановнѣ и, вызвавъ ее изъ спальни, едва смогла ей сказать:

— Барыня, увольте меня. Ухожу я отъ васъ.

Клавдія Ивановна была поражена.

— Оля, милая!—испуганно повторяла она.—Да что ты такое говоришь! Какъ же такъ сразу, ни съ того, ни съ сего! Нельзя же такъ. Что съ тобой? Заболѣла, что ли, ты?

— Охъ!—стонала, какъ отравленная, Ольга Семеновна, еле держась на ногахъ.—Барыня, милая! Не спрашивайте. Не могу я. Отпустите меня. Я пойду. Не могу я у васъ больше быть. Помираетъ у меня душа.

— Оля, родная!—говорила Клавдія Ивановна.—Да развѣ держу я тебя! Иди, куда тебѣ нужно. Иди на день, на два, на недѣлю, насколько хочешь. Не уходи только совсѣмъ. Поправишься и возвращайся опять.

— Охъ!—стонала Ольга Семеновна, шатаясь, какъ пьяная.—Спасибо вамъ, Клавдія Ивановна, милая. Я пойду. Помираетъ у меня душа.

Шатаясь и продолжая стонать, она шла по улицамъ и ѣхала на паровой конкѣ къ Невской заставѣ. Въ Торговомъ переулкѣ она разыскала домъ номеръ четвертый, въ немъ маленькую лавку съ вывѣской, на которой на-

рисованы были булки и яблоки, вошла въ нее, зазвонивъ колокольчикомъ, и изъ внутренней двери показалась за прилавкомъ знакомая женщина съ милымъ лицомъ.

— Здравствуйте, родная,—привѣтливо заговорила она, сейчасъ же узнавъ.—Вотъ и хорошо, что пришли. Очень пріятно. Очень я рада васъ повидать.

— Тетенька!—проговорила Ольгу Семеновна, и рыданья перехватили ея голосъ. Быстро поддержавъ ее, пожилая женщина повела ее мимо прилавка въ комнату, гдѣ въ клѣткѣ у окна заливалась канарейка.

— Тутъ лучше будетъ,—говорила она.—Вотъ сюда, вотъ сюда,—и усаживала Ольгу Семеновну на диванъ, на которомъ жмурился, развалившись, большой, желтый, какъ морковь, котъ.

— Тетенька!..—снова вскрикнула Ольга Семеновна и, опустившись къ ея ногамъ, съ отчаяннымъ крикомъ начала биться о нихъ головой.

VI.

— Вотъ и хорошо, родная, что разсказали вы мнѣ все,— говорила пожилая женщина, гладя Ольгу Семеновну по волосамъ.—Вотъ и хорошо. Сразу вамъ теперь легче станетъ, а если послушаетесь меня, какой я вамъ дамъ совѣтъ, такъ и совсѣмъ станетъ хорошо. Отдохните сейчасъ у меня и поѣдемъ къ старцу Петру. Говорила ужъ я вамъ, милая, о немъ. Большой это святости и доброты человѣкъ. Сколько народу къ нему ходитъ и сколько людей онъ спасъ! Ахъ, голубушка вы моя, какой это человѣкъ! Только поглядѣть на него, что есть вотъ такіе люди, такъ и то, точно солнышко изъ тьмы засіяетъ. И я сама, дорогая вы моя, вотъ такъ же, какъ вы, мучилась

и погибала. Жизни рѣшиться хотѣла, никакой радости не принимала,—тоже горе у меня было, не такое, какъ у васъ, а другое, тоже великое горе,—а пошла къ нему, пришла, да какъ поговорила, да какъ поглядѣлъ онъ на меня радостными своими очами, такъ точно вѣтромъ выдуло изъ меня туманъ. И съ тѣхъ поръ вотъ живу, Господа благодарю, старца славлю и жизни радуюсь. Отдохните, дорогая, посидите у меня, потомъ съѣздимъ мы къ нему и сразу вы получите облегченіе.

— Хорошо, тетенька!—покорно отвѣтила Ольга Семеновна. У ней не было своей воли, и она могла теперь дѣлать только то, что ей говорили другіе. Она тихо сидѣла на стулѣ около окна, гладила мурлыкавшаго кота и смотрѣла на дворъ, по ту сторону котораго каменщики клали большой домъ. Въ лавкѣ то и дѣло звенѣлъ колокольчикъ. Пожилая женщина уходила туда, возвращалась опять и безъ умолку говорила пѣвучимъ, ласковымъ голосомъ про старца Петра и про себя...

Она разсказывала, какъ у ней десять лѣтъ тому назадъ скоропостижно умеръ мужъ, котораго она любила больше всего, какъ она осталась вдовой съ тремя малолѣтними дѣтьми, какъ хотѣла сначала убить себя и дѣтей, а потомъ, чтобы заглушить горе, начала съ отчаянія пить. И пила, и пила, наливая себя водкой, проклиная и Бога, и жизнь, и дѣтей—какъ пошла у ней прахомъ хорошая лавка на Петербургской сторонѣ—разворовали и растаскали все, и какъ дичали ея заброшенныя дѣти и какъ, когда подходило уже къ тому, чтобы стать ей пьяницей-нищенкой, шатающейся безъ крова, Богъ послалъ ей старца Петра, который въ то время, роздавъ имущество,—а былъ онъ зажиточнымъ купцомъ—жилъ неподалеку у одного столяра и, собирая у себя народъ, училъ, какъ правильно жить. Какъ пришла она сначала къ нему, наглая и пьяная, чтобы только посмѣяться надъ

нимъ и какъ сказалъ онъ:—Унизила ты ликъ Божій въ себѣ, а его надо возвышать—и этими словами ее взялъ. Точно осіяло ее, опомнилась она и поняла, какой надъ собой совершала грѣхъ.

— Тяжела, вѣдь, милая, жизнь-то, трудно, вѣдь, жить-то, и долго ли сбиться съ пути. А какъ сбилась, да потеряла свою дорожку, такъ тутъ точно по лѣсу, по кочкамъ, да по болотамъ пойдешь бродить и будетъ тебѣ все хуже. И нужно тутъ обязательно, чтобы пришелъ кто-нибудь добрый человѣкъ и снова наставилъ на настоящій путь. Такъ-то вотъ и старецъ Петръ, вывелъ онъ меня, а безъ него давно бы мнѣ пропасть. А теперь, слава Богу, все поправилось, все стало, какъ слѣдуетъ, какъ Богъ велитъ. Лавочку снова завела, дѣтей выучила—старшій прикащикомъ въ хорошемъ магазинѣ, двадцать два года ему, второй механическое училище кончилъ, на заводѣ служитъ, девятнадцать лѣтъ ему, а третья дочка,—тоже ужъ шестнадцать лѣтъ, у хорошей портнихи шьетъ. И все старецъ Петръ, никто, какъ онъ, руку мнѣ протянулъ, поддержалъ, душу мнѣ просвѣтилъ, Божій человѣкъ, свѣточъ святой!..

Дарья Игнатьевна любила старца такой нѣжной любовью, что не могла говорить о немъ безъ радостныхъ слезъ. А говорить о немъ она могла безъ конца, разсказывая о его мудрости и добротѣ. Ольга Семеновна слушала, и сердце ея ворочалось отъ тупой боли и тоски. Не вѣрила она, чтобы кто-нибудь могъ помочь ей, потому что казалось ей, что такой мерзости и такого грѣха не было еще ни у кого никогда. Но у ней не было своей воли. Ее звали итти къ старцу и она соглашалась, потому что надо же было куда-нибудь итти!..

Часа въ два, закусивъ, Дарья Игнатьевна заперла лавку и они пошли. Сначала ѣхали на паровикѣ, потомъ сѣли въ поѣздъ, проѣхали одну станцію и пѣшкомъ при-

шли къ дому съ высокими воротами. Вошли на большой дворъ съ конюшнями и сараями, и Дарья Игнатьевна провела Ольгу Семеновну въ большую комнату съ длиннымъ столомъ, всѣ стѣны которой были увѣшаны иконами, какъ иконостасъ.

— Вотъ подождите здѣсь чуточку, родная!—сказала она ей, и Ольга Семеновна сѣла у стѣны. Черезъ четверть часа Дарья Игнатьевна вернулась и позвала ее:

— Пойдемте, милая. Хочетъ васъ старецъ повидать сейчасъ же,—и у Ольги Семеновны, какъ у птицы, испуганно застучало сердце.

Они поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ. Отворивъ дверь въ боковую комнату, Дарья Игнатьевна сказала:

— Вотъ, войдите сюда,—и ушла.

Ольга Семеновна увидѣла большой, занимающій весь уголъ кіотъ съ образами, зажженныя лампадки и теплящіяся у аналоя съ раскрытой книгой свѣчи. Она вошла, и тутъ же изъ другой двери появился небольшой, сухой старичокъ. Одѣтъ онъ былъ въ застегнутый до верху кафтанъ, какіе носятъ въ уѣздныхъ городахъ старинные купцы, обутъ въ высокіе сапоги. У него были длинные, рѣдкіе волосы, маленькая, клинышкомъ бородка и такіе глаза, какихъ Ольга Семеновна не видала никогда. Хотя и совсѣмъ маленькіе, они были прозрачны, какъ чистая и глубокая вода и такъ ласково и радостно смотрѣли въ лучистыхъ морщинкахъ, что сразу дошли у Ольги Семеновны до самой души. И сама не зная, почему—точно толкнуло ее что-то—она шагнула навстрѣчу старику, опустилась на колѣни и проговорила:

— Благослови, отецъ!..

Но онъ отвѣтилъ яснымъ и быстрымъ голосомъ:

— Богъ тебя благословитъ, а я благословлять не могу. И не отецъ тебѣ я, а братъ. Вотъ помолиться за тебя могу. сколько Богъ силы дастъ—и сейчасъ же прибавилъ:

— Встань, встань съ колѣнъ-то! Передъ Богомъ на колѣняхъ стоятъ-то, а не передъ человѣкомъ. Я, можетъ, еще грѣшнѣе, чѣмъ ты.

— Ну, здравствуй, милая!—заговорилъ онъ потомъ, посадивъ Ольгу Семеновну на стулъ, а самъ сѣвъ на плетеный диванчикъ, у стѣны.—Здравствуй, родная.—Онъ положилъ ей на голову руку, отъ которой пахло ладаномъ и еще чѣмъ-то пріятнымъ и святымъ, посмотрѣлъ на нее такъ, что Ольгѣ Семеновнѣ показалось, будто онъ дошелъ взглядомъ до самаго дна души и сказалъ:

— Плохое у тебя лицо. Тяжелое у тебя лицо. А жить надо такъ, чтобы у человѣка былъ радостный ликъ. И лицомъ надо Бога славить.

— Отступился Богъ отъ меня!..—всхлипнувъ заговорила, было, Ольга Семеновна, но онъ ее перебилъ:

— Вотъ и сказала хулу! Человѣкъ отъ Бога отступиться можетъ, а Богъ отъ человѣка не отступится никогда. Ты вотъ такъ отступилась отъ него. Это вѣрно. Ну, разскажи же мнѣ, что случилось съ тобой. Все, безъ утайки разскажи, а я послушаю и, можетъ быть, что-нибудь тебѣ и скажу. Виднѣе, вѣдь, со стороны. А ты мнѣ пріятна. Ясная у тебя душа.

— Дьяволъ въ меня вселился!—воскликнула Ольга Семеновна и, вспомнивъ все, зарыдала и повалилась со стула на колѣни.—Душу мнѣ перемѣнилъ! Подлая и распутная я стала! Обманомъ взялъ меня одинъ, по ошибкѣ, не въ ту дверь я попала, потомъ опять хитростью насъ свели, а я не могу отстать. Разожгло меня всю, похоть въ меня вступила, только о немъ и думаю и ничего мнѣ больше не надо, а сегодня ночью рѣзать его собралась, потомъ сама удавиться хотѣла. Помираетъ у меня душа!

— Говори, милая, говори. Все говори!—положивъ ей на голову руку, ласково ободрялъ ее старецъ.—Съ самаго начала говори. И какъ узнала его, и какъ до тѣхъ

поръ жила, все разскажи. Облегчи свою душу. Больная она у тебя.

— Городовой онъ!—рыдая, восклицала Ольга Семеновна.—Отъ хулигановъ онъ меня разъ оборонилъ, такъ и познакомилась съ нимъ...—Захлебываясь слезами и ударяясь головой о стулъ, она разсказывала все—какъ спокойно жила, какъ радостно молилась Божьей Матери, пока не встрѣтила Кузьму, какъ ходила съ нимъ въ церковь, какъ начала о немъ все больше думать, какъ рѣшила не видѣть его больше никогда и какъ неожиданно грянула одна, а за ней и другая бѣда...

Внимательно нагнувшись къ ней, старецъ слушалъ и разспрашивалъ ее и когда, кончивъ все, разсказавъ всѣ свои думы, желанья и дѣла, она лежала и билась въ рыданьяхъ, онъ сказалъ:

— А теперь встань. Выплакала сердце и довольно. Теперь сядь.

Покорно переставъ плакать, она сѣла и онъ продолжалъ:

— Тебя самъ Богъ наказалъ. По дѣломъ сказалъ, потому что очень ужъ ты загордилась своей чистотой. Вѣдь любишь ты его, говоришь? Такъ какой же тутъ грѣхъ? Самъ Богъ любить велѣлъ и сказалъ:—плодитесь и населяйте землю. Нельзя только изъ-за любви Его забывать. Ты, вотъ, думала, что можешь пробыть дѣвственницей, а это не всякому дано. «Могій вмѣстити, да вмѣститъ», а ты не могла. Вотъ Богъ тебя за гордыню-то и наказалъ. Не дьяволъ это вовсе, а самъ Богъ. И нечего тебѣ въ отчаяніе впадать, а надо смириться и жить съ Кузьмой, какъ всѣ живутъ. А станешь въ отчаяніи жить, такъ и дьяволъ тебя осилитъ. Дай ему только ходъ. Вотъ, что ты рѣзать его хотѣла, а себя удавить, это отъ дьявола, но видишь, Богъ, все-таки, не допустилъ, удержалъ и внушилъ тебѣ итти къ Дарьѣ. Да онъ же еще раньше

тебя съ ней и свелъ. Видишь, какая у него забота о тебѣ? А ты лепечешь: отступилъ, отступилъ!..

И долго еще говорилъ, и чѣмъ больше слушала его Ольга Семеновна, тѣмъ легче становилось у нея на душѣ. Точно, какъ малый ребенокъ, она испугалась темноты, и вдругъ пришелъ взрослый, взялъ за руку и показалъ, что страшнаго ничего нѣтъ. Она слушала,—камень, давившій ее, таялъ, какъ воскъ и, когда, кончивъ, старецъ сказалъ:

— А теперь давай, будемъ вмѣстѣ молиться!..—и, поставивъ ее у аналоя рядомъ съ собой, дребезжащимъ и и растроганнымъ голосомъ запѣлъ:

— Пролію молитву мою ко Господу и Тому повѣдаю печали моя!.. она, опустившись на колѣни, пала лицомъ на землю и растаявшая тяжесть хлынула изъ нея горячими и сладкими слезами...

— Ступай, живи, радуйся и не гордись!—говорилъ старецъ, отпуская ее.—Живи съ Кузьмой по закону, какъ установлено Богомъ, соблюдай душу и молись. А душа у тебя ясная и строгая. Блюди ее. А вотъ за то, что усумнилась въ Богѣ, положи на себя эпитимію. Садись завтра на пароходъ и поѣзжай на Валаамъ. Отбей тамъ тысячу поклоновъ и поживи три дня. Больше тебѣ не надобно ничего. Богъ съ тобой!

Окрыленная, легкая и радостная, Ольга Степановна вернулась съ Дарьей Игнатьевной въ Торговый переулокъ, крѣпко проспала ночь и на слѣдующее утро, зайдя домой, чтобы сказаться Клавдіи Ивановнѣ, отправилась на пристань и сѣла на пароходъ.

Она цѣлый день ѣхала на пароходѣ и, сидя на носу, смотрѣла на сіяющую подъ майскимъ солнцемъ, налитую, какъ полная чаша, въ низкихъ берегахъ рѣку, потомъ на угрюмое, съ коричневыми скалами озеро. Она слушала заутреню въ Коневецкомъ монастырѣ, смотрѣла на огромный

Конь-Камень съ часовенкой наверху, и съ трепетомъ увидѣла мрачные, покрытые темнымъ лѣсомъ утесы Валаама.

Ольга Семеновна никогда даже не грезила о такой красотѣ. Въ монастырской церкви она отбила тысячу поклоновъ, забываясь отъ торжественнаго пѣнія мужского хора, объѣздила всѣ семнадцать скитовъ на всѣхъ островахъ, смотрѣла издали на Постный Скитъ, куда не пускаютъ женщинъ и гдѣ не ѣдятъ даже молока; была въ Воскресенскомъ скиту, гдѣ цѣлый годъ радостно поютъ «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»; лазила черезъ узкій проходъ въ пещеру, гдѣ, какъ живой человѣкъ, лежитъ принесенная изъ Іерусалима плащаница; ходила, молитвенно восторгаясь, по лѣстнымъ тропинкамъ; видѣла уединенныя кельи отшельниковъ и лохматаго старика, на колѣняхъ молящагося посреди полянки; съ умиленіемъ смотрѣла, какъ дикія утки спокойно плавали въ пяти шагахъ отъ нея и какъ бѣлки и зайцы довѣрчиво, безъ страха, прыгали рядомъ съ людьми,—и думала:

«Господи! Такъ бы вотъ и прожить всю жизнь!..»

Ей казалось, что не надо ей больше ничего, а надо только уйти вотъ въ такую же пустыню и до конца дней молиться и наслаждаться красотой. Но ей вспоминался спокойный голосъ старца, и, страннымъ образомъ, все, что онъ говорилъ, складывалось въ ней въ глубокое и печальное сознаніе, что это счастье не для нея, что она уже не достойна его, а должна итти въ міръ и, смирившись, жить съ Кузьмой.

Она провела на Валаамѣ недѣлю, забывъ все, охваченная непрерывнымъ восторгомъ, оторвавшись отъ прошлой жизни, которая только изрѣдка вспоминалась ей, какъ черный и страшный сонъ. И когда ѣхала назадъ, то все— и скалы, и храмы, и скиты, и лѣсъ, и озеро, и дикія утки, и бѣлки—все это, слившись, звучало въ ея душѣ, какъ никогда неслыханная, торжественная музыка.

Но какъ только, подъѣзжая къ Петербургу, она увидѣла повисшую надъ нимъ тучу дыма, торчащія изъ нея трубы фабрикъ, мосты и вытянувшіеся по берегамъ каменные дома, сейчасъ же отступившее прошлое надвинулось на нее. И какъ только она вышла съ народомъ на пристань и кругомъ затрещали о камень колеса извозчиковъ, Кузьма всталъ передъ ней, какъ живой. Она услышала его голосъ, увидѣла его лицо и у ней задрожали колѣни отъ мучительной и сладкой тоски.

VII.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ этого, Ольга Семеновна стояла вечеромъ въ спальнѣ Клавдіи Ивановны и говорила ей:

— Нѣтъ, Клавдія Ивановна, милая вы моя, увольте вы меня. Окончательно порѣшила я. Все-таки не свой, а хозяйскій домъ, и мало ли что кругомъ могутъ сказать. Вѣдь не вѣнчаны мы съ нимъ, да коли бы и вѣнчаны были, все одно, нехорошо. И еще я вамъ, Клавдія Ивановна, скажу: очень я вами довольна, лучше, чѣмъ у родной, мнѣ было у васъ жить, а все-таки, восемь, вѣдь, лѣтъ я по чужимъ людямъ живу, и пока одинокая была, ничего еще было, а теперь, когда Господь такое мнѣ испытаніе послалъ, трудно ужъ мнѣ служить. Очень я вамъ за все благодарна, чисто не хозяйка вы мнѣ были, а сестра родная, а только должна я отъ васъ отойти.

Клавдія Ивановна была сильно огорчена. Но она видѣла, что иначе, дѣйствительно, нельзя и не уговаривала Ольгу Семеновну. Она только сказала печально:

— Вотъ видишь, Оля, говорила я тебѣ: не зарекайся любить! Такъ и вышло по-моему!

— Что жъ, милая Клавдія Ивановна!—покорно отвѣтила Ольга Семеновна.—Покаралъ меня Господь, наказалъ за грѣхи. Такъ вотъ вошло въ меня, и ничего я подѣлать не могу.

— Скоро поженитесь-то вы?—спросила Клавдія Ивановна и пошутила печально:—Хоть на свадьбу-то меня позови!

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила Ольга Семеновна.—Не поженимся мы никогда. Такъ жить буду, а замужъ за него не пойду.

— Почему же это, Оля?—изумилась маленькая барыня.—Вѣдь ты же такъ любишь его!

—Такъ ужъ...—потупивъ голову, отвѣтила Ольга Семеновна, и у ней сдѣлалось такое лицо, что Клавдія Ивановна не стала больше разспрашивать.

За это время многое произошло. Вернувшись съ Валаама, Ольга Семеновна сама пошла къ Кузьмѣ на постъ, подошла, сказала съ поклономъ:

— Здравствуйте, Кузьма Дмитричъ!..—и попросила его вечеромъ зайти.

И когда онъ пришелъ, разсказала ему все, что было съ ней и, поклонившись въ ноги, попросила его простить. Послѣ этого она покорно стала съ нимъ жить.

Но какъ наказаніе и кара, въ ней глубоко затаилась мысль, что она навсегда такъ и должна остаться только любовницей Кузьмы и она не разу не заикнулась о свадьбѣ, тѣмъ болѣе, что и Кузьма тоже объ этомъ ни разу не заговорилъ. Въ то же время, все крѣпче свыкаясь другъ съ другомъ, они чувствовали оба, какъ неудобно имъ порознь, и все чаще Ольга Семеновна, впадая въ слабость, мечтала о томъ, чтобы хоть по виду жить съ Кузьмой, какъ жена.

Онъ первый высказалъ это. Лежа въ постели, онъ заговорилъ одинъ разъ:

— А я все смекаю, что не вполнѣ хорошо намъ съ вами такъ быть (несмотря на всю близость, они продолжали говорить другъ другу вы). Не подходитъ какъ-то. Будто воровски. И не посидѣть, ни поговорить. Вотъ только заработокъ какъ?

У Ольги Семеновны было скоплено около двухсотъ рублей, и въ ней давно уже гнѣздилась мечта о томъ, какъ было бы хорошо, вотъ такъ же, какъ Дарья Игнатьевна, открыть маленькую лавочку и торговать. Но эта мечта, можетъ быть, долго только бы тѣшила обоихъ, если бы не случилась новая вещь: неожиданно Кузьму перевели въ другую часть, на Пески. Ходить къ Ольгѣ Семеновнѣ по ночамъ стало далеко, и поневолѣ приходилось что-нибудь предпринять.

— Такъ уходишь сегодня, Оля?—со слезами говорила Клавдія Ивановна черезъ нѣсколько дней. Она, дѣйствительно, сильно любила Ольгу Семеновну и такъ свыклась съ ней, что съ трудомъ представляла себѣ, какъ она останется безъ нея.

Онѣ долго цѣловались при прощаньи, и обѣ плакали навзрыдъ. Ольгѣ Семеновнѣ было мучительно жаль и кухни, и квартиры, и двора, и особенно своей комнатки, гдѣ она столько пережила. Уже дворникъ унесъ ея вещи, а она уходила, возвращалась, снова цѣловала Клавдію Ивановну, Ксюшу, даже сердитую няньку, и когда ѣхала на извозчикѣ, придерживая корзинку и узлы, то заливалась слезами, какъ будто бы уѣзжала, Богъ знаетъ, куда.

Первое время прожили кое-какъ, въ крошечной комнаткѣ, въ деревянномъ флигелѣ, но Ольгѣ Семеновнѣ все-таки было хорошо. Они жили вмѣстѣ. Все свободное время Кузьма проводилъ около нея и она, какъ нянька, ухаживала за нимъ. Но за комнату надо было платить десять рублей, а жалованья Кузьма получалъ всего тридцать пять.

Такъ было нельзя. Безъ устали Ольга Семеновна присматривалась, разспрашивала, совѣтовалась съ Дарьей Игнатьевной, съ которой у ней завязалась большая дружба, и на третій мѣсяцъ ей повезло.

Очищалась лавочка въ сосѣднемъ переулкѣ, въ подвальномъ этажѣ—хозяинъ переходилъ въ другое мѣсто и готовъ былъ передать дѣло хоть сейчасъ. Долго прикидывали, обсуждали, приглядывались къ торговлѣ. Хоть и приходилось отдать всѣ скопленныя Ольгой Семеновной деньги, но дѣло казалось выгоднымъ, и лавочку рѣшили взять.

Переселились въ большую подвальную комнату, которая была при ней, и Ольга Семеновна стала торговать. Съ ранняго утра дребезжалъ колокольчикъ у дверей. Вваливались лохматые, оборванные, засыпанные пылью ломовики, сиплымъ голосомъ говорили:—Здорово, хозяйка!—и, купивъ закуску, тутъ же на тротуарѣ выбивали ладонью пробку изъ сотки. Прибѣгали чахлыя, говорливыя жены и спрашивали чаю на заварку, или пятокъ соленыхъ огурцовъ. Забѣгали дѣти по дорогѣ въ училище, чтобы купить на копейку конфетъ, заскакивали горничныя и накрашенныя дѣвицы изъ сосѣдняго двора. Весь подвальный околотокъ цѣлый день вливался въ лавочку, звеня колокольчикомъ и отрывая Ольгу Семеновну отъ хозяйственныхъ дѣлъ.

А она, разговаривая и отпуская товаръ, думала все время о Кузьмѣ и о томъ, чѣмъ она его сегодня угоститъ. Кузьма любилъ жирно и вкусно поѣсть. Еще когда онъ стоялъ на посту, среди грохота и треска трамваевъ, автомобилей, извозчиковъ и ломовиковъ, желудокъ начиналъ у него сладко ныть при мысли о томъ, что тароватая Ольга Семеновна подастъ ему сегодня на обѣдъ. Отстоявъ свои шесть часовъ, онъ шелъ домой, важно входилъ въ лавочку и, снимая аммуницію, снисходительно говорилъ:

— Ну-ка, что вы намъ сегодня припасли?

Зарумянившись отъ смущенія, Ольга Семеновна разстилала скатерть, вынимала изъ печки одно блюдо за другимъ, и Кузьма, снявъ мундиръ, крестился и въ одной ситцевой рубахѣ, крякнувъ и поправивъ усъ, начиналъ ѣсть до отяжелѣнія, до того, что покрывался каплями пота. Наѣвшись, вытягивалъ огромное, быстро толстѣющее тѣло на жалобно скрипѣвшей кровати и сейчасъ же начиналъ храпѣть.

А Ольга Семеновна подолгу, пока не отрывало ее дребезжаніе двернаго звонка, сидѣла рядомъ съ нимъ, думая неясныя, больныя думы о томъ, что случилось съ ней, какъ сразу, точно въ сказкѣ, перемѣнилась вся ея жизнь. Какъ нежданно и незванно ворвался въ нее Кузьма и точно раскрылъ темный подвалъ, гдѣ таился въ ея душѣ ненасытный грѣхъ, до сихъ поръ еще заливающій ее отчаяніемъ и стыдомъ.

Съ темнымъ волненіемъ смотрѣла она на его стриженый, крутой затылокъ, на могучую, красную шею и чувствовала съ новой болью, что она не знаетъ его совсѣмъ. Кузьма былъ неговорливъ. Онъ какъ бы выговорился весь, пока сходался съ ней и, достигнувъ своего, спокойно жилъ, ѣлъ и спалъ около нея. Онъ кратко сообщалъ ей о событіяхъ, которыя происходили на посту, она знала, что онъ почиталъ начальство, ставилъ свою службу выше всего и никогда не сомнѣвался, какъ ему поступить, потому что въ инструкціи предусматривалось все. Она знала, что его любили въ околоткѣ, потому что онъ никого напрасно не обижалъ, что онъ твердо вѣрилъ въ Бога, каждый годъ говѣлъ, ходилъ по праздникамъ въ церковь— она знала все это, она знала всю его жизнь, каждый его шагъ, но все-таки ей казалось, что она не знаетъ чего-то самаго главнаго во немъ, что онъ ей чужой и что даже, въ самой глубинѣ, есть въ немъ презрѣніе къ ней. Но она

была точно связана крѣпкими путами, жила точно въ полуснѣ и ясно чувствовала только одно—что любитъ его все больше, любитъ до того, что ради него готова отказаться отъ всего.

Она точно раздѣлилась пополамъ. Одна половина была счастлива грѣховнымъ и темнымъ счастьемъ, другая неудовлетворенно порывалась къ прежней чистотѣ. И она чувствовала себя точно въ плѣну. Она уже не могла молиться такъ, какъ молилась прежде, уже не могла славить Божію Матерь, какъ славила прежде—радостно и свободно, какъ близкую и свою. Она не осмѣливалась смотрѣть ей въ глаза и все время вымаливала себѣ прощеніе за грѣхъ, въ которомъ жила. Постоянная, глубокая язва образовалась у Ольги Семеновны въ душѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще на нее нападала тоска. И чѣмъ прочнѣе налаживалась жизнь, тѣмъ безысходнѣе становилась тоска, потому что все сильнѣе Ольга Семеновна чувствовала, что ей никогда не вырваться и не убѣжать.

Она ѣздила первое время къ старцу Петру и нѣсколько разъ пробовала разсказывать ему все. Онъ утѣшалъ ее, молился вмѣстѣ съ ней, и она возвращалась успокоенная и просвѣтленная. Цѣлый мѣсяцъ она каждое воскресенье ѣздила слушать его бесѣды, на которыхъ онъ объяснялъ евангеліе и училъ, какъ надо жить. Вмѣстѣ съ народомъ она радостно восклицала, когда онъ входилъ:—Здравствуй, отецъ!—вмѣстѣ со всѣми она пѣла:—Отверзи уста мои ко Господу.—Она ловила каждое его слово, отыскивала въ немъ примѣненія къ себѣ и, когда находила, тотчасъ же, какъ всѣ, громко восклицала:—Спасибо!—или:—Прости!

Но постепенно она увидала, что какъ ни много людей сходилось къ старцу, желая исправиться и начать хорошую жизнь, но у всѣхъ у нихъ грѣхи были обыкновенные—пьянство, воровство, распутство, лѣнь—такіе грѣхи,

отъ которыхъ вовсе не такъ трудно отстать. У ней же былъ грѣхъ, не похожій ни на какой другой, и ей казалось, что старецъ какъ будто даже не хотѣлъ въ него вникать, какъ въ мало важную вещь. Ольга Семеновна видѣла, сколько народу къ нему приходитъ каждый день, она понимала, что иначе не можетъ и быть, но ей было больно, она стала все рѣже къ нему ходить и все больше чувствовала, что она совсѣмъ одна и что никто не можетъ ей помочь.

Такъ время шло. Прошло Рождество, масляница, великій постъ. Послѣ Пасхи, когда вскрылась Нева и стало ярко свѣтить солнце, на Ольгу Семеновну снова напала тоска, и въ то же время чудесной музыкой зазвучали въ ней воспоминанія о томъ, какъ она ѣздила въ прошломъ году на Валаамъ. Ее неудержимо потянуло туда.

Кузьма одобрилъ ее. Послѣ той ночи, когда ему пришлось убѣжать, онъ рѣшилъ, что у Ольги Семеновны есть странности, которымъ для спокойствія лучше потакать. Чтобы не отучить покупателей отъ лавки, посадили въ ней дальнюю родственницу Кузьмы, Григорьевну, бродячую старушку, жившую то здѣсь, то тамъ, у многочисленныхъ знакомыхъ и родныхъ, и Ольга Семеновна поѣхала на Валаамъ.

Она провела тамъ полторы недѣли, снова отрѣшившись отъ жизни, въ радостномъ устремленіи ввысь, и ей казалось иногда, что старая радость возвращается къ ней. Съ этихъ поръ у ней появилась страсть къ богомольямъ. Въ серединѣ лѣта она отправилась въ Соловки, осенью пошла по Новгородскимъ монастырямъ и всю слѣдующую зиму жила мечтой—какъ только зазеленѣетъ трава, отправиться пѣшкомъ въ Кіевъ.

Она искала чего-то, сама не зная, чего—можетъ быть, исцѣленья отъ томившей тоски, можетъ быть, освобожденья отъ плѣна грѣховной любви, и всегда отпра-

влялась съ надеждой найти. И такъ же, какъ при бесѣдахъ со старцемъ, такъ и тутъ, пока она молилась на новыхъ мѣстахъ, ей казалось иногда, что она нашла. Въ молитвенныхъ порывахъ мелькала предъ ней сладостная возможность не то полнаго освобожденія, не то примиренія того, что невозможно было примирить. Радостная и успокоенная, она возвращалась домой, но быстро, обратнымъ размахомъ, ее относило назадъ, къ ея грѣшной любви и тоскѣ. И не будучи въ силахъ отказаться отъ Кузьмы, она все чаще оплакивала то время, когда жила спокойно и чисто, вспоминая, какъ тихое и милое убѣжище, комнатку съ зажженой лампадкой, изъ которой, какъ сухой листокъ, ее вырвала буря.

VIII.

Постъ Кузьмы находился на перекресткѣ двухъ оживленныхъ улицъ и стоять на немъ было не легко. По главной улицѣ со звономъ и визгомъ носился трамвай. Изъ переулка, наперерѣзъ чрезъ рельсы, съ грохотомъ катили ломовики. Съ кладью они ѣхали медленно, но перегруженныя телѣги то и дѣло застревали на рельсахъ, когда вдали уже отчаянно звонилъ вагонъ. Порожніе, они, какъ ошалѣлые, мчались другъ за другомъ, нахлестывая лошадей и непремѣнно стараясь проскочить подъ самымъ носомъ трамвая. И, кромѣ того, извозчики, автомобили, пьяные, женщины и дѣти. На перекресткѣ все время кипѣлъ котелъ, каждую минуту кого-нибудь могли задавить, и все время приходилось быть на чеку. Всѣ городовые уже черезъ мѣсяцъ дѣлались на этомъ посту злыми, какъ цѣпныя собаки, и только невозмутимый Кузьма могъ сохранить спокойствіе, возвышаясь,

какъ столбъ, торчащій среди водоворота и движеніемъ бѣлой палочки то останавливая, то пуская въ ходъ потокъ.

Вечеромъ, когда движеніе спадало, становилось легче, но, все-таки, было безпокойно. Кругомъ кишѣли портерныя, чайныя, трактиры и притоны. Вездѣ пили, буянили и дрались. Поздно ночью, по тротуарамъ стайками расхаживали дѣвицы, кучками собирались хулиганы, и то и дѣло, откуда-нибудь раздавался отчаянный вопль:— Городовой! Городовой!

Неудивительно было, что, приходя домой, Кузьма, усталый до отупѣнія, наѣдался и заваливался спать, тѣмъ болѣе, что службу свою онъ несъ не за страхъ, а за совѣсть и никогда не позволялъ себѣ, какъ его товарищи, отдыхать гдѣ-нибудь въ знакомомъ трактирѣ, или въ пивной.

Единственная вольность, которую разрѣшалъ онъ себѣ— это было выпить бутылочку чернаго пива—водки онъ, вообще, не употреблялъ,—въ подвальномъ ресторанчикѣ «Парижъ», и то только потому, что хозяинъ ресторана, Филиппъ Ивановичъ Кряжевъ, лично стоявшій за буфетомъ, былъ настоящій, правильный человѣкъ, котораго Кузьма очень уважалъ.

Познакомились они чуть ли не съ перваго дня, когда Кузьму перевели со стараго поста сюда, и мѣсяца три тому назадъ, еще зимой, Филиппъ Иванычъ сильно его смутилъ.

Когда однажды вечеромъ, часовъ около десяти, онъ спустился въ ресторанъ, Филиппъ Иванычъ, собственноручно наливая ему стаканъ пива, поглядѣлъ, наклонивъ въ бокъ голову, точно что-то прикидывая, на Кузьму и неожиданно сказалъ:

— Вотъ, смотрю я на васъ, Кузьма Дмитричъ, и думаю: какой у васъ красивый и представительный видъ!—

и, когда Кузьма, выпрямившись, довольно тронулъ себя за усъ, онъ подумалъ еще и продолжалъ:

— И давно ужъ приходитъ мнѣ на умъ такая мысль: мужчина вы, хотя и молодой, но обстоятельный и солидный, а служба у васъ совсѣмъ не по васъ. Вамъ бы хозяиномъ быть и за своимъ дѣломъ смотрѣть, а не то, что глупымъ ломовикамъ палочкой махать.

— Дѣйствительно,—согласился Кузьма.—Служба у насъ тяжелая.

— Тяжелая служба. И нехорошая служба. Для такой службы надо собакой быть, чтобы рвать—тогда еще ничего. А человѣку добросовѣстному и деликатному совсѣмъ неудобно. Сказать вамъ, Кузьма Дмитричъ? Хочу я васъ женить.

Это было такъ неожиданно, что, поперхнувшись пивомъ, Кузьма побагровѣлъ и выпучилъ изумленно на Филиппа Ивановича глаза. Но тотъ спокойно продолжалъ:

— И невѣста, кстати, имѣется у меня на примѣтѣ. Какъ разъ для васъ, точно по заказу, такъ что при желаньи можно вполнѣ устроить настоящую жизнь. Если хотите, посватаю хоть сейчасъ.

Кузьму сразу ударило въ потъ. Залпомъ осушивъ стаканъ, онъ вытеръ усы и виновато проговорилъ:

— Да у меня, Филиппъ Иванычъ, какъ вамъ сказать, уже есть... Въ родѣ какъ бы... женскаго пола, такъ что, конечно, почти, какъ жена...

— Ну это что!..—равнодушно отозвался тотъ.—Вы мужчина красивый, бабы, конечно, къ вамъ льнутъ. Но тутъ дѣло серьезное, на всю жизнь. Можно сказать, такъ прямо на васъ счастье и плыветъ. А тамъ что жъ?.. Ткнулъ ей полсотни въ зубы и прощай. Много, вѣдь, ихъ потаскухъ...

Разговоръ этотъ такъ и не кончился ничѣмъ. Но почему-то онъ такъ смутилъ Кузьму, что недѣли двѣ онъ

не рѣшался даже заходить къ Филиппу Иванычу. Потомъ, наоборотъ, зачастилъ и все время тайно чего-то ждалъ, но за то Филиппъ Иванычъ точно позабылъ все и молчалъ, какъ будто воды въ ротъ набралъ. И только мѣсяца черезъ два, уже въ то время, когда Ольга Семеновна стала собираться на богомолье въ Кіевъ и когда Кузьма основательно обо всемъ позабылъ, совсѣмъ неожиданно, наливая ему стаканъ, Филиппъ Иванычъ сказалъ:

— Такъ какъ же, Кузьма Дмитричъ, а? Помните, я вамъ про невѣсту-то говорилъ? Если желаете, то можно объ этомъ теперь поговорить въ серьезъ.

Кузьму снова бросило въ потъ. Но, переступивъ сапогами, на этотъ разъ онъ солидно сказалъ:

— Что жъ!.. Хотя и конечно я обязанный человѣкъ, но отчего жъ? Все-таки, любопытно... А кто же будетъ она?

— Землячка моя, вдова одна. Извозчичье дѣло у нея. Мужъ ейный пріятель мнѣ былъ, а въ прошломъ году простудился, да въ одночасье и померъ. Бьется теперь бѣдняга, чисто рыба объ ледъ. Шутка ли, чуть не пятнадцать выѣздовъ! Развѣ это женское дѣло? Прямо иной разъ смотрѣть на нее жаль.

— Конечно,—солидно согласился Кузьма.—Гдѣ женщинѣ съ такимъ дѣломъ совладать? Ихъ дѣло по хозяйству топтаться, ну еще въ лавочкѣ посидѣть, а тутъ требуется настоящій человѣкъ. И дѣтки есть?

— Трое сиротъ. Старшему одиннадцать лѣтъ. Ну, посудите сами, что ей въ такомъ положеніи остается предпринять?—говорилъ Филиппъ Иванычъ, облокачиваясь на стойку и перегибаясь къ Кузьмѣ.—Приходитъ иной разъ къ женѣ, плачетъ, говоритъ:—силъ моихъ нѣтъ!—Конечно, дѣло такое, что ее всякій бы взялъ, да опять-таки.—Какъ же мнѣ,—говоритъ:—я никого не знаю, я женщина

неопытная, да и кто его знаетъ, да на кого попадешь.— И правильно, конечно!—И дѣло—говоритъ—размотаетъ, и сиротъ моихъ станетъ обижать, я боюсь.—А обстоятельства требуютъ. Старичишка ей, разумѣется, помогаетъ, одинъ, въ родѣ какъ бы управляющимъ у нея— ну, конечно, съ самаго начала у покойнаго мужа служилъ,— такъ вы не повѣрите—смотрѣть просто противно—ее же обворовываетъ, да надъ ней же измывается, а она, по своему женскому дѣлу, должна все терпѣть.

— Это ужъ конечно,—сказалъ Кузьма.—Отъ чужого человѣка чего же можно ожидать? Вотъ хотя бы и у насъ тоже, какъ моя,—Кузьма затруднился, какъ сказать и и выразился просто:—Ольга Семеновна на богомолье уйдетъ—а слабость у нея такая есть,—такъ лавочка имѣется у насъ. Ну, и старушка одна приспособлена въ ней сидѣть. Такъ совсѣмъ была правильная старушонка, а теперь, какъ ни погляди, все носомъ моргаетъ, да изъ глазъ слезки бѣгутъ. Понятно, выпиваетъ. А на чьи деньги? Конечно, меня дома нѣтъ.

— Такъ вотъ, Кузьма Дмитричъ!—еще ближе нагнувшись, продолжалъ Филиппъ Иванычъ.—Прямо, я вамъ скажу, благодѣяніе тутъ можно оказать. И вы бы какъ разъ подходящій человѣкъ. И разумный, и степенный, и къ хозяйству склонный, ну то же и кавалеристъ, лошадиную породу понимаете, да и она женщина хоть куда! Здоровая и полная, такъ что вполнѣ достойна, чтобы любить. Ну, такъ вотъ, чтобы вы сказали, а? Я вѣдь не для себя стараюсь, мнѣ что? Мое дѣло сторона. Просто по любви вамъ это предлагаю, потому что какъ разъ это было бы въ точку и для нея и для васъ.

На важномъ лицѣ Кузьмы выдавилась жалкая улыбка.

— Я понимаю...—говорилъ онъ.—Только что же, Филиппъ Иванычъ? Обвязанный я человѣкъ. Если бы, конечно, два года тому назадъ... А теперь какъ же? Вто-

рой годъ уже мы съ ней правильнымъ родомъ живемъ и будто неловко какъ бы...

— Выкушайте, Кузьма Дмитричъ, еще пивка!—угощалъ Филиппъ Иванычъ и продолжалъ:—Я вамъ сказалъ и, конечно, было бы очень пріятно, но понятно, что дальше ужъ вамъ самимъ рѣшать. Только позвольте вамъ еще сказать: кто молодъ не бывалъ, кто съ вольными бабами не живалъ, но все-таки, одно дѣло такъ, а другое дѣло по закону. И еще я вамъ скажу: разъ это только въ жизни бываетъ, что счастье на человѣка прямо такъ само и плыветъ. И если это случается, то надо немедленно хватать, потому что въ другой разъ оно уже не наплыветъ!..

Кузьма вышелъ изъ ресторанчика, смущенный до того, что чуть не упалъ, споткнувшись на порогѣ. Онъ едва достоялъ свою очередь и не видѣлъ и не слышалъ кругомъ ничего, потому что взбудораженныя мысли его носились во всѣ стороны, а голова неуклонно высчитывала:

«Пятнадцать выѣздовъ, это если каждый обязанъ привести по три рубля, то будетъ въ день сорокъ пять. Да въ день если лошади дать по 20 фунтовъ овса, а пудъ, нынче восемьдесятъ копеекъ, да сѣна, а оно пятьдесятъ, да жалованье, да харчи, да аренда...»

Какъ ни считалъ онъ, выходило, что каждый день должно было оставаться столько, что если перевести это на мѣсяцъ, то начинала кружиться голова. Придя домой, гдѣ ждала его Ольга Семеновна—а она, какъ бы ни была изморена усталостью—всегда дожидалась его, онъ въ первый разъ за два года потерялъ аппетитъ и, попробовавъ баранину, сейчасъ же отодвинулъ ее отъ себя. И когда Ольга Семеновна любовно спрашивала:—Что вы не кушаете, Кузьма Дмитричъ? Не вкусно развѣ?—онъ, боясь на нее поглядѣть, уклончиво отвѣчалъ:

— Не хочется что-то. Будто усталъ,—сейчасъ же легъ и притворился, что заснулъ. Утромъ суматоха и грохотъ

выбили у него изъ головы всѣ мысли. Но, какъ только онъ смѣнился, и вернулся домой, онѣ тоже вернулись и онъ снова принялся считать. А вечеромъ, когда онъ медленнымъ шагомъ шелъ по улицѣ и, поднимая руку, говорилъ веселымъ дѣвицамъ:

— Но, но!.. Не засорять тротуаръ. Расходись!..—пятнадцать выѣздовъ сытыхъ, красивыхъ лошадей, не останавливаясь, ѣздили у него въ головѣ, и въ ушахъ такъ и звучалъ убѣдительный голосъ Филиппа Иваныча:

— Смотрите, Кузьма Дмитричъ, разъ только въ жизни счастье на человѣка плыветъ, и когда оно плыветъ, то надо хватать, потому что въ другой разъ оно врядъ ли ужъ наплыветъ...

Дойдя до крылечка съ вывѣской «Парижъ», онъ остановился и долго въ мучительномъ колебанiи стоялъ. Такъ и тянуло спуститься внизъ, отворить тугую дверь и войти, но было страшно взглянуть на Филиппа Иваныча. Изъ прiятеля онъ сразу превратился въ кудесника и колдуна, въ рукахъ у котораго былъ заклятый кладъ. Повернувшись, Кузьма медленно шагалъ назадъ и тоскливо думалъ:

«Конечно, кабы два года назадъ!.. А теперь что же я? Обвязанный человѣкъ...»

Черезъ недѣлю Кузьма сталъ непохожъ на себя. Развернувшiеся горизонты острымъ ядомъ отравили его, незамѣтно измѣнивъ всѣ его мысли. Раньше, хотя онъ и зналъ, что его служба трудна, но не обращалъ на это вниманiя и просто служилъ. Теперь у него точно раскрылись глаза. Онъ каждую минуту чувствовалъ ея тяготы, раздражался и, вспоминая о пятнадцати выѣздахъ, съ негодованiемъ думалъ:

— Развѣ же это жизнь?..

Ольгу Семеновну онъ, по-своему, любилъ. Онъ къ ней привыкъ, она служила ему женой, хорошо кормила

его, вносила порядокъ въ его жизнь—была ему до сихъ поръ нужна. Но теперь, когда она неожиданно оказалась помѣхой, онъ почувствовалъ къ ней вражду. Онъ думалъ о вдовѣ, у которой пятнадцать выѣздовъ, и хотя никогда не видалъ ея, но она казалась ему настоящей и желанной. Слушая Ольгу Семеновну, когда она начинала говорить о своемъ скоромъ уходѣ на богомолье, онъ молча раздражался, думая: «Пустая женщина!» и все чаще останавливался мыслью на томъ, что, дѣйствительно, небольшая ей цѣна, разъ она не сумѣла себя соблюсти.

Смѣнившись какъ-то утромъ, онъ съѣздилъ на ту улицу, на которой жила вдова, и быстро разыскалъ ея домъ. Онъ нѣсколько разъ прошелся мимо воротъ, увидѣлъ грязный дворъ, конюшни и навѣсъ, подъ которымъ стояли экипажи и увидѣлъ даже, какъ молодой парень вывелъ запрягать въ дрожки большую, сухопарую, чуть хромавшую лошадь. Онъ вернулся домой въ невыносимой тоскѣ и почти не обратилъ вниманія, когда въ этотъ день, подавая ужинъ, Ольга Семеновна робко сказала ему:

— Такъ мы, Кузьма Дмитричъ, завтра пойдемъ...

Она собиралась итти не одна, а вмѣстѣ съ Дарьей Игнатьевной. Каждый разъ, когда она уходила на богомолье, ей, несмотря на радость, было всегда тяжело: ей казалось, что Кузьма, хотя и скрываетъ, но недоволенъ тѣмъ, что она оставляетъ его одного. И теперь, видя его непривычно разстроенное и осунувшееся лицо, она рѣшила, что онъ сердится на нее, и, виновато глядя, продолжала:

— На мѣсяцъ я уйду отъ васъ, а то, пожалуй, и болѣ... Не трудно вамъ будетъ безъ меня?

— Что же?...—равнодушно отвѣтилъ онъ.—Какъ-нибудь проживемъ.

— Знаю я,—говорила Ольга Семеновна,—что нехорошо мнѣ васъ оставлять. Но ничего я, Кузьма Дмитричъ, съ

собой подѣлать не могу. Нѣтъ во мнѣ покою, мучаетъ меня тоска...

— Тогда надо въ монастырь!—неожиданно рѣзко проговорилъ Кузьма, и когда Ольга Семеновна испуганно взглянула на него, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и быстро началъ снимать сапоги.

На слѣдующее утро, когда Григорьевна уже водворилась въ лавкѣ, Ольга Семеновна въ черной ряскѣ, подпоясанной ремнемъ, съ котомкой за плечами и палкой въ рукѣ, говорила ему:

— Прощайте, Кузьма Дмитричъ! Живите безъ меня хорошо!—и медленно поклонилась ему до земли.

— Прощайте, Ольга Семеновна!—сдержанно отвѣтилъ онъ.—Счастливаго вамъ пути.

Всякій разъ, уходя такъ, Ольга Семеновна прощалась съ Кузьмой навсегда. Кто знаетъ, не покараетъ ли ее Господь и не поразитъ ли смертью въ пути? Кто знаетъ, что можетъ случиться съ нимъ? Во всемъ воленъ Богъ и никому невѣдомы его пути! Но никогда еще такъ не ныло и не тосковало ея сердце, какъ въ этотъ разъ. Взглянувъ на дорогое и страшное для нея лицо, она съ тихимъ воплемъ прильнула къ его груди:

— Прощайте, Кузьма Дмитричъ,—и растроганный, въ мгновенномъ просвѣтлѣніи, онъ ясно понялъ, что все, что смутно бродило въ немъ за послѣдніе дни, не больше, какъ навожденіе, сонъ и что ничего изъ этого не можетъ быть:

— Прощайте, Ольга Семеновна. Дай Богъ вамъ счастливаго пути!

Еще разъ поклонившись до земли, она поспѣшно пошла, оглянулась въ послѣдній разъ, потомъ завернула за уголъ, и Кузьма остался одинъ.

Вечеромъ, стоя на посту, онъ не утерпѣлъ, подошелъ къ «Парижу», спустился по ступенькамъ и, крякнувъ,

отворилъ дверь. Очень ужъ его потянуло поговорить съ Филиппомъ Иванычемъ еще.

— Давно не бывали!—сказалъ, протягивая ему руку, тотъ и прибавилъ:—А я, признаться, даже ужъ посылать за вами хотѣлъ.

Наливъ ему пива, онъ облокотился о стойку и вполголоса проговорилъ:

— Помните, вѣдь, о чемъ мы съ вами говорили въ прошлый разъ? Такъ вотъ! Надо съ рѣшеніемъ поспѣшать. Объявился женихъ.

— Кто?—вскинулся тревожно Кузьма.

— Не болѣ, не менѣ, какъ экипажный мастеръ одинъ. На фабрикѣ работаетъ. Тоже молодой человѣкъ, обстоятельный и солидный. И занятіе кстати. Я, конечно, задержалъ, но надо рѣшать скорѣй.

— А она-то какъ? Вдова?—снова тревожно вырвалось у Кузьмы.

— Ну, гдѣ ему противъ васъ устоять!—сказалъ, усмѣхнувшись Филиппъ Иванычъ.—Вы мужчина—красавецъ, а онъ не особенно, чтобы такъ видный. Я вамъ откровенно скажу. Ходила она на васъ посмотрѣть, когда вы стояли на посту и оказалась очень влюблена. Такъ что безпокоиться нечего, но надо немедленно же рѣшать. Такъ что, если желаете, то я васъ сведу, окрутимъ васъ быстрымъ манеромъ и станете вы сразу богачемъ. Идетъ?

У Кузьмы подогнулись колѣни и, загудѣвъ, все поплыло кругомъ.

— Женщина только у меня...—тоскливо проговорилъ онъ.—Живу съ которой я...

— Къ чорту! Къ чорту!—энергично воскликнулъ Филиппъ Иванычъ—Полсотни, ну, сотню въ зубы, и будетъ съ нея. Нечего объ этомъ и хлопотать! Такъ завтра же я посылаю туда жену, а вы вечеромъ заверните ко мнѣ. Сведемъ васъ, сговоримся и съ Богомъ. Честнымъ пиркомъ,

да за свадебку, начинайте жить, поживать, да добро наживать, ха-ха-ха!..

Кузьма вышелъ изъ «Парижа», какъ ошалѣлый. Въ головѣ у него все вертѣлось колесомъ. Онъ зашелъ просто такъ, еще разъ потолковать и не могъ теперь опомниться, какъ это случилось, что онъ сразу и окончательно все порѣшилъ. Когда онъ дошелъ до угла, испуганный голосъ закричалъ въ немъ:

— Да какъ же это возможно! Бѣги назадъ, скажи Филиппу Иванычу, что вышла ошибка, что никакъ этого нельзя!—и мысленно онъ побѣжалъ въ ресторанчикъ и началъ очень убѣдительно говорить. Но ноги его ровными шагами продолжали нести его къ тому мѣсту, гдѣ былъ его постъ. На посту онъ вспотѣлъ, какъ будто бы тащилъ на себѣ огромную тяжесть, потомъ вспомнилъ вдругъ Ольгу Семеновну, какъ она идетъ теперь, ничего не подозрѣвая, по большой дорогѣ, и имъ овладѣвалъ испугъ.

— Да какъ же такъ! Да что же такое? А она?

И вдова, и пятнадцать выѣздовъ показались такимъ дикимъ, безсмысленномъ дѣломъ, что, схватившись, онъ, дѣйствительно, зашагалъ къ «Парижу», но, не доходя полсотни шаговъ, сначала замедлилъ ходъ, а потомъ остановился и тихонько повернулъ назадъ. Ему стало стыдно и неожиданно почувствовавъ ненависть, онъ со злобой подумалъ:

— Тоже, богомолка! Дрянь!..—послѣ чего сразу ослабѣлъ, и его стало сильно клонить ко сну.

На слѣдующій день Филиппъ Иванычъ прислалъ сказать, чтобы вечеромъ онъ непремѣнно зашелъ: вдова будетъ у него пить чай. Нѣсколько разъ Кузьма готовъ былъ послать отвѣтъ, что ему никакъ невозможно прійти, и опять его удержалъ только стыдъ.

Онъ почти не разглядѣлъ вдовы и какъ сѣлъ, такъ и просидѣлъ весь вечеръ, налившись кровью, и ни слова не

говоря. Черезъ день онъ былъ съ Филиппомъ Иванычемъ у нея, въ ея квартирѣ съ низкими потолками, пилъ рябиновку и пиво, видѣлъ трехъ ея дѣтей и хотя вставлялъ уже солидныя замѣчанія въ разговоръ, но ему казалось, что это говоритъ не онъ. И все время въ немъ, притаившись, сидѣлъ испугъ. Онъ самъ не вѣрилъ тому, что начиналъ: это было только такъ и ничего изъ этого не могло произойти.

Но онъ еще разъ видѣлся со вдовой у Филиппа Иваныча, потомъ опять былъ у нея и осмотрѣлъ всѣ экипажи и всѣхъ лошадей. Дня черезъ два опять сошлись у Филиппа Иваныча и незамѣтно вышло такъ, что они со вдовой остались вдвоемъ. А еще черезъ недѣлю онъ сидѣлъ, весь въ поту и, самъ себѣ изумляясь, говорилъ:

— Конечно, Настасья Петровна, такъ какъ человѣку одному быть не хорошо и всякому надо принять законъ. А какъ вы для меня очень пріятная дама и какъ Филиппъ Иванычъ мнѣ говорили, что если я вамъ не противенъ, а вы будучи особой молодой, то вотъ...

Выйдя изъ сосѣдней комнаты, Филиппъ Иванычъ посылалъ за шипучимъ и весело кричалъ ура; его жена, кивая головой, умиленно повторяла:

— Ну, и слава Богу! Законъ, да любовь!

Вдова улыбалась жеманно, а Кузьма сидѣлъ и ничего не понималъ.

Ночью, когда онъ лежалъ на своей одинокой постели, слушая, какъ Григорьевна посвистывала носомъ въ лавкѣ, на полу, притаившійся все время гдѣ-то въ глубинѣ испугъ, выскочилъ сразу и ударилъ ему въ голову такъ, что его подкинуло вверхъ.

— Да какъ же такъ? А Ольга Семеновна? Вѣдь два года прожилъ съ ней, какъ съ женой и вдругъ такъ, воровски!..

Онъ подумалъ, что же будетъ, когда черезъ мѣсяцъ она вернется домой, и кровать поплыла, какъ на волнахъ.

Ольга Семеновна встала передъ нимъ и, не отрываясь, смотрѣла ему въ глаза. Было невозможно лежать. Испугъ ударялъ все сильнѣе, страшныя мысли все кружились въ головѣ. Выйдя босикомъ на дворъ, Кузьма до разсвѣта просидѣлъ на крыльцѣ и, еле дождавшись утра, побѣжалъ къ Филиппу Иванычу съ твердымъ рѣшеніемъ отказаться отъ всего. Но, когда подходилъ къ крыльцу, вспомнилъ про пятнадцать выѣздовъ, про доходы, про лошадей и въ невыносимой тоскѣ повернулъ назадъ.

IX.

Очищенная и обновленная, полная воспоминаній о торжественныхъ службахъ, о колокольномъ звонѣ, о мерцаніи огоньковъ въ густомъ мракѣ пещеръ, возвращалась Ольга Семеновна домой въ толпѣ богомолокъ, распѣвающихъ псалмы. Но чѣмъ дальше шла она, то по зеленѣющей ржи, надъ которой заливались жаворонки, то по тѣнистымъ перелѣскамъ со свѣжей травой, въ которой стрекотали кузнечики, то по усаженной столѣтними ветлами большой дорогѣ, тѣмъ сильнѣе росла въ ней жажда увидѣть скорѣе Кузьму.

Черезъ недѣлю она не выдержала и сѣла на поѣздъ, а подъѣзжая къ Петербургу, она горѣла отъ нетерпѣнія и не думала больше ни о чемъ. Съ неудержимой силой Кузьма снова ворвался въ ея душу и вытѣснилъ оттуда все. Вѣдь цѣлыхъ два мѣсяца она не знала о немъ ничего! Что съ нимъ, какъ онъ живетъ, скучаетъ ли о ней, какъ кормила и смотрѣла за нимъ Григорьевна, гдѣ онъ сейчасъ, дома, или на посту?

Она сѣла у вокзала на трамвай, доѣхала до остановки, побѣжала оттуда пѣшкомъ и завернула на всякій случай къ мѣсту, гдѣ былъ его постъ.

Тамъ стоялъ другой. Сердце то замирало, то шумно стучало у ней въ груди, когда, въ своемъ переулкѣ, она быстро подходила къ крыльцу, надъ которымъ знакомо покривился желѣзный навѣсъ.

На задребезжавшій звонокъ появилась за прилавкомъ суетливая Григорьевна, всплеснула руками и, всхлипывая кинулась ее цѣловать.

— Вотъ радость-то! Ой, матушки... Слава тебѣ, Господи! Истосковалась-то я какъ! И не чаяла ужъ, что и дождусь. Думала одна здѣсь помру.

— Григорьевна,—торопливо спрашивала Ольга Семеновна.—А гдѣ Кузьма Дмитричъ? Ушелъ куда? На посту его нѣтъ, забѣгала я туда. Развѣ откомандированъ куда?

— Кузьма-то?—залившись слезами, отвѣтила Григорьевна.—Да развѣ не знаешь ты, Оленька? У себя онъ, Кузьма-то. Какъ ушелъ, такъ и не приходилъ болѣ сюда. Такъ и бросилъ меня, глупую старуху, одну. Мнѣ, говоритъ, что? Сиди пока, вотъ Ольга придетъ, ей все и передашь. Это про лавочку-то. Такъ вотъ и сижу одинешенька одна. Измаялась я, голубушка Оля, совсѣмъ, думала ужъ и не дождусь тебя.

— Да куда онъ ушелъ-то?—ничего не понимая, спрашивала Ольга Семеновна.

— Да развѣ не знаешь ты?—изумилась Григорьевна. —А онъ сказалъ: она, молъ, ужъ извѣстна обо всемъ, мы такъ и уговорились съ ней—она, молъ, уйдетъ, а я женюсь. Еще удивилась я шибко тогда.

— Что?—не своимъ голосомъ крикнула Ольга Семеновна.—Какъ? Да гдѣ же онъ теперь?

— Да у себя, на Грязной улицѣ. Тамъ онъ, Олюшка, матушка, тамъ. У своей у вдовы, на которой женился-то онъ. Богатая, говорятъ, вдова, что экипажевъ и лошадей, цѣлое заведеніе у ней. Хорошо, говорятъ живетъ.

— Да когда?—крикнула Ольга Семеновна.—Когда женился-то онъ?

—Да вотъ ужъ, милая, недѣли двѣ. И свадьбу тихомолкомъ сыграли, воровски. Думала, хоть меня-то, старуху, позоветъ, да не захотѣлъ, не позвалъ. А была я все-таки въ церкви-то, голубушка Оля—у Преображенья на Кирпичномъ вѣнчанье-то было,—такъ узнала я, когда вѣнчаются-то они, лавочку-то закрыла и побѣгла посмотрѣть.

— На комъ?

— На вдовѣ, говорю, на вдовѣ, чтой-то, аль не слышишь? Извозчиковъ послѣ мужа она держитъ. Богатая вдова! А поглядѣла я, милая, на нее, такъ старая вдова-то, некрасивая, вся точно отекши, и отъ перваго-то мужа трое дѣтей...

Всплеснувъ руками, Ольга Семеновна сѣла на постель.

— Вотъ какой нонѣ народъ пошелъ,—подперевъ рукой подбородокъ, говорила, стоя передъ ней Григорьевна.—Хоть родственникъ онъ мнѣ, Кузьма-то, а прямо скажу, не хорошо онъ поступилъ. Хоть и не по закону вы жили, а такъ, да мало ли, какъ народъ нонѣ жить сталъ! А уважала ты его во всемъ и была ему всегда, какъ настоящая жена. И такъ и говорю я ему:—Ой, молъ, не вѣрю я тебѣ, Кузьма! Непонятно что-то мнѣ. Неладно ты что-то затѣялъ. А онъ говоритъ:—Мы, говоритъ, такъ и порѣшили съ ней. Пожили и будетъ. Она, молъ, все больше по богомольямъ и супружеской жизнью мало интересуется—душу спасать хочетъ, для Бога жить, а я, молъ, хочу пожить для себя. Не вѣкъ же мнѣ на углу городовымъ стоять. Самоварчикъ-то поставить, Оленька, милая? Будешь чай пить?

— Да гдѣ онъ живетъ?

— Да на Грязной же, говорю тебѣ, улицѣ, домъ номеръ три, прямо супротивъ трактира, и во дворѣ полно экипажевъ и желоба. Сразу узнаешь. Да ты, голубушка

Оля, куда? Аль къ нему? А я самоваръ ставить собралась...

Не переодѣвшись, въ той же черной ряскѣ, въ которой пришла, Ольга Семеновна выбѣжала на улицу. Она ничего не могла понять. Ей надо было повидать Кузьму. Во что бы то ни стало, повидать, чтобы спросить, узнать, правда ли все, что разсказала Григорьевна? И хотя она видѣла уже, что, должно быть, правда, но все-таки была какая-то надежда, что, можетъ быть, это не такъ, что старуха перепутала, что вышла ошибка.

Она бѣжала сначала пѣшкомъ, но это было слишкомъ медленно и слишкомъ далеко. Она наняла извозчика, доѣхала до Грязной улицы, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись пустыри и увидѣла издали длинный, съ открытыми окнами трактиръ, а напротивъ него деревянный домъ, длинный заборъ, раскрытыя ворота и въ глубинѣ двора, у сарая, много экипажей и людей.

— Кузьма Дмитричъ Гладковъ здѣсь живетъ?—спросила она на дворѣ безусаго парня, который усердно мылъ дрожки.

— Здѣсь,—не поднимая головы, отозвался тотъ.

— А гдѣ бы его повидать?

Оглянувшись назадъ, парень показалъ на кучку людей у сарая:

— Вонъ тамъ, видишь, сѣдоватенькій стоитъ. Такъ спросите у него.

Ольга Семеновна побѣжала туда и не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу ей изъ-за угла дома вышелъ самъ Кузьма. Одѣтый въ пиджакъ съ чесучевой рубахой и высокіе, лакированные сапоги, съ англійскимъ картузомъ на головѣ, онъ не торопливо шелъ прямо на Ольгу Семеновну отъ крыльца.

— Кузьма! — крикнула Ольга Семеновна, и онъ остановился, точно передъ нимъ разверзлась земля. Жалкій испугъ появился на его важномъ лицѣ. Онъ растерянно

засовался по сторонамъ и, втянувъ въ плечи голову, трусливо побѣжалъ назадъ.

— Кузьма!—отчаянно воскликнула Ольга Семеновна и кинулась за нимъ. Она вскочила въ полутемныя сѣни, увидѣла мелькавшіе вверху лѣстницы лакированные сапоги, взбѣжала за нимъ и распахнула первую дверь.

— Чего надо?—крикнула рыхлая, съ сѣрымъ лицомъ женщина, жарившая что-то на шипящей плитѣ, и Ольга Семеновна сразу поняла, что это и есть его жена.

— Гдѣ Кузьма?—внѣ себя крикнула она и, оттолкнувъ женщину, бросилась въ слѣдующую дверь. Она увидѣла ставшее безобразнымъ отъ ненависти лицо, услышала визгливый голосъ, кричавшій ей:

— Вонъ! Сію же минуту вонъ изъ моего дома, паскуда, потаскуха, дрянь!—и затѣмъ мгновенно произошло то, чего Ольга Семеновна потомъ никогда не могла позабыть.

Съ нея сорвали платокъ, ее сбили съ ногъ, ее за волосы стащили по ступенямъ. Когда, не опомнившись еще, она лежала внизу, рыхлая женщина, снова сбѣжавъ, вылила ей на голову ведро помоевъ. Стегая ее кнутами, толпа извозчиковъ съ хохотомъ гнала ее по двору и растерянная, избитая, ничего не понимая, Ольга Семеновна бѣжала по улицѣ, пока не упала, выбившись изъ силъ.

Она такъ и осталась лежать внизъ лицомъ, около сложенныхъ у забора кирпичей, и лежала, ожидая, скоро ли придетъ и возьметъ ее смерть. Время отъ времени по пустынной улицѣ, треща по камнямъ мостовой, проѣзжали дрожки. Мимо Ольги Семеновны проходили шаги, иногда молча задерживались, иногда она слышала точно издалека звучащія слова:

— Ишь, стерва! Надрызгалась съ самого утра...

Закрывъ глаза она лежала, все крѣпче прижимая горячій лобъ къ влажной землѣ и только, когда кто-то сталъ

трясти ее за плечо и стариковскій голосъ, озабоченно шамкая, заговорилъ ей:

— Вставай, эй, вставай, тетка! Не ловко такъ лежать-то, не хорошо! Городовой увидитъ, въ участокъ отправитъ. Вставай. Можетъ, дойдешь какъ домой,—она поднялась и, не взглянувъ даже на присѣвшаго около нея старика, шатаясь, какъ настоящая пьяная, торопливо пошла впередъ.

Дѣйствительно, она была, какъ пьяная и ничего не могла сообразить. Ей чудилось иногда, что она еще въ Кіевѣ, что она бѣжитъ, чтобы поспѣть ко времени, когда монахи поведутъ богомольцевъ въ пещеры, и она видѣла, какъ сіяло солнце, искрились золоченые куполы и сверкалъ подъ горой Днѣпръ, по которому тянулся караванъ баржей. Она приходила потомъ въ себя, ее начинали душить безконечные дома по обѣимъ сторонамъ, и она чувствовала, что надо скорѣе попасть къ себѣ, чтобы ее не видѣлъ никто. Она останавливалась иногда, торопливо счищала прилипшіе капустные листья и картофельную шелуху, и время отъ времени точно острая молнія разрывала спутанную темноту. Она видѣла тогда снова Кузьму, растерянно бѣгущаго отъ нея, разъяренную рыхлую бабу, гогочущихъ извозчиковъ и, понявъ то, что произошло, вскрикивала отъ боли, кидалась на землю и прижималась къ ней лицомъ.

Но тѣснившіеся по сторонамъ дома, встрѣчные прохожіе и ломовики гнали ее дальше и, вскакивая, она бѣжала, пока обступившій ее городъ не началъ рѣдѣть, какъ рѣдѣетъ на опушкѣ лѣсъ. Все чаще тянулись огороженные заборами пустыри съ плакатами на высокихъ шестахъ, все рѣже были домики, амбары и склады досокъ и кирпича, потомъ широко блеснуло живое колыханье съ лѣвой стороны, и Ольга Семеновна повернула туда. Это была Нева.

Берегъ былъ загроможденъ грудами почернѣвшихъ

бревенъ и кучами ржавыхъ желѣзныхъ листовъ. На водѣ стояли старыя барки, дальше, наполовину на землѣ, наполовину на водѣ, вытянувшись, какъ издохшій морской звѣрь, лежалъ корпусъ старой желѣзной шкуны и бирюзовая зыбь мягко и мѣрно всплескивала на песокъ. По серединѣ рѣки бѣжали пароходики и тяжело дымилъ черный буксиръ, а на той сторонѣ, въ голубомъ дыму причудливыми изломами тянулись лѣсопильни, заводы и дома. Направо и налѣво синимъ кружевомъ повисли два моста. Было безлюдно и тихо, и только невдалекѣ, на бугоркѣ, два сторожа лежали на животахъ около чайника, кипящаго на огнѣ. И точно дождавшись наконецъ этого мѣста, гдѣ никто ей не мѣшалъ, Ольга Семеновна залилась слезами и начала рыдать.

Ломая руки, она съ громкимъ плачемъ бѣгала по берегу, напрасно вспоминая, что надо ей дѣлать, и когда одинъ изъ сторожей, лѣнивой развалкой подойдя къ ней, сказалъ:

— Проходи-ка, любезная, проходи, нечего тебѣ тутъ искать!—она схватилась и побѣжала дальше.

Передъ ней вытягивался, перекидываясь смѣлымъ взмахомъ черезъ рѣку, мостъ. Добѣжавъ до него, Ольга Семеновна поняла что-то, пошла быстро по правой сторонѣ, заглядывая внизъ на зыблющееся серебро и на серединѣ, около башни, вспомнивъ снова, какъ бѣжалъ отъ нея Кузьма, отчаянно вскрикнула, полѣзла черезъ рѣшетку и бросилась внизъ.

Она увидѣла огромный колышущійся блескъ и въ ея глазахъ, опрокидываясь, мелькнула глубокая, съ плывущими барашками синева. Съ гулкимъ ударомъ ее захлестнула темнота, и она пришла въ себя только въ лодкѣ, которая, подрагивая отъ скрипучихъ ударовъ, куда-то быстро ее везла.

X

Утромъ на слѣдующій день, Ольга Семеновна пошла домой. Она смутно помнила прошедшее, точно все, что случилось, было не съ ней, а съ кѣмъ-то другимъ. Она чувствовала, что вмѣсто души у ней была черная яма, въ которой безобразно болтались разорванные клочья, что было тамъ одно мѣсто, которое временами палило нестерпимымъ огнемъ и временами, раздвигая клочья, высовывалось что-то, отъ чего ей хотѣлось хрипло рычать.

Григорьевна всплеснула руками, когда она вошла въ лавку и, заплакавъ, принялась вытирать фартукомъ покраснѣвшій носикъ и слезящіеся глаза, но Ольга Семеновна, не сказавъ ни слова, прошла въ комнату и легла на кровать, съ головой завернувшись въ темный платокъ. Было какъ разъ лучше всего вотъ именно такъ, ничего не видѣть и не слышать и дышать въ жаркой темнотѣ.

Дребезжалъ звонокъ въ лавкѣ, разные голоса спрашивали хлѣба, сахару, чаю, огурцовъ. Григорьевна плакала и причитала, отпуская товаръ, потомъ подходила, стояла надъ ней, подперевъ щеку, спрашивала жалобнымъ голосомъ, не поставить ли самоваръ, и Ольга Семеновна не открывая головы, отвѣчала ей:

— Григорьевна, ради Христа, не приставай. Отстань.

Она пролежала такъ нѣсколько часовъ, не отрывая внутреннихъ глазъ отъ истерзанныхъ клочьевъ души, и капля за каплей въ ней что-то просачивалось и скоплялось, какъ вода въ ямкѣ сырого песку. И когда скопилось достаточно, ее точно встряхнуло всю, и такъ ярка и жгуча была пронизавшая ее мысль, что, вскочивъ, она сѣла на кровать и крикнула:

— И даже не пожалѣлъ!..

Точно сорвавъ плотину, мысли закрутились въ головѣ, обжигая, какъ кипятокъ. Только теперь она осмыслила

все, что произошло, и только теперь почувствовала настоящую боль. Вспомнила, что сдѣлалъ съ ней раньше Кузьма, какъ перевернулъ всю ея жизнь; видѣла, какъ подло бросилъ ее теперь, старалась понять, какъ могъ онъ такъ поступить, и голова ея отказывалась понять. И въ то же время, какъ живой, онъ стоялъ передъ ней, она видѣла его глаза, слышала его голосъ, вспоминала все, что у нея было съ нимъ, и когда жгуче-ярко видѣла, какъ онъ цѣлуется съ женой, начинала рвать подушку и рычать.

Къ вечеру Ольга Семеновна устала, утихла и, къ радости Григорьевны, попросила поѣсть. Поѣвъ, снова легла и ее придавилъ, какъ чугунная доска, сонъ. Но какъ только проснулась, вчерашнее, какъ отдохнувшій звѣрь, начало еще сильнѣе бушевать. Но она уже не лежала больше, завернувшись въ платокъ. Вскрикивая отъ боли, она быстро металась по комнатѣ и по лавкѣ, прибирая и переставляя все, и что-то кипящее поднималось въ ней, заливало все выше, доходило до сердца, жгло у самаго горла и ударяло временами въ голову, такъ что мутился умъ.

Черезъ день это залило Ольгу Семеновну совсѣмъ. Она проснулась, подумала о томъ, какъ Кузьма, надругавшись надъ ней, цѣлуется теперь съ своей коровой-женой, крикнула дикимъ голосомъ и рванула подушку такъ, что изъ нея посыпались перья и пухъ.

Безъ платка, съ разбитыми косами и съ багровымъ лицомъ, она то сидѣла, качаясь, съ одной только мыслью, какъ они издѣваются теперь надъ ней, то падала на полъ и, выдирая волосы, начинала кататься, рыча и визжа. Помирая со страху, Григорьевна все время порывалась убѣжать, но Ольга Семеновна не пускала ее.

— Сиди!—кричала она ей.—Погоди! Не то еще будетъ!

Радуя и ужасая, все сильнѣе вступала въ нее страшная мысль и то отливала, какъ багровая волна, то, снова нахлынувъ, захлестывала ее съ головой.

— Григорьевна!—говорила она ей.—Зачѣмъ я не зарѣзала его? А, вѣдь, хотѣла зарѣзать! Ужъ и ножъ припасла!

— Господи, Батюшка! Царица Небесная! Троеручица пресвятая!—хныкая, крестилась старуха.—Оленька, голубушка, да что ты говоришь-то? Опомнись, помолись!

— Кому?—спрашивала со смѣхомъ Ольга Семеновна.— Кому помолиться-то? Я уже дьяволу душу отдала!

— Григорьевна, жжетъ меня!—кричала она потомъ.— Въ головѣ у меня печетъ. Ой, пропала я, бѣдная сирота! Ой, что я хочу сдѣлать-то!—стонала она, роняя голову на столъ, и, вскакивая, кричала Григорьевнѣ, у которой отъ страха отнимался языкъ.

— Душу погублю! Въ каторгу пойду, а выжгу ему глаза! И ему, и коровѣ его! Не дамъ надругаться надъ собой!

На четвертый день Ольга Семеновна не помнила ужъ больше ничего. Кутаясь въ платокъ, сидѣла она въ углу, гдѣ сидѣлъ всегда Кузьма, вскрикивала:

— Григорьевна! Оболью я его!—и какъ яркій языкъ пламени въ клубахъ дыма, видѣла только одно: какъ спокойно и важно проходилъ мимо нея Кузьма и съ нимъ рядомъ его корова-жена и она выскакиваетъ сбоку и кричитъ:

— А!.. Думалъ, такъ тебѣ это и пройдетъ!..

Она хрипло хохотала, представляя, какъ будетъ ревѣть и кататься Кузьма, какъ она погонится потомъ за его толстой женой, и слышала ясно, какъ сзади нея кто-то начиналъ тоже хохотать. Она знала кто. Бѣсъ веселился, что завладѣлъ ею совсѣмъ. Скаля собачьи зубы, онъ ужъ вытягивалъ желѣзные когти, но Ольга Семеновна только радовалась этому:

— Пусть! Съ дьяволомъ еще веселѣй!

Выскользнувъ незамѣтно на улицу, она пошла въ

складъ, гдѣ забирала товаръ и, хитро притворившись, безъ труда добыла себѣ кислоты. Спрятавъ пузырекъ за кіотомъ, она нѣсколько разъ вынимала и любовалась имъ, ночью держала его подъ подушкой, и утромъ, когда Григорьевна сидѣла въ лавкѣ, вышла дворомъ и побѣжала на Грязную улицу, думая только одно:

— Какъ?

На дворъ она ни за что бы не пошла. Ждать у воротъ, пока Кузьма выйдетъ, было бы слишкомъ замѣтно. На углу? Такъ когда же онъ тамъ пройдетъ? Тутъ только Ольга Семеновна увидала, что это не такъ просто и легко.

Осторожно она прошла по всей улицѣ. Прохожихъ было совсѣмъ мало; было бы тоже замѣтно, если бы она стала ходить. Заглянувъ съ противоположнаго тротуара во дворъ, она увидѣла тамъ дрожки, колоды, извозчиковъ, лошадей и неподалеку, саженяхъ въ тридцати отъ воротъ, около деревяннаго забора, сложенные въ нѣсколько рядовъ штабели кирпича. Около нихъ она лежала, когда ее кнутами выгнали со двора. Вернувшись къ углу, она постояла тамъ, снова прошлась, озираясь, назадъ, и поняла, что спрятаться можно только въ этихъ кирпичахъ.

Она зашла къ нимъ сзади, забралась по узкому проходу въ середину и встала, не спуская глазъ съ воротъ. Она видѣла, какъ въ ворота вбѣгали бродячія собаки и съ визгомъ выбѣгали оттуда. Нѣсколько разъ изъ воротъ выѣзжали извозчики и рысцой направлялись въ городъ. Вышла женщина, должно быть, кухарка и пошла черезъ улицу,—Ольга Семеновна не могла видѣть—куда. Вышелъ сѣдоватый старичокъ въ картузѣ, постоялъ около воротъ и тоже прошелъ. Черезъ полчаса, разговаривая, оба вернулись назадъ. Часа черезъ два въѣхали дрожки, сильно накренившись на одинъ бокъ: должно-быть, поломались во время ѣзды. Ольга Семеновна стояла, прижавшись къ холоднымъ кирпичамъ.

По кирпичамъ, чирикая, прыгали воробьи, и съ шумомъ спархивали на бузину за заборомъ, потому что временами, поглядывая зелеными глазами вверхъ, мимо Ольги Семеновны осторожно прокрадывалась кошка. Ольга Семеновна стояла, не сводя глазъ съ воротъ и чувствуя за пазухой шевелящійся отъ дыханья пузырекъ, шептала:

— Выйдешь!.. Дождусь!..

Надъ головой у ней синѣла яркое небо—день былъ солнечный—съ пухлыми облаками, которыя иногда собирались, закрывая солнце, но скоро опять расходились и начинали плавать по синевѣ. Ольга Семеновна взглядывала на солнце и на небо, и съ изумленіемъ думала:

— Кто же это стоитъ? Неужели я?

У ней затекли ноги, она устала, присѣла, скорчившись, на землю и закрыла глаза. Загудѣвъ, въ багровомъ облакѣ вихремъ посыпались искры и, качнувшись, все побѣжало внизъ. Съ недоумѣніемъ она оглядѣлась кругомъ и сейчасъ же точно кто-то тряхнулъ ее за плечо. Въ воротахъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы, Кузьма. Вскочивъ, Ольга Семеновна заметалась, вытаскивая изъ-за пазухи завалившійся пузырекъ, и, точно почувствовавъ что-то, Кузьма повернулъ глаза и, не торопясь, направился къ кирпичамъ.

Она видѣла, какъ онъ приближался, слышала, когда онъ скрылся, его шаги, слышала, какъ онъ подходилъ все ближе, постукивая пальцами по звонкимъ кирпичамъ. Онъ стучалъ уже совсѣмъ близко отъ нея, она слышала, какъ онъ знакомо, посапывая носомъ, дышалъ, и среди оглушительнаго гула и рева бѣсъ съ хохотомъ кричалъ:

— Ну, ну! Выскочи и плесни!—но, окаменѣвъ, она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Она слышала, какъ дойдя до забора, Кузьма остановился, постоялъ и такъ же, не спѣша, двинулся назадъ.

— Догоняй! Догоняй!—громко кричалъ ей бѣсъ. Въ за-

крутившемся вихрѣ Ольга Семеновна рванулась впередъ, но сейчасъ же, уронивъ пузырекъ, стала по узкому проходу продираться назадъ, и, выбравшись на волю, пустилась безъ оглядки бѣжать.

— Григорьевна!—крикнула она дома.—Богъ меня спасъ!—и, упавъ на постель, стала рыдать. Точно разорвалось черное облако, закрывавшее все и она ужаснулась, понявъ, что хотѣла сдѣлать. Ужасаясь и плача, она весь день просидѣла въ углу, закрывшись платкомъ. Вѣдь все это время, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышла она изъ вагона, ни разу она не вспомнила Бога, и дьяволъ все время владѣлъ ея душой!

Ночью, въ темнотѣ, кровавыя мысли снова, какъ густыя тучи, наплыли на измученную душу. Но утромъ, когда на трубахъ противоположнаго флигеля розовой лаской заиграли первые лучи, въ ней поднялся страстный порывъ:

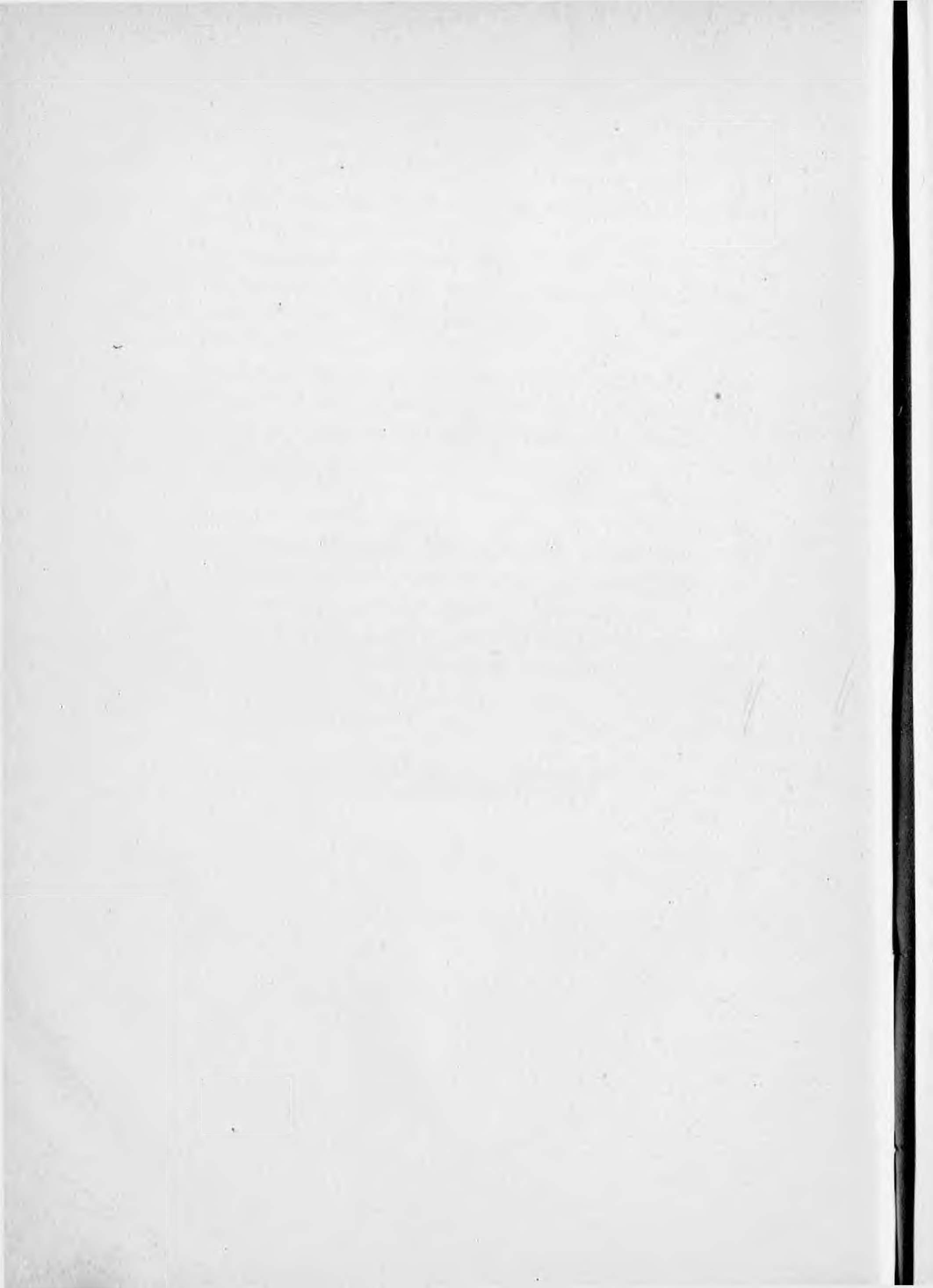
— Бѣжать! Какъ можно скорѣе бѣжать!

Солнечной мечтой зазвучали воспоминанія о Кіевѣ, о пещерахъ, о колокольномъ звонѣ, о широкомъ Днѣпрѣ. Какъ на свѣжій воздухъ послѣ страшной ночи, ее неудержимо потянуло туда, и она сейчасъ же стала собираться въ путь.

Г. Яблочковъ.

К. ТРЕНЕВЪ

Мокрая балка

I.

Арба съ сѣномъ въѣзжала въ ворота Качкинаго двора, а работникъ Хома лежалъ на верху арбы, протянувшись во весь громадный ростъ, свѣсивъ голову внизъ, и тихо пѣлъ:

Мамаша сплять,
Свѣча сгорѣта,
Я у окошечка сидю.

Дѣдъ Качка бѣжалъ изъ глубины двора навстрѣчу, съ граблями въ рукахъ, и сипло кричалъ:

— Слазь съ гарбы, бо зачѣпишься! Лодыряка!

Хома сѣлъ на возу, глянулъ внизъ и нехотя отвѣтилъ:

— Кто тамъ зачѣпится!.. Цобе, цобе!..

— Бери мерщiй за налыгачъ! Гаспидъ!

Арба застряла въ воротахъ. Хома, не слѣзая, крикнулъ:

— Цобъ!

Волы рванули, арба затрещала и сѣла на переднюю ось.

— Ну, не скаженая жъ ты собака!—хрипло завизжалъ дѣдъ Качка.—Люшню поломалъ!..

— Зробили ворота штанями закрыть!—сердито ворчалъ Хома, подставляя подъ арбу громадныя плечи.—Тутъ хоть

самъ анхирей, такъ и то зачѣпится! Какъ бы сдѣлали ворота, какъ у пана Яловацкаго на Деркунѣ...

— Да я тебѣ, пройдисвѣту, голову развалю, какъ ты мнѣ каждый день струментъ ломаешь!

Хома, ворча, какъ медвѣдь, сталъ освобождать поломанную арбу, а дѣдъ, тощій, согнутый въ поясницѣ, метался вокругъ, охрипнувъ отъ крику, оскаливъ зубы, брызгаясь слюной.

Подъѣхалъ на другой арбѣ старшій сынъ Тихонъ, услышалъ брань—рябое лицо его стало печально. Подошелъ къ отцу, снялъ большой соломенный бриль съ оторванными краями и поклонился такъ низко, что черные съ просѣдью волосы, длинные какъ у монаха, закрыли глаза.

— Простите его, тату, ради Христа... Не гнѣвайтеся... Братъ Хома, аще обидѣлъ стараго человѣка, попроси прощенія со смиреніемъ...

Хома лѣниво смѣрилъ Качку съ ногъ до головы и сказалъ:

— Еще хуже жабой въ очи запрыгаетъ...

— Ахъ, братъ Хома,—сказалъ Тихонъ, подставляя спину подъ арбу,—побѣждай бѣса гордыни...

— Тоже, справа называется!—усмѣхнулся Хома, посмотрѣвъ на сломанную люшню съ тѣмъ же презрѣніемъ, что и на дѣда.—Вотъ у пана Яловацкаго, ну, это, вѣрно справа! Тамъ, братъ, вся чисто на желѣзномъ ходу. Оккуратность!

— Да что ты, идолова худоба, съ паномъ носишься!—подскочилъ дѣдъ.—Что ты все панькаешься!

На той сторонѣ балки степь утопала въ золотой пыли отъ заходящаго солнца, и красная круча бросила тѣнь на прудъ, на вербы и на огороды внизу.

— Тату,—сказалъ Тихонъ,—въ Писаніи жъ сказано: «да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ».

Но дѣдъ продолжалъ ругаться, пока не подъѣхалъ на другой арбѣ младшій сынъ, Серега, и не сказалъ коротко и спокойно:

— Го́ди!

Дѣдъ и Хома сразу замолчали. Стали всѣ освобождать застрявшую въ воротахъ арбу.

Показались на выгонѣ коровы, а съ другого конца улицы ревѣли телята, по всему хутору вспыхнула бабья тревога. Женскіе крики смѣшались съ ревомъ телятъ и коровъ. Качкины невѣстки несли съ огородовъ на коромыслахъ полотно. Заслышавъ тревогу, бросили полотно на току и побѣжали за ворота. Старшая, Одарка, какъ утка переваливаясь на бедрахъ, спѣшила навстрѣчу коровамъ, а младшая, Ганна, стройно и легко бѣжала наперерѣзъ телятамъ.

Черезъ пять минутъ тревога упала, и слышны были въ темнотѣ дворовъ только спокойные окрики на телятъ да запахъ парного молока, смѣшанный со свѣжимъ сѣномъ.

Хуторъ тянулся вдоль оврага и назывался Мокрая Балка. Было въ степи выше Мокрой Балки еще двѣ: Сухая, въ которой не было ни рѣчки, ни плесовъ, а прудъ высыхалъ къ срединѣ лѣта, и еще Куцая Балка, коротенькая, закрытая рыжими обрывами.

Гдѣ-то, верстахъ въ двадцати къ югу, Мокрая Балка впадала въ степную рѣчку, и тамъ, по рѣчкѣ, уже начинались казачьи хутора и станицы съ вишневыми садами. А здѣсь—на далекое разстояніе кругомъ балки—голая холмистая степь, да въ трехъ верстахъ отъ хутора курганъ—Красная Могила. Земля тутъ, вѣрно, красная и, если не пахать плугомъ, плохо родитъ. Въ вершинѣ кургана впадина: кто-то раскапывалъ его, но давно-давно, и впадина стала такой же цѣлиной, какъ и весь курганъ.

Весной, въ половодье, когда ставшія по обѣ стороны

балки горы снѣга трогались въ далекій путь, вода въ балкѣ весело играла, съ ревомъ разрывая плотины, обрушивая на себя нависшія съ кручъ снѣжныя громады, и, могучая отъ буйнаго весенняго восторга, катала и быстро уносила ихъ въ мутныхъ волнахъ. Но, отшумѣвъ три дня, убѣгали вешнія воды, умолкало журчаніе ручьевъ въ маленькихъ разбросанныхъ среди полей балочкахъ, а по слѣдамъ ихъ вырастали лопухи да щавель; и поля, подъ горячимъ дыханіемъ степного вѣтра, начинали свою лѣтнюю работу: укрывались зеленями, потомъ рядились въ колосъ, потомъ золотили колосъ на огнѣ южнаго солнца. А отъ вешнихъ водъ оставались только прудъ передъ хуторомъ да пониже—три плеса, окруженные коноплянниками, спрятанные въ вербахъ и сизозеленыхъ камышахъ. Плеса назывались: Малое, Среднее и Бездонное. Въ Маломъ и Среднемъ бабы мочили коноплю, къ Бездонному же никто близко не подходилъ: позапрошлымъ лѣтомъ по шпилю, что какъ разъ надъ Бездоннымъ плесомъ, бахчи были; спустился бахчевникъ, дѣдъ Говорюшко, отъ куреня къ плесу съ кувшиномъ и только было зачерпнулъ, а рядомъ, съ лѣвой руки, изъ воды—гулькъ... Ликъ длинный, бѣлый, какъ крейда. Сѣло на кладку и ногами въ водѣ хлюпощется...

— Господи Сусе...

А оно: ляпъ-ляпъ руками, а далѣ какъ зарегочетъ, да въ воду—булькъ... Только и видалъ!

По эту сторону балки жили хохлы изъ разныхъ губерній, а по ту—елецкіе. Приходомъ хохлы были въ Колодези, за восемнадцать верстъ, а елецкіе въ Калитву—за двадцать. Тѣмъ и другимъ нужно было ѣздить черезъ балки, и весною, какъ разъ въ постъ, добраться въ церковь нельзя. Поэтому многіе такъ и умирали, не говѣвши по нѣскольку лѣтъ. И стала хлопотать Мокрая Балка, вмѣстѣ съ Куцой и Сухой, чтобы разрѣшили свою церковь

выстроить. Три года не разрѣшали, потому что слишкомъ мало было собственниковъ, все больше арендаторы. Наконецъ, разрѣшили построить церковь на Мокрой Балкѣ, только потребовали семьдесятъ десятинъ земли въ обезпеченіе. Землю отрѣзали хохлы и елецкіе на Мокрой Балкѣ. А Сухая и Куцая и Криничкинъ хуторъ, сидѣвшіе на арендѣ да на скопщинѣ у большихъ и маленькихъ пановъ, обязались помогать деньгами.

У Качки было шестьдесятъ десятинъ собственной земли, да арендовалъ за курганомъ пятьдесятъ, и выходило такъ, что подъ церковь надо пожертвовать пять десятинъ.

Но когда узналъ объ этомъ Серега, онъ сверкнулъ маленькими черными глазами и сказалъ:

— Цего не будетъ! Земля такая, что ѣсть ее хочется, а тутъ рѣжь пять десятинъ!.. Не дамъ.

— Братуха!—всплеснулъ руками Тихонъ:—не гнѣви Царя Небеснаго! Всѣ мы—земля и въ землю пойдемъ. Невже жъ ты домъ Божій на пять десятинъ промѣняешь! Дѣдъ сердито крякнулъ и сказалъ:

— У Бога и безъ нашей земли церкóвъ богато.

— Тату,—сказалъ Тихонъ:—всѣ подъ Богомъ ходимъ! А вамъ седьмой десятокъ... Не дай же, Господи, да безъ покаянія! Тогда и на своей землѣ не сразу заховаютъ!

Дѣдъ испугался и подписалъ четыре десятины.

II.

Вставалъ лѣтній праздничный день. Въ хатахъ варили праздничные обѣды—борщи съ курицей, молочныя каши, и тянулся по балкѣ синій кизячный дымъ. Внизу по левадѣ и огородамъ, въ тѣни отъ хатъ и сараевъ еще лежала роса. А на заставленой возами и бричками площади подлѣ

лавки уже припекало іюньское солнце. Лавка помѣщалась въ маленькой деревянной коморѣ, приподнятой на камняхъ; но товару всякаго—и краснаго, и бакалейнаго—было въ ней достаточно; только водкой, конечно, нельзя было торговать. Лавочникъ былъ солдатъ съ Передериныхъ хуторовъ, Кузьма Охрименко. Изъ уваженія мужики звали его—Кузя Федотовичъ. Въ тѣни еще неокрашенной церкви было бурное собраніе прихожанъ: еще въ прошлое воскресеніе нужно было, согласно договору, заплатить рядчику тысячу рублей, а ихъ и двухсотъ не собрали. А все Куцая балка и Криничкн виной: не внесли условленной суммы. Мокрая и Сухая балки,—хохлы и елецкіе—бранили ихъ и требовали деньги. А денегъ не было, потому что купцы, въ виду неурожая, подъ хлѣбъ впередъ не даютъ, а хлѣбъ еще въ полѣ стоитъ. Да и снимешь его,—продавать все равно нечего.

— Значитъ, такъ? Нашармака?—сипѣлъ, какъ селезень, дѣдъ Качка, оскаливъ зубы,—Мы и землю вырѣжь, да мы жъ и гроши плати!

— На то жъ вы вишняки!—кричала Куцая балка,—а мы—сегодня тутъ, а завтра, гдѣ Богъ дастъ.

— Голота идолова!

— Ну, снимай съ насъ послѣдніе штанци! На!—подскочилъ къ нему, дергая себя за штанину, маленькій Оврамъ Крикунъ съ Куцой балки.—На! снимай, когда ты такой богатырщикъ!

— Господа старички!—внушительно взывалъ сотскій Нетипа,—прошу васъ безпрекословно: не бунтуйтеся и не клементуйтеся! А то господинъ засѣдатель сходящую пришлетъ!

Дѣдъ Качка ушелъ со схода и до вечера ходилъ по двору и сипѣлъ:

— Имъ, голодранцямъ, съ длинной рукой подъ церквою стоять, а они туда жъ: церкву строить!.. Съ старцями свяжешься, и самъ старцювать пойдешь!

— А оно дуже нужно было класть шею въ чужое ярмо!— хмуро сказалъ Серега, заплетая оброть.—Какъ четыре десятины земли отрѣзали, такъ лучше бъ я каждый праздникъ пѣшкомъ въ обѣ церкви ходилъ...

Когда солнце поднялось въ уровень съ церковными крестами, вокругъ лавки Кузи Федотовича на сожженой пожелтѣвшей травѣ валялись пьяные мужики изъ всѣхъ балокъ. А мирошникъ Левко Ивановичъ лѣзъ на колѣняхъ отъ лавки черезъ площадь къ церкви и кричалъ:

— Жертвую на святой колоколъ пять четвертей пшеничной муки первый сортъ! Запишите, кто грамотный!

Солнце стояло уже низко надъ балкой, а на восточной сторонѣ горизонта мягко синѣла далекая туча и незамѣтно слилась бы съ густой синевой неба, если бы не опоясалась отрѣзкомъ радуги. Тѣнь отъ церкви легла черезъ площадь, доставъ до зеленой пшеницы, что стелется рядомъ съ выгономъ. Въ пшеницѣ билъ перепелъ, а съ выгона, отъ Левковаго вѣтряка, неслись пѣсни парубковъ и дивчатъ. У Бадаевой землянки, поросшей на крышѣ молочаемъ и сурѣпой, мужики и бабы праздничной толпой заслушались разсказовъ Бадая: съ семью малолѣтними дѣтьми онъ объѣздилъ въ крытой рогожей бричкѣ всю Россію—отъ Бессарабіи до Амура—все искалъ лучшей жизни. Самъ Бадай сухощавъ, немного сутоловатъ въ широкихъ плечахъ; черты лица тонкія, смуглыя, по груди окладистая черная, какъ вороново крыло, борода. О своихъ мытарствахъ, о томъ, какъ живутъ люди въ разныхъ губерніяхъ и городахъ, Бадай разсказываетъ такъ интересно, что по праздникамъ возлѣ его хаты всегда толпа.

Сотскій Нетипа тоже любилъ, чтобы его слушали, и все порывался разсказать о томъ, какъ въ прошломъ году, по случаю скотской чумы, онъ вмѣстѣ съ засѣдателемъ обыскивалъ хутора и палилъ чумныя кожи:

— На Передериномъ хуторѣ издохло безпрекословно

восемь процентовъ коровъ. Такъ что изъ девяти головъ остался только одинъ процентъ, да и тотъ безъ теленка. И вотъ, засѣдатель присылаетъ мнѣ сходящую бумагу...

Но разсказы Бадая льются вольной и неудержимой рѣкой, захватившей и дѣтей и стариковъ. Нетипу никто не сталъ слушать.

Обиженный невниманіемъ, онъ сталъ, закинувъ одну ногу за другую, и расчесывая пальцами наполовину вырванную бороду. Съ ядовитой торжественностью въ запуганно-бѣгающихъ глазахъ, спросилъ Бадая, стараясь говорить по-русски:

— Однажды когда ты такой безпрекословно вумной, то почему жъ ты семь годовъ не говѣлъ?

— Я, братуха, що дня съ семьей говѣю,—отвѣчалъ Бадай.—У Бога каждый день праздникъ, а у Бадая каждый день постъ. Въ четвертомъ годѣ, какъ зазимовалъ я въ оренбургскомъ степу съ однимъ мѣшкомъ муки, къ Рождеству двое дѣтокъ съ голодухи и помри... Схоронилъ я ихъ въ снѣгу. Жинка голоситъ да до снѣгу припадаетъ, какъ та чайка при битой дорогѣ, а я говорю: разговляйтесь же, дѣтки, тамъ—у Бога за столомъ, а мы тутъ—обождемъ.

Вечерѣло. Солнце уже ушло изъ балки за красную кручу и блестѣло только на церковныхъ крестахъ. Одарка въ красномъ очипкѣ, въ праздничной, вышитой сорочкѣ, подтыкавъ на бедрахъ юбку, такъ что видны полныя икры, поливала огородъ. Воду брала въ вербахъ, изъ криницы, гдѣ на травѣ лежалъ Шейкинъ солдатъ. Говорилъ онъ что-то смѣшное и несуразное, и Одарка тихо смѣялась, показывая блестящіе зубы и ямочку на толстомъ подбородкѣ, и воровато косилась на хату узкими, смѣющимися глазами.

А въ хатѣ баба Палочка, тоненькая, прозрачная, только кожей обтянута, разсказывала Тихону и Ганнѣ о кіев-

скихъ печерахъ, куда она ходила семнадцать разъ, о Почаевѣ и лубенскомъ Аѳанасіи Сидящемъ. И Тихонъ, слушая, плакалъ отъ умиленія и скорби, что сѣдѣетъ уже голова, а онъ еще не сподобился побывать ни у печерскихъ угодниковъ, ни у Сидящаго Аѳанасія: не пускаютъ батько съ Серегой... Потомъ раскрывалъ псалмы и начиналъ пѣть тихимъ жалобнымъ теноромъ, а баба Палочка и Ганна подпѣвали:

Съ другомъ я вчера сидѣлъ,
Нынѣ смерти зрю предѣлъ...
Ой горе жъ, горе мнѣ великое!
Плоть мою во гробъ кладутъ,
Душу же на судъ ведутъ...
Ой горе, горе жъ мнѣ великое!

Слышно было, какъ на дворѣ дѣдъ спорилъ съ зятемъ, сапожникомъ Василемъ, который жилъ въ Колодезяхъ и по праздникамъ приходилъ считаться съ тестемъ:

— Богатый тесть называется!—говорилъ Василь.—А за дочкой яловую корову да беззубую кобылу далъ! Приданое называется!

— Да ты жъ, розбышака!—сипѣлъ дѣдъ.—Отдай товаръ! Я тебѣ на пять паръ наборъ далъ, а ты и пары черевиковъ не сшилъ!

— Товаръ я тогда жъ на приданое за Ульяной повернулъ.

— Да ты тогда еще и зятемъ не былъ! Харцызяка!

— Нѣтъ, былъ!

— Товаръ ты еще передъ Покровой забралъ, а Ульяну за тебя, скаженую собаку, только передъ масницей отдали!

— Такъ я жъ еще до Покровы, въ возовицу, съ нею сталъ жить все равно, какъ съ женою...

— Отто зять называется? За то, что ты мнѣ, гаспидъ, дочку спортилъ да ославилъ, такъ я жъ тебѣ еще и сапожнаго товару давай!?

— Ну, а разъ это дѣло вѣнецъ покрылъ!

Со двора шли браниться въ амбаръ и въ конюшню, голоса удалялись, а баба Палочка продолжала разсказывать, какъ печерскіе святые всѣ лежатъ подъ землей рядышкомъ, запечатанные, а которые за скломъ. Ганна благоговѣйно слушаетъ, и недоумѣніе на ея грустномъ лицѣ, въ большихъ синихъ глазахъ: отчего это все святое лежитъ спрятанное подъ землею, да запечатанное, а злое по землѣ гуляетъ, и никто его не спрячетъ и не запечатаетъ?

III.

— Вставайте, жинки, вставайте мерщій, а то коровы хлѣвъ разломаютъ!—суетился старый Качка, бѣгая изъ хаты во дворъ и обратно.—Вонъ уже чепига *) куда повернула!

За церковью уже бѣлѣлъ востокъ, а степь еще только сѣрѣла, догорали звѣзды вверху и темнѣлъ молча непроснувшійся хуторъ, кричали только пѣтухи по балкѣ.

Ганна съ Одаркой взяли подойники и пошли къ коровамъ. На ходу у Ганны слипались глаза, стоялъ въ груди приснившійся на разсвѣтѣ сладкій сонъ, и такъ хотѣлось вернуться къ нему...

— Ой!—споткнулась объ оглоблю и ушибла ногу.

— Петривочка—мала ничка:
Не выспалась молодичка,—

смѣясь, спѣла ей Одарка. Ганна улыбнулась сонно—не то пѣснѣ Одарки, не то сладкому сну. Спали онѣ вмѣстѣ, подъ повѣтью въ розвальняхъ, и когда въ полночь рядомъ въ конюшнѣ запѣлъ пѣтухъ и разбудилъ Ганну, то Одарки въ саняхъ не было. Ганна не слыхала и того, какъ она вернулась лишь на разсвѣтѣ. Но теперь Одарка была свѣжа и румяна; только губы запеклись. Среди двора Хома запря-

*) Большая Медвѣдица.

галъ лошадей въ косилку и, не проснувшись еще, одной рукой чесался, а другой тщетно пытался набросить хомутъ на Буланаго. Одарка мимоходомъ схватила шлею и ловкимъ броскомъ надѣла ее на Хому.

— Тю, скаженая!—кинулся было вдругъ проснувшійся Хома, чтобы ударить ее ладонью по спинѣ. Но Одарка хохотала уже въ коровникѣ.

Тихонъ, вставшій вмѣстѣ съ дѣдомъ, стоялъ въ хатѣ передъ темнѣющими въ углу образами и читалъ утреннія молитвы съ канономъ Ивану Предтечѣ. Дѣдъ уже нѣсколько разъ вбѣгалъ въ хату и хрипѣлъ про себя:

— Вже мнѣ эти ченци!*) Увѣрились да усвирѣпились...

Уже Хома поѣхалъ по выгону съ косилкой; Серега запрягъ въ мажару, а дѣдъ, отпустивъ пшено, запиралъ амбары; бабы, управившись съ коровами и птицей и забравъ харчи и грабли, сидѣли на мажарѣ; а Тихонъ все молился.

— Годи, годи!—сердито вбѣжалъ дѣдъ.—На то будетъ пилиповка, а не петровка!

Когда выѣзжали изъ хутора мимо церкви въ поле, было уже свѣтло, но солнце еще не всходило. Кое-гдѣ въ другихъ дворахъ тоже запрягали, и далеко слышенъ былъ въ утренней тишинѣ всякій звукъ. За вѣтрякомъ, въ полѣ, гдѣ мѣшались запахи налившейся пшеницы и созрѣвшей ржи, встрѣтился церковный маляръ Чекалка, маленькій, присѣдающій на одну ногу; онъ что-то говорилъ и размахивалъ длинными тонкими руками. Поровнявшись съ возомъ, снялъ рваную касторовую шляпу и, широко размахивая ею, закричалъ:

— Да процвѣтаетъ земледѣліе и искусство!

— Ха-ха-ха!—грохнула Одарка, взглянувъ на щуплую, всю въ пятнахъ краски, фигуру Чекалки:

— Вотъ смаленый горобецъ!

---

*) Монахи.

Чекалка посмотрѣлъ въ смущенное лицо Ганны и на его блѣдномъ безусомъ лицѣ засвѣтилась мягкая, какъ у ребенка, улыбка.

Изъ-за кургана вѣеромъ брызнули по небу розовые лучи.

— Украсилась живая краса сіяніемъ небеснымъ!—воскликнулъ Чекалка и бросился бѣжать по межѣ рядомъ съ возомъ, но запутался хромой ногой въ высокой росистой травѣ и упалъ. Одарка отъ смѣха повалилась на возъ.

— Улю-лю!—закричалъ Хома.—Вотъ самошедшій!

— Шалапутъ!—сказалъ Серега, брезгливо скрививъ широкія скулы.

Рожь выросла высокая, въ ростъ человѣка, но при наливѣ три дня дулъ жгучій юго-восточный вѣтеръ, и захваченный имъ колосъ вышелъ пустой. Такъ что нѣкоторые загоны пришлось скосить на зеленую солому.

Качкинъ большой ланъ, подлѣ кургана, былъ посѣянъ подъ плугъ, налился раньше другихъ и отъ захвата ушелъ; колосъ здѣсь былъ полный.

Затрещала косилка на лану. Работали на ней дѣдъ съ Хомой, а сыновья съ женами гребли жито въ копны.

— Не иначе, какъ приберечь теперь жито до весны,—говорилъ Серега,—въ цѣнѣ будетъ! На весь хуторъ только у насъ да у Савотиныхъ и вышла съ зерномъ!

— Господи, Господи!—вздыхалъ Тихонъ.—Чѣмъ-то бѣдный народъ Божій храмъ достроитъ!.. Невже жъ у насъ и въ этомъ году не зазвонятъ?..

Медленно поднималось солнце въ бездонную синеву, но быстро накалялся горячій лѣтній день. Сухо трещала косилка, и сквозь ея шумъ доносилась нескончаемая перебранка дѣда съ Хомой. Когда солнце стало надъ головою, сварила Одарка кашу съ таранью, выпрягли лошадей изъ косилки, и сѣли обѣдать въ короткой тѣни подъ возомъ.

— Въ третьемъ годѣ, какъ умеръ старый панъ Яловац-

кій, такъ всѣмъ міромъ поминали!—разсказываетъ Хома полнымъ ртомъ.—Вотъ поминали! Братъ, ты, мой!.. Вывезли изъ никономіи прямо на плацъ семь хуръ съ саломъ, а семь съ хранцузскими булками... Вышелъ молодой панъ: «Поминайте, каже, мужички, скоропостижнаго папашу!»

— А чего жъ онъ скоропостижно померъ?

— Животъ лопнулъ. Роспирацію въ Харьковѣ сдѣлали и два желѣзныхъ обруча наложили, ну не сдержали.

— Да не вылавливай рыбу!—захрипѣлъ на него дѣдъ.

— Я не вылавливаю.

— Какъ-то не вылавливаешь, когда саму тарань тягнешь!

— Ежли сама въ ложку попадается, такъ что жъ мнѣ? Назадъ въ казанокъ выкидать, чи тебѣ въ ротъ нести?

— На работу—лодыряка, а ѣстъ за пьятёхъ!

— Тату, бросьте,—сказалъ Тихонъ.—Всѣхъ Господь напитаетъ! Братъ Хома, бери съ мого краю.

— Какъ это—бросьте! Онъ работникъ, а я—хозяинъ! Значитъ, нѣтъ ему такого правила, чтобъ попередъ меня съ ложкой въ казанокъ лѣзть!..

— А чего жъ я тебя ждать буду?

— Годи,—коротко сказалъ Серега; и дѣдъ, и Хома сразу умолкли. Только послѣ обѣда дѣдъ сказалъ Хомѣ наставительно:

— Ты кирпу не гни, а сполняй, потому—ты мнѣ рабъ!

— Я такой тебѣ рабъ, какъ ты мнѣ—покойница двоюродная кума!—лѣниво проворчалъ Хома и полѣзъ спать въ тѣнь подъ платформу косилки.

Дѣдъ и Серега тоже легли соснуть подъ возомъ. Тихонъ поѣхалъ въ хуторъ лошадей поить. Одарка пошла по направленію къ Шейкину возу и затерялась гдѣ-то въ долинѣ межъ копенъ. Ганна поднялась на Красный Курганъ. Какъ далеко оттуда видно! Зеленой лентой протянулась внизу Мокрая Балка въ вербахъ и камышахъ, а дальше, вправо—Су-

хая съ темной кучкой хатъ; за ней—Куцая: видна только желтая круча да уснувшій надъ ней вѣтрякъ съ поломаннымъ крыломъ. Подъ этой кручей Ганна родилась и выросла, и нигдѣ, кромѣ степи и Куцой Балки, не была, пока вдова-мать не выдала ее замужъ въ Качкину семью. Вотъ по той дорогѣ и везли, что́ вьется по косогору... А за косогоромъ, подъ зеленымъ крестомъ, мать лежитъ... Передъ хуторомъ, на выбитой до-черна толокѣ, дремлетъ стадо коровъ. Ближе—остановился, распластавшись вверху, степной ястребъ, такой же бурый, какъ и сожженная степь, и этотъ побурѣвшій хлѣбъ, какъ и вся жизнь. Сухо шелеститъ вѣтеръ въ травѣ. Откуда онъ прилетѣлъ? О чемъ шепчетъ?.. Метнулся ястребъ вдаль, и тѣнь его поплыла за нимъ по безконечнымъ волнамъ хлѣбовъ... Далеко, далеко въ степи дымъ поѣзда и два красныхъ домика—глухой полустанокъ. А на горизонтѣ, въ балкахъ, перелѣски синѣютъ. Что тамъ, за этой синей далью? Сняться бы съ кургана, полетѣть туда, какъ этотъ ястребъ...

Но стоитъ Ганна недвижно, стройная да безпомощная, какъ вотъ рядомъ сожженная солнцемъ былинка, и даже воображеніе не приходитъ ей на помощь. Только скучнѣе становится сѣрая, глухая жизнь.

Подъ самымъ курганомъ Бадай съ Бадайкой накладываютъ прямо съ покосовъ на возъ невязанную рожь. Поодаль—Лука Полтавецъ съ семьей. Подошла Ганна къ его возу—двое дѣтей ползаютъ въ горячей пыли. Худыя, голодныя. А двое старшихъ снопы таскаютъ: возьмутъ вдвоемъ одинъ снопъ и, пыхтя, долго ползутъ, какъ жуки. Ганна подержала на рукахъ самаго маленькаго, вздохнула тяжело: три года замужемъ, а не даетъ Богъ дѣтей, да и не дастъ видно, какъ не далъ Тихону съ Одаркой.

На лану опять затрещала косилка. Самсонъ шутя сбрасывалъ вилами тяжелую рожь съ платформы и, стараясь

придать своему рычанію дѣвичью нѣжность, запѣлъ романсъ:

— Зачѣмъ вы, Миша! измѣнили!
Я-жъ не надѣялась на васъ!

А Тихонъ псальму:

Изъ пустыни стерецъ
Въ царскій домъ приходитъ.

А Серега, смуглый, коренастый, будто въ землю вросъ, все говорилъ хрипло о томъ, что жито нужно приберечь до весны.

— Небезпремѣнно въ тотъ закромъ ссыпать, гдѣ пшеница была, а пшеницу, какъ скосимъ—въ новую коморю.

Въ синихъ грустныхъ глазахъ Ганны стоятъ синіе края степи, и кажется ей, что не пшеницу, а ее, Ганну, скосилъ Серега и заперъ въ коморю до весны.

— До обѣда сонечко на волахъ ѣдетъ,—говоритъ Одарка:—съ обѣда до полудней—на коняхъ, а съ полудней до вечера—на зайчику.

И, дѣйствительно, послѣ обѣда день пошелъ быстрѣе.

Передъ вечеромъ, когда солнце ушло за курганъ и струило изъ-за него голубой воздухъ, вдругъ донесся оттуда страшный женскій вопль: Бадайка кричала подлѣ воза, поднявъ руки вверхъ. Съ ближнихъ лановъ бросились на крикъ. На жнивѣ лежалъ навзничь мертвый Бадай, съ обрывкомъ въ рукѣ, съ кровавой пѣной на черной бородѣ: наложивши возъ, началъ, стоя вверху, стягивать его веревкой. Но веревка лопнула, и Бадай, слетѣвъ, со всей силой ударился затылкомъ о землю.

По распоряженію Нетипы три ночи лежалъ Бадай въ полѣ, пока пріѣхалъ засѣдатель, и въ это время въ хуторѣ мало кто спалъ отъ страха: знали, что Бадай семь лѣтъ не говѣлъ и оттого умеръ такой смертью, и оттого такъ страшно выла теперь его сѣрая собака, которую онъ привелъ изъ Темрюка. Въ первую ночь пришли стеречь его у кургана Нетипа, Карпо Рябой и два парня. Ночь была душная,

тихая, только трещали кузнечики въ стернѣ. Гдѣ-то сзади кургана всходилъ мѣсяцъ, и длинная тѣнь отъ кургана закрыла собою Бадая и его сторожей. Было жутко, страшенъ былъ Бадай, въ полутьмѣ такой огромный. Чтобы ободрить себя, Карпо сталъ передавать одно изъ тѣхъ приключенiй съ Бадаемъ, о которыхъ безъ конца разсказывалъ бывало самъ Бадай въ праздники на ночлегахъ.

Къ полночи высоко поднялся мѣсяцъ, и далеко открылась въ серебряной мглѣ уснувшая степь. Забѣлѣла колокольня на хуторѣ. Стало менѣе жутко. Притихшiй было Нетипа перебилъ Карпа и сталъ важно разсказывать о томъ, какъ съ засѣдателемъ жгли чумныя кожи и какъ засѣдатель ударилъ его и посадилъ на три дня при своей квартирѣ.

— Вытребовуетъ меня засѣдатель: ты соцкой Нетепинъ?—Безпрекословно, я.—Ахъ ты сукининъ сынъ! Да обома руками за бороду...

Сдѣлалъ паузу, чтобъ затянуться цыгаркой, но не донесъ ее до рта: въ курганѣ послышалось тихое похоронное пѣнiе. Прислушались—пѣнiе ясно слышно, и все ближе, уже раздались глухiе шаги... Сторожа вскочили на ноги. Нетипа отбѣжалъ къ дорогѣ и закричалъ оттуда:

— Стережить тѣло, а я скомандую на хуторѣ, чтобъ съ образами вышли!

Вдругъ изъ вершины кургана вынырнула маленькая человѣческая фигура. Остановилась на мгновенiе и запѣла:

— Небеснаго кру-у-га Верхотворче Го-о-споди-и!

Нетипа срыву бросился внизъ по дорогѣ и дробно застучалъ большими сапогами по направленiю къ хутору. Остальные, крестясь, полѣзли за копну.

— Да здравствуютъ живые! Да воскреснутъ мертвые!—закричало привидѣнiе, размахивая шляпой, и сразу всѣ узнали въ немъ Чекалку. Одинъ за другимъ вылѣзли изъ-за копны. Только Нетипа долго не могъ остановиться.

— Эй, убѣгающій въ даль туманную,—закричалъ ему Чекалка.—Обратись возвратно.

— Фу-у,—пришелъ въ себя Карпо,—да и глупой ты человѣкъ! А еще богомазъ!

Пришелъ и Нетипа, блѣдный, не отдышавшійся. Закинулъ ногу за ногу и сталъ кричать:

— Ты какое право!.. Людей пужать, когда при сполненіи службы?.. Га? Ты знаешь, что за это буваетъ отъ господина засѣдателя четвертаго участка?..

— Собственно я не пугать. Провѣдать,—мягко сказалъ Чекалка.

— Да чего жъ ты не спишь!

— А у меня, другъ, съ полночи сна не бываетъ. Только съ вечера. А съ полночи я скрозь хожу.

— Чего жъ ты ходишь?—сурово спросилъ Нетипа.

— Такъ. Въ мечтахъ.... Сюда, на курганъ прихожу.

— Зачѣмъ?

— А здѣсь самая возвышенная точка зрѣнія. И вотъ я обращаю полное вниманіе.

— Это какъ же?

— А такъ вотъ: стану здѣсь, и сразу мнѣ вполнѣ отлично видать, что кругомъ и что въ курганѣ.

— Что жъ въ курганѣ?

— А въ курганѣ лежитъ ханъ Турухтанъ съ двѣнадцатью конями, съ семью супругами, съ золотыми струменами, съ шелковыми подпругами... А рядомъ булатное да золотое оружіе, серебряныя латы, а въ казанѣ мильенъ злата...

— Почемъ же ты знаешь?

— Знаю.... А при лунѣ даже вполнѣ видать, какъ татарское войско кругомъ идетъ. Вотъ когда не была рожь скошена—закроешь глаза вотъ такъ: ясно слыхать издалека по степу говоръ народный и шумъ походный... Идетъ, идетъ... Боже мой!—воскликнулъ Чекалка, закрывъ глаза рукой и восторженно тряся головой.—А вотъ

уже подошли которые и палатки разбили... Видите? Кругомъ, кругомъ...

— Ну, да это жъ копы,—отвѣтилъ Нетипа,—что ты мелешь!

Чекалка досадливо отмахнулся рукой:

— Что такое копны? Видимость соломенная! Сегодня ихъ накосили, а завтрашняго числа свезутъ, и опять нѣтъ. А это, другъ, вѣками здѣсь! Сколько народу прошло!..

— Ну, а коли ты знаешь, что въ курганѣ миліёнъ,— сказалъ Карпо,—такъ чего жъ ты его не достанешь?

— Это мнѣ безъ надобности.

— Такъ добрымъ людямъ сгодилось бы! Дурной!

— Пусть добрые люди и достаютъ, ежели не разсыплется. А у меня его, другъ, не отнимутъ! Нѣтъ!

— Чи ты себѣ дурной, чи брехунъ, чи, можетъ, яретникъ...

— Яретникъ...

— Гляди, чтобъ тебя Господь не покаралъ такою смертью, какъ Бадая...

— Бадай убился оттого, что духу въ себѣ не имѣлъ!.. Когда я летѣлъ съ колокольни, такъ въ ней высоты было сто саженъ діамѐтру, но я мыслію, какъ орелъ по вѣтру: крылами парилъ, и только ножку повредилъ.

Чекалка посмотрѣлъ на свою ногу и грустно задумался. Свѣтало. Вдали по балкамъ тянулся легкій туманъ. Кругомъ на жнивѣ и на Бадаѣ упала роса, и были, влажны, лица сторожей. Чекалка зябко повелъ плечами и, хромая пошелъ межою къ хутору. Вдали, у самаго хутора показалась на дорогѣ кучка людей: шла къ кургану Бадайка съ дѣтьми.

IV.

На Спаса въ Мокрой Балкѣ было два событія. Первое— ночью обокрали Кузю Федотовича. Воръ, забравшись

подъ лавку, выпилилъ въ половицѣ дыру и взялъ, кромѣ кассы—жестяной шкатулки съ двадцатью рублями, еще бакалейнаго и мануфактурнаго товару на сто рублей.

Нетипа ходилъ съ понятыми изъ хаты въ хату—весь хуторъ обыскали, но ничего не нашли.

Второе событіе—выбирали церковнаго старосту. Было на эту должность два желающихъ: отъ елецкихъ, поддерживаемыхъ Криничкинымъ хуторомъ, Савотинъ, большой мужикъ съ черной бородой и сѣдой впереди совершенно лысой головой. Отъ хохловъ всѣхъ трехъ Балокъ былъ дѣдъ Качка. Съ обѣда до вечера спорили и бранились, а ни къ чему не пришли.

Передъ вечеромъ Микитай Разволока, чистосердечный и глупый мужикъ изъ елецкихъ, волоча обѣ ноги, будто загребая ими землю, подошелъ къ хохламъ и сказалъ:

— Ребята, давайте полюбовно! Первый чередъ нашъ, второй вашъ. Оправитъ церква-матушка Осипа Яковлева, тады ужъ Савела Гарасимова! Ежели согласіе имѣете, значитъ помоля Богу!..

И уже, снявъ шапку, началъ было креститься!

Но Оврамъ Крикунъ выскочилъ впередъ и, яростно дергая себя за штанину, закричалъ высокимъ носовымъ теноромъ:

— У насъ у самихъ черезъ ту церкву послѣдніе штанци остались! Нате!.. снимайте!

— Братъ,—сказалъ ему Савотинъ съ тихой задушевностью въ голосѣ и положивъ волосатую руку на сердце Овраму.—Братъ, зачѣмъ мнѣ твои штаны?

— Да ты, пожалуйста, за петельки не хватай!—закричалъ Оврамъ, подпрыгивая подъ бороду Савотина.— А то я тоже какъ хватну какого старика! Ишь, хватъ какой!

Савотинъ положилъ было свою громадную руку на

голову Овраму. Но тотъ выпрыгнулъ изъ-подъ нея и закричалъ:

— Калавурь!..

И это послужило сигналомъ къ бою.

— Безпрекословно!—закричалъ было Нетипа, устанавливая порядокъ.

Но драка уже началась и въ первую голову побили именно Нетипу. Хохловъ было больше, и они погнали елецкихъ внизъ по переулку, мимо колодца. Тѣ, добѣжавъ до плотины, приняли бой. А съ той стороны, по огородамъ, уже бѣжала подмога: парни съ кольями и бабы съ граблями и ухватами. Дѣда Качку сбили съ ногъ и выбили у него половину гнилыхъ зубовъ. Когда драка кончилась и толпа схлынула, Качка хотѣлъ было подняться, но Нетипа, у котораго оборвали, кромѣ бороды, оба рукава и полы кругомъ, такъ что изъ чинарки вышелъ жилетъ, подбѣжалъ и закричалъ:

— Лежи, Гарасимовичъ, безъ движенія до пріѣзда господина засѣдателя! Для сходящей бумаги!

Потомъ побѣжалъ по улицѣ и, размахивая руками, громко кричалъ:

— Качку на греблѣ до смерти убили! И чинарку безпрекословно знистожили!... Я имъ покажу на основаніи уголовной статьи, сорокъ девятой категоріи!

Тихонъ подошелъ къ дѣду и со слезами сталъ умолять:

— Тату, простите ихъ ради Христа, да вернитесь до дому... Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ...

— Убью!—захрипѣлъ на него дѣдъ, подползая къ камню.

Ночь и утро пролежалъ онъ на плотинѣ, пока не вернулся Серега, ѣздившій за сорокъ верстъ, въ казачьи хутора на водяную мельницу.

— Годи,—сказалъ онъ дѣду,—треба ячмень вѣять.

Дѣдъ всталъ и, ругаясь, пошелъ на токъ.

Потомъ три дня мирились, валяясь пьяные подлѣ лавки Кузи Федотовича, и выбрали его старостой.

А ссоры и драки по праздникамъ продолжались, такъ какъ нечѣмъ было платить подрядчику. Наступали черные дни.

Чекалка сидѣлъ на скамейкѣ въ тѣни Качкиной хаты, писалъ портретъ Ганны и говорилъ собравшейся кучкѣ мужиковъ и бабъ:

— На Капказѣ, другъ, бѣдности нѣтъ! Тамъ пшеница три колоса со стебля даетъ!

— Вотъ брехунъ! — замѣтилъ Хома: — Скажи лучше, какъ тамъ харчъ: доходитъ?

Чекалка разсѣянно взглянулъ на него и продолжалъ:

— Когда я былъ въ горахъ Капказскихъ, поднялся на вершину синихъ горъ,—внизу люди, какъ комашки, по горамъ ползаютъ, рядомъ розовыя облака плывутъ, а вдали море голубое, бурнопламенное, зеленая волна— тридцать пять саженъ высоты...

Стемнѣло. Чекалка бросилъ писать портретъ и долго еще разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ въ кавказскихъ горахъ....

Ночь была темная, душная, далеко въ степи вспыхивали зарницы. Хуторъ засыпалъ, и гдѣ-то на другомъ концѣ его лаяли собаки. Серега съ Хомой погнали на ночь лошадей и быковъ въ степь. А дѣдъ спалъ на току, на ворохѣ невѣянной пшеницы. Изъ хаты была слышна вечерняя молитва Тихона. Ганна лежала подъ повѣткой въ саняхъ,— не спалось. Широко открытыми глазами смотрѣла въ темноту крыши и видѣла мягкую синеву горъ, уходящихъ въ небо, зеленое море съ бѣлыми кораблями и высоко вздымающимися валами.... И высоко вздымается грудь Ганны отъ непонятной, небывалой еще радости, и счастливыя слезы текутъ по горячимъ щекамъ.

Тихонъ, помолившись, тоже пошелъ на токъ. Слышитъ—

тихонько затрещалъ плетень въ огородѣ. Должно опять сосѣдъ Карпо не заперъ, искушеніе, бычка! Настанетъ ночь—такъ по чужимъ огородамъ и ходитъ! Поспѣшилъ Тихонъ внизъ по тропинкѣ межъ капустой. Вдругъ кто-то выскочилъ изъ-за пасленоваго куста и, пригнувшись, побѣжалъ подсолнухами вверхъ, мимо Карповой соломы.

— Кто тутъ?—позвалъ Тихонъ. Глянулъ—за кустомъ Одарка, нагнулась надъ капустой, запахиваетъ рубаху на груди.

— Чего ты здѣсь?

— Да вышла капустнаго листу нарвать. Завтра хлѣбъ печь.

— А то кто побѣжалъ?

— Гдѣ? Не знаю... Кто-сь спрашивалъ: чи дома Серега. Я говорю: нѣту... А темно—на обличье не угадала.

— Чего жъ онъ побѣжалъ?

— Незнаю. Можетъ, спужался, чтобъ за вора не посчитали?

Одарка, мурлыча пѣсню, пошла во дворъ. А Тихонъ долго стоялъ недвижнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ капусты. Наконецъ вздохнулъ и прошепталъ, перекрестившись:

— О, Господи, прости мое блудное помышленіе!

Потомъ пошелъ подъ повѣтку и сѣлъ рядомъ съ Одаркой на грядку саней. Одарка уже крѣпко спала и порывисто всхрапывала. Но вдругъ проснулась и вскрикнула испуганно:

— Ой, кто тутъ?

— Это я,—виновато сказалъ Тихонъ.

— Чего тебѣ?

— Прости меня, Христа ради: не хорошо я объ тебѣ подумалъ на огородѣ...

— А что?

— Да вотъ... увидалъ тебя съ чужимъ человѣкомъ...

— Тю, дурной!—удивилась Одарка.—Чи ты жъ не одурѣлъ?

V.

А церковь все строили, со слезами, съ драками, и за лѣто кончили. На вторую Пречистую состоялось освященіе. Надъ земляными лачугами, поросшими бурьяномъ, заваленными темными кучами кизяковъ, стояла она, бѣлая, прекрасная, съ синими главами, съ сіяніемъ золотыхъ крестовъ на солнцѣ; какъ святой сонъ, какъ дивное видѣніе въ этой бѣдной юдоли.

И когда первые пѣвучіе звуки благовѣста поплыли вверхъ по Мокрой балкѣ, разостлались по степи и мягко растаяли въ Куцой и Сухой балкахъ, казалось—само небо ласково заговорило съ обнищавшей, насыщенной горемъ и злобой землею смиренія. И на зовъ его шли черезъ площадь и Оврамъ Крикунъ въ новыхъ штанахъ и Лука Полтавецъ въ синей чинаркѣ, подпоясанной краснымъ поясомъ; одного ребенка велъ, другого на рукахъ несъ; остальные слѣдомъ бѣжали.

Въ церкви смотрѣли на хуторянъ написанные Чекалкой святые, у которыхъ были такіе же ласковые, мечтательные глаза, какъ у Чекалки. А на святыхъ—яркія разноцвѣтныя одежды, расшитыя золотомъ, и, глядя на нихъ, забылось теперь, съ какими скорбями по грошамъ собирали на эти одежды. Помолодѣли сегодня корявыя, съ дѣтства состарившіяся, лица.

Тихонъ теперь прислуживалъ въ алтарѣ и тихо смѣялся отъ радости. А когда запѣли «херувимскую», онъ воскликнулъ:

— Да невже жъ это въ Мокрой Балкѣ!...

А самъ зарыдалъ и подалъ дьякону кадило безъ угля.

Послѣ обѣдни столпились у амвона калѣки и недужные. И неизвѣстно, откуда набралось ихъ такъ много. А между тѣмъ почти всѣ они были здѣшняго прихода.

Тихонъ подошелъ къ дѣвушкѣ съ Пристѣнскихъ хуто-

ровъ. Какая-то болѣзнь страшно изуродовала ей лицо, такъ что нижняя часть его удвоилась, носъ сравнялся со щеками, и глаза казались на лбу. Сказалъ съ тихой лаской:

— Уповай, сестро!

— Я, дядечку, и то... И слезно-слезно каюсь!

— А съ чего жъ это тебѣ сталось?

— Да съѣла я послѣ спов҄ѣди, передъ самымъ причастіемъ пряничекъ, что по копѣйкѣ, кониками....

— А-а,—скорбно покачалъ Тихонъ головою,—скушеніе...

— Прокинулась я у ночи, да и сгадала, что въ карманѣ пряничекъ, мать купила. И до того мнѣ, дядечку, материного пряничка захотѣлось, что сдается, какъ не съѣмъ, такъ умру.

— То жъ—онъ... Что праматерь Еву погубилъ!

— Съѣла я таки... А утромъ пичастилася, и сразу мнѣ отто сталося...

Залилась слезами:

— А я жъ, дядечку, была веселая, да хорошая... Просватанная!

Тихонъ тоже заплакалъ и, обнявъ ея голову рукой, сталъ гладить обезображенное лицо.

— Все упованіе и печаль твою на Нее возложи! Бо у Ей, Владычицы, милосердія и красоты неизреченной пучина неисчерпаемая! И не счуешься, какъ осіяетъ тебя нечаянная радость!..

— Простой молебенъ—двадцать копѣекъ, съ акаѳистомъ—полтинникъ!—громко возвѣстилъ новымъ прихожанамъ остановившійся въ царскихъ вратахъ о. Кондратій въ крахмальныхъ воротничкахъ.—Общій молебенъ по пятаку съ личности, но отнюдь не менѣе пяти желающихъ! Деньги, пожалуйста, впередъ, чтобъ потомъ недоразумѣній не проистекало!

Вечеромъ у батюшки въ новомъ, недостроенномъ еще домѣ, было много гостей: отецъ благочинный, пять сосѣднихъ батюшекъ въ цвѣтныхъ рясахъ и пять діаконовъ съ семьями, засѣдатель, Касьяновская барыня, лавочники съ Колодезей и Калитвы.

Хуторяне, облѣпивъ открытыя окна, дивились отъ роду невиданному блестящему собранію. А мѣрошникъ Левко Ивановичъ ползалъ на колѣняхъ отъ одного батюшки къ другому, цѣловалъ руки и вопилъ:

— Ваши преподобія! Молитвенники наши! Благословите!

Подползъ къ о. Кондратію и, подавая два рубля, сказалъ:

— Вотъ! Жертвую!... За то, что Богъ послалъ такого назидателя и пастыря!

А когда матушка пустилась съ Кузей Федотовичемъ танцовать гопака, Левко Ивановичъ закричалъ со слезами умиленія:

— Матушка!.. Ваше преподобіе!.. Перепилочка наша!.. Дождались, грѣшники!—И пожертвовалъ еще три рубля.

У Качки тоже были гости. Но вышелъ ночью скандалъ: зять Василь, напившись, сталъ считаться и требовать у дѣда лошадь въ приданое. Разгнѣванный отказомъ, выбѣжалъ во дворъ, къ яслямъ, гдѣ стояли лошади и, схвативъ дрюкъ, двумя ударами убилъ Буланаго. Тогда Хома съ ревомъ подмялъ его подъ себя, такъ что съ трудомъ стащили. А Василя только къ разсвѣту отлили водой.

Ганна проснулась отъ криковъ и, услыхавъ хрипѣніе Буланаго и Василя, полураздѣтая, съ распущенными волосами, убѣжала черезъ огородъ къ пруду. Берегомъ, спотыкаясь въ сырыхъ канавахъ, цѣпляясь за плетни, дошла до плотины и остановилась подъ уснувшими вербами: не знала, бѣжать ли дальше или броситься въ прудъ, такой тихій, ласковый при мѣсяцѣ. Прислушалась: сверху

отъ хутора кто-то шелъ къ плотинѣ. Не видно за вербами, но Ганна по неровнымъ шагамъ узнала Чекалку. Выйдя на плотину и увидавъ Ганну, Чекалка не удивился и только спросилъ:

— Ты—русалка полуночная?

— Нѣтъ, я—Ганна,—отвѣтила она чуть слышно. Чекалка подошелъ ближе и, всмотрѣвшись, сказалъ ласково:

— Но я же зналъ, что найду васъ, потому что въ такую погоду, когда душа трепыхается, краса живая зъявляется!

Ганна ничего не отвѣчала. А Чекалка, размахивая руками, шелъ по тропинкѣ вдоль балки, между коноплянниками и серебряными при мѣсяцѣ лозами и все говорилъ о живой красѣ.

Миновали скрытые въ въ вербахъ Малое и Среднее плеса и подошли къ Бездонному, овальнымъ зеркаломъ блестѣвшему внизу въ темнозеленой рамкѣ заснувшихъ камышей. Сѣли на травѣ у обрывистаго берега. Послушали— все спитъ: и камышъ подъ бѣлой кручей, и укатанная, блестящая противъ мѣсяца дорога черезъ бугоръ къ хутору, и коноплянники, и вербы по балкѣ.

— Въ этомъ плесѣ живетъ на днѣ дѣвушка чудной, архангельской красоты!—сказалъ Чекалка, смотря въ плесо задумавшимися глазами.—Злой татаринъ на свадьбу наскакалъ и невѣсту къ себѣ въ татарщину умчалъ... Потому что она была неописанной красоты! Красавица же ночью по степу убѣжала. Вотъ по той дорожкѣ... А татаринъ бросился въ погоню. Заслышала красавица стукъ копытъ— бѣжать дальше безполезно, подбѣжала къ плесу, взмолилася слезно: «Сжалься, плесо, надо мною молодою, сховай меня подъ водою!» Бросилась съ той вонъ бѣлой кручи... Схоронилась на днѣ плеса темнорусая дѣвичья коса, сохранилась непоруганной небесная краса...

— Почемъ вы все это знаете?—тихо спросила Ганна, смотря на уснувшую воду заплаканными глазами.

— Я, Ганна Панкратьевна, все, все знаю.... Вотъ сяду такъ, гляну кругомъ и все чисто вспомню... Что есть, и что, было, и что въ землѣ, и что подъ водой. Потому что я— княжецкой сынъ... Меня маменька, княжна молодая, родила, съ генераломъ-адмираломъ незаконно прижила... И, какъ тайный плодъ любви несчастной, положила подъ Чекалкино окошко,—на тернистый путь; бросаючи жъ, повредила лѣву ножку и бѣлу грудь.

Отъ хутора донесся низомъ крикъ пѣтуховъ. Дохнуло предосеннею свѣжестью отъ плеса, и закурился легкій туманъ по балкѣ. Мѣсяцъ, краснѣя, скрылся за бугромъ. Чекалка неподвижно сидѣлъ, подперевъ рукой голову, и грустно смотрѣлъ на потускнѣвшее плесо.

Ганна прижала его голову къ груди и поцѣловала. А Чекалка сталъ цѣловать ея руки, волосы и глаза. Потомъ той же дорогой пошли назадъ, и когда подходили къ хутору, отъ выгона неслись крики: поймали Савотина Сергуньку съ украденными у Кузи Федотовича деньгами и пряниками, которые онъ припряталъ до освященія церкви въ соломѣ, а теперь щедро одѣлялъ ими дѣвокъ. Сергуньку хохлы били до утра. А утромъ Кузя Федотовичъ и Нетипа повезли его къ засѣдателю.

VI.

Однажды, рано утромъ, бабы, выгонявшія коровъ, собрались на выгонѣ взволнованной толпой. Обсуждали ночное событіе: бѣгство Ганны съ Чекалкой. А которыя шли съ водою отъ колодца, останавливались у воротъ Качкинаго двора, снимали коромысла съ плечъ и слушали, какъ Одарка передавала несложныя подробности бѣгства: хватились Ганны только утромъ, а бѣжали

они, нанявъ Луку до полустанка, еще съ вечера, какъ смерклось. Лука-то, вернувшись, и разсказалъ обо всемъ.

— Вотъ такія всѣ онѣ черницы-преподобницы, что вѣшаютъ хвартушину у виконицы! — смѣялась Одарка. —А подъ фартушиной—хуже насъ грѣшницъ!

Серега, за все утро слова не проронившій, подошелъ къ Одаркѣ и сказалъ спокойно:

— Иди до печи, пôрайся.

— А ты, краще, найди свою кралю да и приставь до печи,—ядовито засмѣялась Одарка, щуря узкіе глаза.— А до меня тебѣ...

Серега молча глянулъ на нее, и Одарка, сорвавшись на полусловѣ, пошла въ хату.

Весь день бабы собирались на улицахъ и на огородахъ, и всѣмъ было ясно, что не спроста это—чтобы такой хромой да поганый брехунъ отбилъ жену у молодого, красиваго да богатаго Сереги: причаровалъ!

А Серега все такъ же молча запрегъ гнѣдого и, взявъ Хому, поѣхалъ на полустанокъ. Жандармъ на полустанкѣ сказалъ ему, что хромой маляръ съ высокой красивой дѣвушкой или женщиной уѣхали въ городъ ночнымъ поѣздомъ. Серега отправилъ Хому домой, а самъ поѣхалъ слѣдующимъ поѣздомъ.

— Этотъ храмъ, что впереди, семьдесятъ пять саженъ виду имѣетъ!—говорилъ Чекалка, идя съ Ганной по шумной городской улицѣ,—Боже мой! Какой оттуда видъ на всю безконечную окрестность! А вверхъ глянешь—облака стоятъ, а кумполъ плыветъ!... Вотъ мы сейчасъ туда по наружной лѣстницѣ поднимемся!.. Я же тамъ Духа въ видѣ голубинѣ писалъ!

А Серега въ это время уже шелъ за ними слѣдомъ вмѣстѣ съ околодочнымъ.

Чекалка остановился у воротъ бѣлаго дворянскаго

дома съ высокимъ подъѣздомъ и спросилъ, у толстаго, какъ боровъ, бритаго дворника:

— Позвольте сообщить: когда будетъ собраніе господъ дворянъ?

Дворникъ, скосивъ заплывшій жиромъ глазъ, осмотрѣлъ Чекалку отъ земли до головы и отвѣтилъ:

— Когда будетъ, тогда за вами телеграмму пошлемъ!

— Войду въ собраніе,—сказалъ Чекалка,—и объявлю: господа дворяне! Прошу обратить вниманіе! Когда между прочимъ помѣщикъ имѣетъ тысячу десятинъ, а крестьянинъ—одну! Это такъ оставить нельзя! А также—относительно всѣхъ правовъ!

— Я жъ вамъ говорилъ,—сказалъ Серега околодочному,—все на счетъ земли!... Весь хуторъ смущаетъ!

Околодочный взялъ Чекалку подъ руку и увелъ, а Серега—повелъ Ганну на вокзалъ.

Поѣздъ пришелъ на полустанокъ утромъ, а къ обѣду Серега съ Ганной пришли къ хуторскимъ полямъ. Кое-гдѣ на нивахъ еще заканчивалась возка хлѣба, и по межамъ тянулись къ хутору рѣдкіе возы съ снопами. Чтобы не показываться на люди, Серега рѣшилъ до вечера пересидѣть въ подсолнухахъ. День былъ жаркій, и подсолнухи не давали тѣни. Только душно было. Сидѣли молча. Потомъ Серега нарѣзалъ сала и хлѣба. Далъ Ганнѣ, а она не ѣстъ.

— Ѣшь!—сказалъ онъ, сверкнувъ маленькими глазами, и сдавилъ широкія челюсти.

Ганна стала насильно ѣсть. Ее томила жажда, а до вечера такъ далеко.... Верстахъ въ двухъ по шпилю надъ балочкой шли бахчи. Когда зашло солнце, Серега съ Ганной пошли къ бакшевнику въ курень и напились воды.

Пришли въ Мокрую Балку, когда всѣ уже спали. Только Тихонъ среди двора молился Богу обо всемъ мірѣ, наипаче же о «во отшествіи сущихъ».

VII.

Кончилась молотьба. Съ хлѣбомъ Серега управился именно такъ, какъ и расчитывалъ: жито ссыпалъ въ тотъ закромъ, гдѣ была пшеница, а пшеницу—въ новую коморю.

Матушка, на двухъ возахъ дѣлавшая осеннiй объѣздъ прихода, попросила было у него четверть пшеницы, но Серега коротко отвѣтилъ:

— Не такъ, матушка, Богъ зародилъ, чтобъ четвертями разсыпаться.

— А ты дай четверть, такъ Богъ пошлетъ тебѣ за это десять,—объяснила матушка.

— Когда пошлетъ, тогда дамъ,—сказалъ Серега и молча насыпалъ одну мѣрку.

Матушка, тоже молча, пошла со двора и разразилась гнѣвомъ уже на дворѣ у Луки:

— Такъ строить церковь нельзя!—кричала она, сдвинувъ черныя, сросшiяся на переносьѣ брови.—Васъ къ тому кнутомъ не принуждали! Но разъ выстроили, такъ надо къ духовенству усердiе имѣть!

Лука и жена его Явдоха очень испугались матушкина гнѣва. Съ перепугу Явдоха отдала молодого пѣтуха, съ огненно-краснымъ хвостомъ, дѣтскаго любимца. И когда матушка увезла его, Прохорокъ съ Катрусей, забравшись на печь, долго и неутѣшно плакали.

Стала глубокая осень. Дождями смыло бѣлую глину на хатахъ и казалось—кто-то кожу съ нихъ содралъ. Почернѣла, затуманилась бурая степь. Замѣсилась невылазная грязь по хутору и на дорогахъ. И часто въ сумеркахъ отъ плотины или изъ балочки, что за поповымъ токомъ, доносился крикъ загрузившаго возъ:

— Рятуйте, добрые люди!

А ночи стали безконечныя. У Качки вставали задолго до разсвѣта и работали при огнѣ. Мужики шли во дворъ

убирать скотину. Потомъ Хома вносилъ вязанку соломы, такую громадную, что до потолка, и Одарка съ Ганной варили завтракъ: картофель, или кандеръ, или галушки. Поѣдая все это, Хома, вспоминалъ съ пріятностью:

— Вотъ у пана Яловацкаго! Ну, тамъ харчъ доходитъ! Ѣшь, душа,—не хочу!

— Уже жъ ты мнѣ, гаспидъ, увѣрился да усвирѣпился съ своимъ паномъ!—сердился дѣдъ.

Когда окна въ хатѣ становились голубыми, дѣдъ тушилъ лампу, и окна дѣлались сѣрыми и мутными. А на дворѣ въ туманѣ еще не видно хутора. Только вверху постепенно выступаютъ изъ сѣрой колеблющейся мглы одинокія бѣлыя главы церкви. Звуки просыпающагося хутора глухіе, тутъ же въ туманѣ обрываются. Въ хатѣ все еще держится сѣрый разсвѣтъ и неясно вырисовываются лица и предметы. У окна, въ рукахъ Ганны бѣлѣетъ рубаха, которую она вышиваетъ крестиками, и лицо ея—такое же бѣлое, какъ рубаха, заострившееся, съ сѣрыми кругами подъ глазами. Одарка ушла къ коровамъ, и Ганна одна въ хатѣ. Боже мой... Какъ нестерпимо хочется тужить въ такое утро, когда ночь уже ушла и унесла забвеніе, а день все еще не идетъ... Такъ, бывало, покойная мать: на разсвѣтѣ, когда дѣти еще спятъ, долго слышно подлѣ печи ея тихое, безъ словъ, причитаніе.

Вечерами, управившись на дворѣ, Тихонъ съ книгой псàльмовъ въ рукахъ, подсаживался къ Ганнѣ и говорилъ:

— Давай, сестро, про Іосафа-царевича заспиваемъ.

Затянетъ тихонько, водя среднимъ пальцемъ по строкамъ, а Ганна молчитъ.

— Что же ты, сестро, не подтягиваешь?

— Такъ... Не хочется...

— Псальмы пѣть да и не хочется!—смущенно качаетъ онъ головой.—Ну, давай я тебѣ про блаженнаго старца Іону Затворника прочитаю.

Сталъ читать. Поднялъ на самомъ умилительномъ мѣстѣ глаза отъ книги, а Ганна смотритъ на свой портретъ въ золотомъ платьѣ, съ какими-то невѣдомыми цвѣтами вокругъ головы, широко раскрыла нехорошо затуманившіеся глаза, а про старца Іону, конечно, ничего не слышитъ...

Въ великомъ смущеніи и ужасѣ видитъ Тихонъ, что проклятый маляръ зачаровалъ молодицу, нарисовавъ ея ликъ на портретѣ.

Улучивъ минуту, когда топилась грубка на чистой половинѣ, а Ганна къ Кузѣ Федотовичу за керосиномъ ушла, Тихонъ ударилъ три поклона передъ Неопалимой Купиной и, плюнувъ трижды на портретъ, обернулъ его соломой, потомъ бросилъ въ печку, и пока онъ горѣлъ, читалъ «Живый въ помощи»: баба Палочка говоритъ, что къ этому псалму нечистый не можетъ приблизиться на сорокъ саженей.

Но безъ портрета вышло и того хуже: глаза Ганны запали еще глубже, а Тихоновы псальмы она совсѣмъ не стала выносить: только онъ заведетъ тихонько да умилительно, а ея уже нѣтъ въ хатѣ... Вотъ искушеніе!

И другое великое испытаніе постигло Тихона. Какъ разъ на Варвары умерла баба Палочка, единая въ свѣтѣ утѣшница и подруга души... А тутъ еще съ похоронами искушеніе вышло. Когда бабу Палочку внесли въ ограду, случилось недоразумѣніе: о. Кондратій потребовалъ три рубля за погребеніе впередъ. Палочкинъ сынъ, тоже Кондратомъ звали, имѣлъ только рубль тридцать и сталъ было отпрашиваться:

— Повремените, батюшка: передъ святками на полустанокъ подсвинка отвезу. Начальникъ три съ четвертью надавалъ.

Но о. Кондратій накричалъ на Кондрата и велѣлъ сторожу Чулкѣ запереть церковь. А самъ пошелъ домой. Тихонъ бѣжалъ за нимъ безъ шапки и просилъ:

— Уважьте, батюшка, благую старушку.

— Никтоже благъ, токмо единъ Богъ!—строго замѣтилъ о. Кондратій.

— Истинно... Похороните, батюшка! Семнадцать разъ старушечка у печерскихъ угодниковъ была!

— Хоть двадцать семь! Сіе положенія вещей отнюдь не мѣняетъ.

— Въ Почаевѣ была...

— Такъ пусть ее въ Почаевѣ и хоронятъ! Тоже! Паломники, подумаешь! Всю жизнь отъ собственнаго духовенства бѣгаютъ, да жирнымъ монахамъ уносятъ то, что должны своимъ пастырямъ отдавать, а потомъ еще и хорони ихъ въ кредитъ! Небось, въ Почаевѣ въ кредитъ не молятся! Богъ, милый мой, во всѣхъ храмахъ единъ, и благодать священства та же на мнѣ почіетъ, что и на кіевскихъ священнослужителяхъ!

Тихонъ пошелъ домой и сталъ просить у Сереги:

— Позычь, братику, рубль семьдесятъ пять, батюшкѣ за бабусю заплатить.

— Нехай онъ землю вернетъ,—сказалъ Серега.

— Тату, дайте отцу Кондратію.

— Нехай онъ сказится!—злобно просипѣлъ дѣдъ, оскаливъ уцѣлѣвшій пенекъ.

Насилу ужъ Тихонъ по сосѣдямъ насобиралъ, и ужъ поздно вечеромъ схоронили бабку.

VII.

Передъ Рождествомъ ударили морозы, а снѣга все еще не было, и вѣтеръ несъ по хутору только пыль да иней. Разворочанная колесами грязь по дорогамъ стала теперь твердая, какъ желѣзо, и никто почти не ѣздилъ по ней. Да и некуда было ѣздить. Скудный урожай давно уже

продали, такъ что до новины рѣдко у кого хватитъ. Заработковъ нигдѣ не было, и сидѣли всѣ по хатамъ съ тяжелой думой о надвигающемся голодѣ. Въ добрые годы покупали въ Касьяновскомъ лѣсу дѣлянку и осенью, когда примерзала дорога, возили ее въ хуторъ. Теперь было не до лѣсу.

Хаты до крышъ были обложены кизяками и соломой, только маленькія оконца оставлены. И все-таки—дохнешь въ хатѣ, и дыханіе видно; а въ иное холодное утро, когда востокъ горѣлъ отъ леденящаго вѣтра, въ хатѣ замерзала вода; потому что мало топили, приберегая солому для скота.

Только подъ Крещенье пошелъ настоящій снѣгъ, и легла глубокая суровая зима.

Лѣтомъ, когда степь живетъ каждой своей точкой, тоска ея не безысходна: все кажется—растетъ и скоро выраститъ и зацвѣтетъ въ степи лучшая жизнь. Но когда завалитъ балку до верху сугробами и станетъ степь бѣлой мертвой пеленой, по которой ѣдешь-ѣдешь и никакъ не разберешь, далекій ли это вѣтрякъ маячитъ или въ двухъ шагахъ сухой сломанный будякъ торчитъ изъ-подъ снѣга, тогда кажется, все умерло, и нѣтъ уже жизни на землѣ, и не поднимется бѣлый саванъ надъ мертвымъ лицомъ степи.

По снѣгу такъ же мало ѣздили, какъ и въ распутицу. Только по вечерамъ, когда красный закатъ пылалъ въ окнахъ церкви, и дѣлался розовымъ скрипящій подъ санями снѣгъ, Кузя Федотовичъ каталъ матушку на ворономъ иноходцѣ.

Въ срединѣ зимы у Луки отъ холода и житной соломы совсѣмъ зачахла корова. Пробовалъ дѣлать рѣзку. Но безъ муки и безъ половы выходитъ все то же, и корова уже не стояла на ногахъ.

Разъ ночью Лука взялъ кошолку и перелѣзъ черезъ заборъ къ сосѣду Нетипѣ на токъ. Въ углу между сараемъ и скирдомъ житной соломы стоялъ маленькій, наполовину съѣденный оклунокъ просяной соломы. Весь онъ былъ

засыпанъ толстымъ слоемъ снѣга, съ навѣтренной стороны въ ровень съ нимъ сугробъ, и только со стороны сарайчика то мѣсто, откуда бралась солома, было свободно отъ снѣга, и въ немъ Лука нащупалъ деревянную ключку. Надергавъ ею полную кошелку соломы, Лука благополучно вернулся къ себѣ на токъ. Ночь была темная, чуть маячили засыпанныя снѣгомъ хаты да чернѣлъ плетень. По небу бѣжали сѣрыя тучи, а низомъ вѣтеръ гналъ мерзлый шипящій снѣгъ, и Лука разсчитывалъ, что къ утру хорошо замететъ его слѣды. Но просяная солома была очень ужъ мелка—просыпалась изъ кошолки, а сухой снѣгъ сносило вѣтромъ, и когда Нетипа вышелъ утромъ на токъ, то, приглядѣвшись, замѣтилъ слѣды вора. По нимъ пришелъ къ Лукѣ въ сѣнцы, гдѣ стояла корова, и нашелъ еще полкошолки своей соломы. Сейчасъ же собралъ понятыхъ, обслѣдовали дѣло и вошли къ вору въ хату. Нетипа и понятые сѣли на скамейкѣ, Лука тоже было сѣлъ. Но Нетипа схватилъ его за бороду, сбросилъ на землю и закричалъ:

— Однажды када господинъ соцкой съ господами понятыми увойшли въ хату, воръ должо́нъ стоять на вколюшкахъ!

Явдоха и сбившіяся на печи дѣти, увидя, что Луку бьютъ, подняли плачъ.

— Увоймись!—закричалъ Нетипа на Явдоху,—и также дѣтишковъ прекрати!

Лука припалъ лицомъ къ сапогамъ Нетипы и сказалъ:

— Простите, дядьку.

— Пущай тебя Господь милосердной прощаетъ, ну я же—никада!—важно отвѣтилъ Нетипа, ткнувъ его носкомъ въ лицо, и изрекъ приговоръ:

— Четверть водки старикамъ! И также на три дня подъ арестъ при моей кватирѣ!

Потомъ Карпо рябой поднялся съ лавки, ударилъ Луку въ ухо и сказалъ;

— Не крадь просяную солому, сукинъ сынъ!.. Вишь, моду взялъ!

Остальные не били. Только нехорошо ругались.

Лука отнесъ Кузѣ Федотовичу двѣ мѣрки жита и взялъ четверть водки.

Цѣлый день мужики пили водку, прикупая къ Лукиной четверти, и желающіе время отъ времени слегка били вора, а передъ вечеромъ побили и Нетипу. Потомъ Нетипа увелъ Луку къ себѣ и три дня продержалъ его въ своей хатѣ. На четвертый сказалъ:

— Теперь ты слободной и безпрепятственной.

Лука сходилъ за полбутылкой, выпили вдвоемъ, и Лука вернулся домой.

Это было единственное событіе на хуторѣ за всю долгую зиму.

Да въ жизни Ганны было еще событіе, никѣмъ, впрочемъ, не замѣченное и никому не нужное. Какъ-то, уже передъ масляной, поднималась она съ водой отъ колодца вверхъ по проулку. Еще стояли холода, но чувствовалось уже, что зима рыхлѣетъ; низко надъ хуторомъ шли мутныя съ синевой тучи и сообщали зимѣ сѣрый предвесенній колоритъ; сѣверо-западный вѣтеръ свистѣлъ въ плетняхъ уже не съ ледяной жесткостью, а мягко, хоть и уныло; воробьи на дорогахъ и опустѣвшихъ токахъ чирикали оживленнѣй и домовитѣй. Съ горы, навстрѣчу, ѣхалъ къ плотинѣ Савотинъ на большой рыжей кобылѣ, въ новыхъ саняхъ съ высокимъ некрашенымъ задкомъ. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ парень въ полушубкѣ, закутанный башлыкомъ. Поровнявшись съ Ганной, онъ окликнулъ ее и остановилъ лошадь. Это Сергунька, отбывъ наказаніе, возвращался изъ острога. Отвернувъ у полушубка полу, Сергунька полѣзъ въ карманъ и досталъ оборванный и затертый клочокъ бумажки.

— Маляръ Чекалка велѣлъ передать. Вмѣстѣ сидѣли.

Ну, онъ вскорости почернѣлъ, кровью перхать сталъ. Должно въ лазаретѣ померъ!

Ганна стояла—бѣлая, какъ снѣгъ, ухватившись руками за коромысло. А Сергунька, садясь въ сани, говорилъ:

— Ей, бумажки, цѣльный листъ былъ, да на цыгарки повертѣли. Ну, до чего потѣшно! Грамотные арестанты читали—животы отъ смѣху въ отдѣлку разболѣлись!..

Вечеромъ дьячиха прочитала Ганнѣ то, что осталось на клочкѣ отъ карандашомъ написаннаго и стертаго письма. Въ одномъ мѣстѣ оставалось: «...вѣщаемъ васъ о нашемъ здравіи и долгоденствіи».

Внутри листка уцѣлѣло больше:

«И весенній вѣтерочекъ во зеленыхъ камышиночкахъ взыграетъ, то душа моя про бездонную любовь къ вамъ возвѣщаетъ и васъ призываетъ... Въ бѣломъ плесѣ серебряной рыбкой встрепыхнется, а во темной рощѣ соловьемъ залетнымъ зальется».

Въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣло: «Капказъ», а въ другомъ: «Турухтанъ». Больше ничего нельзя было разобрать. Но Ганна все поняла: зоветъ, чтобъ пришла къ Бездонному плесу!.. И прямо отъ дьячихи пошла туда. Ночь была свѣтлая, вѣтреная. Луна быстро бѣжала по небу, то прячась въ толпѣ прозрачныхъ тучъ, такъ что оставался въ небѣ только свѣтъ ея, и тогда балка сѣрѣла, то снова выбѣгая на просторъ и заливая свѣтомъ необозримые снѣга. Ганна прошла между вербами по льду Малаго и Средняго плесовъ, гдѣ меньше было снѣгу. Въ верхушкахъ вербъ стоялъ гулъ вѣтра, а вышла на плесо—засвистѣлъ вѣтеръ въ мерзломъ камышѣ. Оба берега завалены снѣгомъ, и правый, высокій бросилъ короткую, неровную тѣнь, а лѣвый весь освѣщенъ, и курится при мѣсяцѣ его нависшій тонкій край. На срединѣ плеса снѣгъ сдуло вѣтромъ и обнажило темный, со стальнымъ блескомъ, ледъ. Лишь пробѣгаютъ по немъ тонкія бѣлыя струйки. Ганна подумала:

— Можетъ, то красавица очистила, ледъ, чтобъ на мѣсяцъ сквозь него смотрѣть.

Стала было искать то мѣсто, гдѣ сидѣли вдвоемъ— все снѣгомъ занесло...

Гдѣ онъ теперь? Видитъ ли, какъ она пришла сюда?..

Утопая въ снѣгу, попыталась пробраться къ берегу, чтобы оттуда на плесо глянуть, а въ это время изъ камыша выскочилъ заяцъ, перебѣжавъ ея путь, прыжками бросился на гору и въ двѣ секунды исчезъ за сугробомъ. Ганна сразу догадалась, къ чему это:—нѣтъ, уже и не будетъ ей счастья на землѣ... И побрела домой берегомъ, по поясъ въ снѣгу.

VIII.

Пришелъ великій постъ. Съ тягучей печалью звалъ колоколъ говѣльщиковъ, и черными точками тянулись къ нему изъ затерянныхъ въ снѣгахъ балокъ по тронутымъ оттепелью потемнѣвшимъ дорогамъ.

На первой недѣлѣ было такое множество говѣльщиковъ, что церковь далеко не вмѣщала ихъ. Особенно много было изъ Куцой и Сухой балокъ: торопились отговѣться, пока не тронулись балки и не начался посѣвъ. Но въ пятницу батюшка объявилъ, что допуститъ до причастія только половину прихожанъ, а другая половина должна говѣть еще недѣлю, такъ какъ батюшка гнѣвается и считаетъ приходъ недостойнымъ: безъ усердія принимали матушку, когда ходила по приходу ленновать. Особенно это нужно сказать о Сухой балкѣ и Криничкахъ, кои посему отнюдь не могутъ быть допущены полностью. Поэтому въ субботу у причастія поднялась страшная давка и крики.

Только сторожъ, старый фельдфебель Чулка, съ жесткой, какъ проволока бородой, задерживалъ и разби-

валъ, хоть немного, стихійно хлынувшую къ амвону людскую волну: стоялъ на амвонѣ впереди батюшки и молча тыкалъ кулакомъ въ физіономіи напиравшимъ, а мальчишекъ и парней рвалъ за волосы.

— Охъ, и строгій же!—отзывались говѣльщики.

А приземистый дьячокъ бѣгалъ по амвону, какъ на пожарѣ и, стаскивая назадъ переднихъ, отчаянно кричалъ:

— Чи вы жъ христіане, чи вы филистимляне, чи вы скотина кака-нибудь необразованная?.. Развѣ жъ такъ причащаются!.. Свинота вы, а не прихожане!.. Заѣдь, Чулка, вотъ того кирпатаго!..

Чулка заѣхалъ, а потомъ, нагнувшись къ пробиравшейся между подсвѣчниками маленькой бабкѣ съ Криничекъ, спросилъ сквозь зубы, трагическимъ шопотомъ:

— Ты, печерица, куда?

— Батечку, я жъ три года не говѣла....

Чулка ткнулъ ей подъ носъ кулакомъ. Она стала молча плакать и вытирать кровь. Потомъ, вынувъ изъ-за пазухи узелокъ, развязала его, взяла три копѣйки и подала Чулкѣ.

Чулка взялъ монету и толкнулъ старуху впередъ, къ батюшкѣ.

— Съ принятіемъ св. Таинъ, бабуся!—ласково поздравилъ ее Тихонъ, подавая ей запить теплоту съ виномъ,—сподобились!

— Сподобилась... Теперь хоть бы Господь Милосердный и за душечкою прислалъ, не страшно!—сіяя свѣтлой радостью отвѣчала бабка и вытирала однимъ рукавомъ слезы, а другимъ кровь изъ носа.

XI.

Весна пришла рано и бурно. Кто-то невидимый прошелъ по балкѣ, дохнулъ, и бѣлыя горы, рухнувъ, уплыли

въ вешнихъ водахъ съ небывалой торопливостью. А на освобожденныхъ ими склонахъ балки уже зеленѣла трава и синѣли подснѣжники, растущіе собственно для окраски пасхальныхъ яицъ.

Подлѣ хаты Луки бѣжала вода по канавѣ, и Прохорокъ съ Катрусей смотрѣли, какъ солнце вмѣстѣ съ голубымъ небомъ сіяло въ канавѣ. Но вдругъ оно спряталось за набѣжавшее бѣлое облако. Прохорокъ, взмахнувъ длинными рукавами материной кофты, скомандовалъ:

— Сонечко, выглянь!.. Какъ скажу, такъ выглянетъ!

— Не слюсаетъ,—съ сомнѣніемъ покачала Катруся головой.

— Чего тамъ не слушаетъ! Со-неч-ко-о, выгля-янь!— властно сказалъ онъ, топнувъ ногой въ отцовскомъ сапогѣ. И солнце тотчасъ выглянуло.

— Видишь!.. Колесомъ доро-ога!—закричалъ онъ, дѣлая знаки курлыкающимъ въ небѣ журавлямъ, и журавли, услыхавъ приказъ, стали кружиться.

Какъ разъ на Сорокъ мучениковъ, когда бабы въ хатахъ пекли жаворонки, мужики съ утра выѣхали сѣять. Было теплое голубое утро. Весеннее солнце, смѣясь и кокетничая, прикрывалось кружевомъ изъ прозрачныхъ, легкихъ, какъ пухъ, бѣлыхъ тучекъ. А кругомъ была бездонная лазурь. И степь, напоенная синимъ воздухомъ, вся, съ пашнями, съ далекими балками, съ курганомъ и церковью, дрожала отъ радостнаго смѣха. Тихій вѣтеръ ласково сушилъ дороги и сизыя пашни и невидимой рукой гладилъ уцѣлѣвшую подъ снѣгомъ степную траву и повисшую клоками шерсть на линяющихъ волахъ и лошадяхъ.

Качкина пашня была по межѣ за балочкой, гдѣ прошлымъ лѣтомъ была толока. А въ полуверстѣ, въ ложбинѣ, была попова земля, ходившая въ прошломъ году подъ гарновкой. Передъ завтракомъ туда пріѣхали со стороны,

противоположной хутору, по колодезянской дорогѣ, чьи-то мужики съ боронами и тремя плугами.

Серега въ это время сѣялъ.

Пройдя лѣху, онъ снялъ мѣшокъ съ плеча, выпрягъ лошадь изъ бороны и поѣхалъ верхомъ къ поповому лану. А породистый жеребенокъ бѣжалъ слѣдомъ и, то и дѣло останавливаясь на загонѣ, подгибалъ длинныя переднія ноги, чтобы ущипнуть травы.

Поздоровавшись, Серега спросилъ:

— Видкиля, добрые люди?

— Курниковскіе.

— Сдалека... Что жъ, ближе земли нѣту, чи какъ?

Рыжій курносый старикъ вышелъ впередъ, махнулъ рукой и сказалъ:

— Ни жмени! Всю катеринославскіе нѣмцы забрали!

— Тутъ же какъ? Въ аренду, чи съ копы?

— Съ копы.

— А какъ?

— Да дорого: третья копа.

— Свезти?

— Гдѣ тамъ! И смолотить!.. Просили—хоть полову себѣ, не даетъ, Богъ съ нимъ. Цупкой попъ! Какъ ременяка...

— Значитъ, починаете сѣять?—спросилъ Серега.

— А вже жъ не въ кузьмирки гулять...

— Такъ вы, добрые люди, вотъ что: бросьте. А то тутъ, кромѣ грѣха, ничего не выйдетъ. Землю попу мы не дамо.

— Какъ-то такъ не дадите!—удивился курносый дѣдъ.— Если земля священника о. Кондратія!

— Земля наша, и жертвовали мы ее на церкву. Такую землю—ѣсть ее хочется! Отъ сердца оторвали... Думали пастырю... А вышло... Не дамо.

— А канцисторія!—сердито закричалъ дѣдъ.—Ишь ты! Не дамо! Разъ канцисторія разогрѣшеніе сдѣлала, такъ вашего дѣла тутъ чортъ-ма!

— Вы, добрые люди, вотъ что,—спокойно сказалъ Серега,—пора теперь рабочая, такъ вы ее ни намъ, ни себѣ не ганьте. Паняйте до дому.

И, сверкнувъ глазами, добавилъ:

— За землю горло перерву!

Курносый старикъ опять началъ кричать про консисторію и разогрѣшеніе. Но Серега ни слова ему не отвѣтилъ. Сѣлъ верхомъ и поѣхалъ вдоль по загону, гдѣ далеко, до горизонта маячили выѣхавшіе сѣять хуторяне. Черезъ полчаса къ поповой землѣ мчались верховые, вооруженные вѣхами и оглоблями. Завидѣвъ ихъ, курниковскіе мужики, бросили работу и поспѣшно уѣхали по колодезянской дорогѣ.

На другой день пріѣхалъ на хуторъ засѣдатель съ десятью казаками изъ станицы и увезъ съ собою Серегу, Нетипу, Карпа Рябого и Микитая.

Въ качкиной хатѣ стало жутко и тихо. Только ночью Тихонъ до разсвѣта стоялъ на молитвѣ и вслухъ читалъ канонъ. Передъ утромъ онъ вышелъ на токъ: что-то залаяла собака, и при мѣсяцѣ наткнулся въ соломѣ на Одарку съ Шейкинымъ солдатомъ. Ничего не сказалъ Тихонъ, когда Одарка вернулась въ хату. Только, блѣдный, прошепталъ:

— Господи... Да хоть бы жъ не въ великій постъ...

Одарка вызывающе тряхнула высокой грудью и сказала, нехорошо смѣясь:

— Ну, такъ я тебя разважу, чтобъ не журился: я на масницу еще больше гуляла!

Замолчалъ Тихонъ. Только душа, въ отвѣтъ на звонъ къ заутренѣ, рыдая, звала:

— Въ церковь... въ церковь... Нѣтъ иного пристанища...

Вошелъ Тихонъ въ алтарь, сталъ было кадило раздувать, но о. Кондратій, увидавъ его, побагровѣлъ и закричалъ:

— А, разбойничій братъ! Вонъ изъ храма!.. Чтобъ и духомъ Качкинымъ Божій храмъ отнюдь сквернился!.. На полгода отлучаю!

Тихонъ вышелъ изъ церкви, прислонился головой къ оградѣ и заплакалъ, надрываясь, какъ ребенокъ, брошенный матерью.

Кое-какъ отсѣялись. Подъ Благовѣщеніе Тихонъ съ Хомой вернулись съ поля—подъ курганомъ просо заскороживали. Надъ балкой спускался тихій, теплый вечеръ. Чулка, стоя въ оградѣ и, дергая за протянутую съ колокольни веревку, звонилъ къ вечернѣ. По просохшимъ, уже накатаннымъ дорогамъ и по зеленой площади тянулся народъ въ церковь.

Тихонъ въѣхалъ во дворъ. За сараемъ у плетня Одарка съ кѣмъ-то пересмѣивается. Ганна стоитъ у порога, опершись на коромысло и смотритъ вдаль остановившимся взглядомъ. А дѣдъ, отворяя ворота, уже сцѣпился съ Хомой. Стало такъ невыносимо тяжко—на ногахъ не устоишь... Палъ на землю передъ отцомъ:

— Тату, отпустите въ Кіевъ... Христа ради...

Дѣдъ сталъ браниться. А Тихонъ билъ землю лбомъ и, рыдая, говорилъ:

— Христа ради... Къ сѣнокосу вернусь... Останній разъ прошу...

И дѣдъ, наконецъ, ругаясь и брызгаясь слюной, отпустилъ.

На другой же день, рано утромъ, когда въ хатѣ еще спали, Тихонъ собрался въ путь. Прошелъ къ колодцу воды въ тыквочку набрать, а навстрѣчу изъ вербъ—Ганна. Вся юбка въ росѣ. На одно плечо свитка накинута. Пряди русыхъ волосъ изъ-подъ платка на лицо упали. У Бездоннаго плеса была.

Тихонъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ходимо, сестро, въ Кіевъ.

И Ганна—въ чемъ была—пошла съ Тихономъ по большой касьяновской дорогѣ.

Когда всходило солнце, были уже далеко. Шли по мягкой дорогѣ, обрамленной молодыми травами. На свѣтло-зеленыхъ кускахъ цѣлины пестрѣли красные и бѣлые тюльпаны; кругомъ зеленѣли пашни, и въ озимяхъ—уже грачъ прячется. Оглянулся Тихонъ назадъ—хутора уже не видно, только церковь дрожитъ въ воздухѣ, да вдали отъ нея еще не закрытая бугромъ купа вербъ надъ Бездоннымъ плесомъ зеленѣетъ... Покрестился Тихонъ, земной поклонъ положилъ и радостно засмѣялся:

— Какъ птичку изъ клѣтки, на Благовѣщенье выпустилъ меня батечко... Пошли ему, Господи, вѣку долгаго!..

А Ганна шла впереди, молча, не оглядываясь.

Передъ вечеромъ слѣдующаго дня подходили къ городу. Внизу у рѣки, на зеленомъ фонѣ займища, бѣлѣлъ окруженный высокими стѣнами монастырь. Многочисленные кресты его и окна сверкали при закатѣ. Тихонъ прослезился отъ радости:

— Параскева-пятница въ этой обители!..

А на горѣ у дороги—тюрьма, тоже бѣлая, а стѣна кругомъ еще выше монастырской.

Тяжело вздохнулъ Тихонъ:

— Горькіе братики въ клѣткахъ...

Ганна всмотрѣлась въ рѣшетки и, поблѣднѣвъ, схватилась за грудь, потомъ вдругъ бѣгомъ бросилась къ тюрьмѣ.

— Да куда жъ ты, сестро?—позвалъ Тихонъ, не поспѣвая за ней.

Но Ганна не слышала и уже подбѣгала къ воротамъ.

К. Треневъ.

И. СУРГУЧЕВЪ

Пѣсни о любви

Что прекраснѣй пѣсенъ о цвѣтахъ и звѣздахъ?
Всякій тотчасъ скажетъ: «пѣсни о любви»·
Изъ М. Горькаго.

Сезонъ уже кончался,—и въ отелѣ занято было только четыре комнаты. На владѣльца отеля, синьора Манфреда, двѣ вещи дѣйствовали угнетающе: во-первыхъ, когда дулъ сирокко, это проклятое порожденіе африканскихъ береговъ, и, во-вторыхъ, когда въ отелѣ было мало народу.

Каждое утро, вставъ съ зарею, онъ, какъ садовникъ—любимое дерево, обходилъ свой отель. Поищите-ка на островѣ лучшее мѣсто!

«Это не отель, а король»! думалъ Манфредъ и иногда, а особенно послѣ тѣхъ дней, въ которые иностранцы производили недѣльные расчеты, говаривалъ, кланяясь стѣнѣ, обращенной къ морю:—добраго утра, ваше величество! Какъ спали, ваше величество? Ночь была тихая и темная, ваше величество! Хорошо у насъ на островѣ, ваше величество! Понаѣхали иностранцы, кошельки у нихъ ничего себѣ, ваше величество! Вся утроба вашего величества полна. А вѣдь трудно переварить такой завтракъ, ваше величество? Семнадцать англичанъ, три дцать восемь нѣмцевъ, одиннадцать русскихъ и двадцать четыре американки!

Любилъ Манфредъ пошутить съ отелемъ, какъ съ живымъ существомъ, какъ съ близкимъ другомъ,—любилъ поразговаривать съ нимъ рано по утру, когда солнце, какъ красный удивленный, не моргающій глазъ, встаетъ изъ-за синихъ морскихъ воротъ и впервые озираетъ новый, еще не бывалый, только что рождающійся день.

Море—спокойно, утро—прохладно, и окна отеля отливаютъ холодноватой сталью. Все спитъ,—и еще бы не спать: въ этихъ желудкахъ переваривается хорошій обѣдъ, и Манфредъ вспоминаетъ вчерашнее меню: макароны по-неаполитански, спаржа съ голландскимъ сосусомъ, филе карамболь, цыплята съ салатомъ, ананасное мороженое и свѣжая земляника. И кофе,—душистый кофе съ Явы, секретъ котораго, кромѣ Манфреда, никому неизвѣстенъ въ Италіи! Придушивъ все это сигарами, подчасъ недурными, попробуйте не заснуть!

«А вино? — вдругъ вспоминаетъ Манфредъ: — вино, наше волшебное бѣлое вино? Кровь земли».

Вьется дымокъ кухни. Уже проснулся поваръ,—поджариваетъ хлѣбъ, нарѣзанный ломтиками. Это—необходимо къ утру, это особенно любятъ нѣмцы.

Ахъ, эти нѣмцы! Все хорошо: аккуратные, платятъ отлично, вѣжливые, любятъ свою родину, выписываютъ свои газеты, но слишкомъ много пишутъ открытокъ... И все пишутъ, пишутъ, и карандашами, и чернилами, а когда обѣдаютъ, пишутъ въ антрактахъ между блюдами.

«Много нѣмцевъ на свѣтѣ»! думаетъ Манфредъ.

Шевельнулась дверь на верхнемъ балконѣ, высунулась голова, и видно, какъ закрылись отъ наслажденія сонные глаза, какъ носъ потянулъ ароматъ апельсинныхъ цвѣтовъ.

«Номеръ двадцать четвертый. Докторъ. Одиннадцать лиръ,—соображаетъ Манфредъ,—начался день. Началась суета. Пора жарить кофе».

Уже давно разгорѣлась жаровня. Разставивъ ноги, сидитъ около нея Манфредъ и помѣшиваетъ на сковородкѣ жирныя, душистыя зерна. Все выше и выше поднимается солнце, — все сильнѣе и сильнѣе, какъ на увеличивающемся огнѣ, закипаетъ жизнь отеля.

Снуютъ камерьеры во фракахъ, щелкаютъ фотографическіе аппараты,—это все и стоя, и сидя, и обнявшись, и чокаясь бокалами, снимаются нѣмцы. Снявшись, собираются на прогулки и слащаво кричатъ другъ другу: ау!

Уже отерли камерьеры первый потъ. Ушли, перекликаясь, нѣмцы. Лѣниво допиваютъ кофе русскіе, прошатавшіеся гдѣ-то всю ночь. Надо готовить первый завтракъ. Что на завтракъ? Объ этомъ заботится жена,—быстро старѣющая Марія. Громкимъ голосомъ она читаетъ нравоученія повару Катальдо.

...Всѣ эти иностранцы представлялись Манфреду тѣми молоточками, которые куютъ счастье для единственной его дочери Еленуччи.

Всѣ они были двухъ сортовъ. Первый сортъ это тѣ, у которыхъ много чемодановъ: черныхъ, желтыхъ, коричневыхъ. Чемоданы эти—настоящіе кожаные, дорогіе, тяжелые: ихъ трудно нести на головѣ, въ нихъ наложено много вещей. Эти люди платятъ за пансіонъ по 11 лиръ, платятъ охотно, не торгуясь, и окна ихъ комнатъ всегда выходятъ на море, въ ту сторону, съ которой изъ-за синихъ воротъ на зарѣ выходитъ солнце. Жены этихъ людей отлично играютъ на піанино,—и вечера, когда играютъ на піанино, очень любитъ старикъ. Между женщинами бываютъ иногда прекрасныя,—но кто ихъ сравнитъ съ той?

Вечерами, когда такъ сладко кружится голова, что кажется: островъ плыветъ,—лѣзетъ Манфредъ въ свою кладовку,—такъ онъ называетъ память.

Конечно, въ отелѣ бываютъ прекрасныя женщины, но куда имъ до ней?

...Откуда-то... давно, изъ прекрасной земли, пріѣхала она одна, поселилась въ отелѣ: глаза ея были грустны, какъ струны, которыхъ не касается рука. Этого было достаточно, чтобы вскрикнуло молодое сердце. Марія всегда была чудесной и вѣрной женой, но не особенно хорошо, когда красны руки женщины, когда отъ волосъ попахиваетъ пережареннымъ масломъ и когда вмѣсто разговоровъ о любви она читаетъ нравоученія повару Катальдо: надо признаться, что бѣда ужъ не такъ велика, если нѣмцы съѣдятъ не совсѣмъ тщательно промытый салатъ.

И вотъ пріѣхала та.

Говорятъ, что звѣзды не такъ малы, какъ онѣ кажутся. Есть ученые, которые смотрятъ въ трубы и приближаютъ небо къ землѣ. Можетъ быть, это такъ и надо, чтобы писать потомъ толстыя книги для студентовъ. Но Манфредъ знаетъ: уменъ тотъ, кто смотритъ издали соборъ въ Орвіетто и видомъ Рима любуется съ Еникульскаго холма. Не надо приближать небо къ землѣ. Если о небѣ нужны земныя слова, то пусть будетъ оно синимъ моремъ, а звѣзды—островами серебряными. Скучноваты, таки, люди, все знающіе. Хорошо, если бы звѣзды время отъ времени падали на землю, разсыпаясь, но не плохо, если онѣ останутся на небѣ. Звѣздное небо, синее море, бѣлые паруса, соколы,—все это не такія вещи, которыя могутъ скоро наскучить.

Прекрасно полѣзть въ свою кладовку, когда нѣмцы засыпаютъ и остаешься одинъ въ саду, когда видишь, какъ золотой огонекъ сигаретты медленно, но вѣрно приближается къ губамъ.

Изъ кладовки тихо выходятъ старыя тѣни и спрашиваютъ:

— Это ты, Манфредъ?

— Я.
— А Марія?
— Марія спитъ.
— Ты меня любишь?
— Люблю.
— А Марію?
— Я могу любить только одну.
— Иди ко мнѣ.
— Иду.
— Цѣлуй меня.
— Цѣлую.
— Любишь?
— Люблю.

И до сихъ поръ съ каждымъ пароходомъ ждетъ Манфредъ: а вдругъ въ отчалившей лодкѣ покажется знакомое лицо? И потому всѣ люди острова привыкли удивляться: почему старикъ Манфредъ, имѣя трехъ бойкихъ комиссіонеровъ, говорящихъ и по-французски, и по-англійски, и по-нѣмецки и даже немного по-русски,—почему онъ самъ всегда приходитъ къ пароходу? Почему на немъ—всегда длинный сюртукъ, черный бархатный жилетъ, и галстухъ стариннаго образца, обвернутый два раза вокругъ мягкаго воротника?

...Есть другой сортъ пассажировъ. У этихъ—чемоданы картонные, оклеенные желтымъ коленкоромъ; женщины у нихъ носятъ обувь со сбившимися каблуками. За пансіонъ они платятъ по восьми лиръ, торгуются до слезъ, а за обѣдомъ наровятъ взять куска по три каждаго кушанья и часто обходятся безъ вина.

Самый плохой мѣсяцъ іюнь: пустъ отель.

Снявши черный сюртукъ, аккуратно, подкладкой вверхъ, сложивъ черный, двухбортный жилетъ; тщательно разгладивъ свой старинный атласный галстухъ,—Манфредъ цѣлыми днями пропадаетъ въ кафе,—у стараго сосѣда Ми-

келе. Этотъ Микеле видывалъ въ своей жизни бурные дни.

Когда-то онъ былъ бѣднымъ, теперь же его не купишь за полмилліона. Манфредъ слушаетъ его разсказы и совсѣмъ не видитъ, что дѣлается съ его дочерью, съ его единственной наслѣдницей, богатѣйшей невѣстой на всемъ островѣ—Еленуччей. Ничего не видитъ.

II.

Въ третьемъ этажѣ жилъ какой-то русскій.

Богъ его знаетъ, что это за страна—Россія. Манфредъ въ послѣднее время часто бралъ въ руки карту, вырванную изъ путеводителя. Вотъ Франція,—этому можно повѣрить. Вотъ Германія,—этому можно повѣрить. Но Россія... Что такое Россія? Трудно, почему-то повѣрить, что есть такая страна: Россія.

Русскій платилъ за пансіонъ девять лиръ, но зато выпивалъ каждый день по бутылкѣ хорошаго вина. Это обнаруживало въ немъ порядочность, и онъ нравился Манфреду. И чемоданы у него были такіе, о которыхъ можно сказать надвое: не то они кожаные, не то коленкоровые.

Еленуччѣ было 15 лѣтъ, и ей, прежде всего, понравилось, какъ этотъ русскій стучитъ каблуками, когда идетъ по лѣстницѣ. Много людей живало въ отелѣ, но всѣ они не такъ ходили по лѣстницѣ: или сбѣгали, шлепая подошвами по мраморнымъ ступенямъ, или тяжело, какъ мѣшки, втаскивались вверхъ. Русскій ходилъ особенно: какъ-то такъ ударяя каблуками, что мраморъ отзывался четко и безъ эха. Еленучча рѣшила, что такъ ходятъ короли, и говорила иногда самой себѣ:

— У насъ въ отелѣ живетъ король.

Еленучча ходила всегда во всемъ бѣломъ: бѣлыя туфли, короткая юбка и батистовая, слегка прозрачная кофточка: то съ краснымъ воротникомъ, то съ синимъ. Красный шелъ ей больше, и потому по утрамъ, ожидая, когда застучатъ знакомые шаги, она всегда надѣвала красный. Нѣмцы всѣ встаютъ рано, и въ половинѣ девятаго то и дѣло слышится слово:

— Моргнъ!

Русскій спитъ долго; то до десяти, то до одиннадцати,— и когда выходитъ въ столовую, ни съ кѣмъ не здоровается: это Еленуччѣ очень нравится. Чего, въ самомъ дѣлѣ, желать здоровья людямъ неизвѣстнымъ? А вдругъ среди нихъ есть и плохіе? Значитъ, и плохіе пусть долго живутъ? Этого не должно быть. Плохимъ смерть.

Часовъ съ десяти сидитъ Еленучча въ маленькомъ коридорчикѣ, въ углу, на красномъ диванѣ, и терпѣливо ждетъ,—и вотъ наверху послышались не спѣшащіе, четкіе шаги. Кровь приливаетъ къ щекамъ, больно бьется сердце, и рука машинально поправляетъ распущенные по плечамъ волосы.

Шаги приближаются,—и Еленучча уже не въ силахъ сидѣть: она соскакиваетъ съ дивана и становится въ уголъ, какъ наказанная. Онъ идетъ заспанный, но лицо отъ умыванія свѣжее, волосы—влажные, тщательно зачесанные на бокъ: это пока, а потомъ они просохнутъ и распадутся по всему лбу. Онъ привыкъ видѣть Еленуччу въ углу и привѣтствуетъ ее особымъ жестомъ, не наклоняя головы.

Столъ его—въ углу.

Еленучча, тайкомъ отъ лакея, ставитъ ему свѣжіе цвѣты, выбираетъ для нихъ самый лучшій бокалъ и потомъ украдкой, насторожившимся глазкомъ, наблюдаетъ: видитъ ли онъ прекрасные цвѣты? Онъ видитъ, и она отъ

радости, потихоньку, внутренно смѣется и думаетъ: «такъ и быть. Завтра сорву ему фіолетовые».

Еленучча не боялась ни отца, ни матери. Мать ее любитъ, потому что—мать, а отецъ за то, что она похожа на него. Но теперь Еленуччѣ становилось порою страшно: а вдругъ кто-нибудь потихоньку накроетъ ее какъ разъ въ то время, когда она въ щелочку подсматриваетъ за русскимъ,—мысль о томъ, что могутъ увидѣть, обдавала ее холодомъ.

Она думала:

— «Зачѣмъ смотрѣть тайкомъ? Пойду, стану у двери и буду видѣть, какъ онъ пьетъ кофе и читаетъ газеты».

Но... была особая сладость въ томъ, чтобы смотрѣть на него тайкомъ, въ расщелину двери, и часто она цѣловала ее, эту дверь, какъ икону, и называла милой.

...Росли косы—ничего, но вотъ растетъ грудь,—это стыдно. Когда она, Еленучча, идетъ за марками въ табачную лавку, то, кажется, вся площадь: и аптекарь, и парикмахеръ и иностранецъ съ красной книжкой,—всѣ смотрятъ ей на грудь. И потомъ нужно сказать, чтобы портниха шила юбку подлиннѣе: слишкомъ видны колѣна, когда идешь, а развѣ это хорошо, когда на площади аптекарь, и парикмахеръ и иностранецъ?

Что хорошаго въ этомъ островѣ? Круглый годъ, каждый день пріѣзжаютъ сюда эти иностранцы. Что они смотрятъ? Что нужно здѣсь ему, русскому? Эта башня съ часами? Но что хорошаго въ старыхъ камняхъ? Море? Оно хорошо потому, что по немъ, сѣвъ на корабль, можно уѣхать далеко. Горы? Но съ нихъ хорошо только видѣть, какъ по морю можно уѣхать далеко. И весь смыслъ жизни въ томъ, чтобы уѣхать отсюда далеко.

Оказывается,—иностранецъ съ красной книжкой стоитъ уже близко и смотритъ не моргая, и лицо у него такое, будто ему пить хочется, а попросить страшно. И вотъ

глаза его останавливаются на томъ мѣстѣ, гдѣ грудь. Ага! Тебѣ нужна грудь?

И Еленучча сдѣлавъ презрительное, холодное лицо, идетъ мимо него. Она уже научилась при походкѣ такъ шевелить плечами, что груди колышатся при движеніи. Для этого нужно притянуть назадъ рубашечку. И однажды она вслѣдъ себѣ слышала слова:

— Какъ двѣ рыбки.

Она сначала не поняла, но потомъ поняла, покраснѣла и не оглянулась.

Вотъ почтенный Микеле. Раньше онъ не замѣчалъ ея,— а почему теперь и встрѣчаетъ, и провожаетъ, и угощаетъ каштанами?

— Какъ двѣ рыбки? Это хорошо. Пусть будутъ рыбки.

И ночью, когда всѣ спятъ: весь островъ, все море, все небо, всѣ гроты, всѣ черти, всѣ ангелы, всѣ сирены,— Еленучча потихоньку открываетъ свѣтъ и разсматриваетъ себя въ зеркало.

Что, собственно, хорошаго въ этой дѣвчонкѣ? Волосы? Руки? Черные глаза? Синіе—лучше. Плечи? Узенькія. Ноги? Правда, стройныя, но ихъ приходится закрывать: иначе нельзя. Еленучча, самодовольно улыбаясь, дѣлаетъ движеніе и груди шевелятся: это хорошо. Потихоньку гладитъ она ихъ руками и говоритъ:

— Милыя мои рыбочки, милыя. Пусть онъ васъ полюбитъ. Кто? послѣ паузы спрашиваетъ она сама себя и живо, шопоткомъ отвѣчаетъ:—онъ. Русскій. Король.

Ночь прохладная и широкая. Что стоитъ оттолкнуть ставню и вылѣзть въ окно? Взять камушекъ и швырнуть его черезъ окно къ нему въ дверь? Хорошо было бы, если бы этотъ камушекъ попалъ ему въ носъ. Проснулся бы и подумалъ: это шутитъ чортъ.

...Сколько разныхъ суетливыхъ мыслей пробѣжитъ въ

головѣ, когда смотришь, какъ человѣкъ пьетъ кофе—и, наклонивъ голову, читаетъ газету.

Послѣ кофе онъ сворачиваетъ эту газету и идетъ въ гостиную. Тамъ онъ подходитъ къ піанино и, не садясь, трогаетъ правой рукой клавиши и струны словно высовываютъ изъ чернаго ящика свои невидимыя головки,—и то радуются, то скажутъ что-то грустное. А онъ стоитъ и, опустивъ глаза, думаетъ и тогда непонятно: почему сжимается сердце? откуда влѣзаетъ въ голову непріятный, ненужный вопросъ:

— О чемъ онъ думаетъ?

Мало ли есть на землѣ средствъ, чтобы отдѣлаться отъ непріятныхъ мыслей? Можно засвистать пѣсенку, можно пересмотрѣть старыя открытки, можно поиграть въ мячъ, можно подразнить сосѣдскаго попугая, можно, наконецъ, уйти къ подругѣ Маріи,—но эту мысль трудно вышибить изъ головы:

— О чемъ онъ думаетъ?

Если бы онъ взглянулъ ласково...

И Еленучча тихонько показывается въ двери.

Онъ оборачивается и смотритъ: ласково, долго. Онъ даже что то говоритъ на какомъ то проклятомъ языкѣ. Еленучча проситъ:

— Sonare...

А онъ спрашиваетъ:

— Что?

Еленучча повторяетъ:

— Sonare!

Онъ не понимаетъ. Еленучча нетерпѣливо дергаетъ плечикомъ: какъ это можно не понимать такого простого слова! Сердясь на непонятливаго человѣка, она протягиваетъ свои десять пальчиковъ и шевелитъ ими по невидимымъ клавишамъ.

Онъ понимаетъ: нужно играть.

«Ну вотъ,—думаетъ Еленучча:—слава тебѣ, Господи»! Онъ садится къ піанино.

Минуту спустя, начинается музыка, тревожная и сильная и, какъ отъ ладана, которымъ кадятъ только въ великіе праздники, начинаетъ кружиться голова, хочется закрыть глаза, хочется обезсилѣть, хочется, чтобы ктонибудь поднялъ тебя и на рукахъ, убаюкивая, несъ далеко, въ горы, несъ бы цѣлый день, и безсильные, ничѣмъ не сдерживаемые, распустились бы волосы и шелковыя ленты упали бы на землю, пусть бы онъ потопталъ ихъ ногами...

И когда кончается эта музыка; когда онъ, оглянувшись и уже не увидѣвъ Еленуччи, уходитъ, она тихонько показывается изъ-за стѣнки, за которой спряталась, на цыпочкахъ приближается къ піанино и смотритъ въ заглавіе нотъ, и читаетъ непонятныя слова:

— Тангейзеръ. Увертюра.

III.

Часто онъ приходилъ въ общую гостиную, когда тамъ никого не было. Газеты его, которыя онъ оставлялъ потомъ на диванѣ, были странныя, напечатанныя странными буквами.

— Что за буквы? Что за слова?—думала Еленучча и, какъ близорукая, прислоняла къ глазамъ эти строки,— напечатанныя въ далекой, загадочной странѣ. Казалось, что тамъ, въ Россіи, нѣтъ такихъ домовъ, какъ у нихъ, на островѣ, нѣтъ такихъ женщинъ, нѣтъ такихъ дѣвочекъ, какъ она. Тамъ—все не то.

Входилъ онъ въ читальню,—она выбѣгала на террасу и стояла,—страшно было заглянуть въ комнату. А за-

глянуть хотѣлось—и Еленучча тихонько подкрадывалась къ двери, думала: «посмотрѣть ли?»—и потомъ смотрѣла. Пиджакъ у него—синій, плечи—широкія, волосы—пышны спереди, но съ лысинкой на макушкѣ. И Еленуччѣ дѣлается скучно.

«Лысый!—думаетъ она съ неудовольствіемъ:—лы-сый!»

И невольно вспоминается нѣмецъ изъ 23 №. Тотъ—молодой, съ густыми, маслянистыми волосами.

«А этотъ—лысый, старый!—думаетъ Еленучча:—и что я нашла въ немъ хорошаго?» И ей хотѣлось бы, чтобы онъ ей не нравился. Такъ хорошо и спокойно было бы, если бы онъ ей не нравился. Опять все пойдетъ по-старому: какъ хороша прежняя жизнь!

Она идетъ къ цвѣтамъ, которые растутъ въ ящикахъ на заборѣ, и, пробуя рукой землю, напѣваетъ:

— Онъ мнѣ не нравится. Онъ мнѣ не нравится. А цвѣты нужно полить, потому что земля сухая.

Слышно, какъ отецъ, отдыхающій послѣ завтрака, съ просонья говоритъ матери:

— Еленучча сочинила пѣсню,—говоритъ и смѣется.

— И я его не люблю!—напѣваетъ Еленучча мотивъ, но слова произноситъ только въ умѣ, мысленно: она и слова рада пѣть, но проснулся отецъ. Услышитъ ихъ и мать. Мать... Она—старая и милая. Она такъ хорошо причесываетъ волосы. Еленучча ставитъ лейку на полъ и бѣжитъ въ свою комнату посмотрѣть въ зеркало: какъ хороши ея волосы. Они—длинные и на концахъ волнистые, распущены по плечамъ и вплетены въ нихъ мягкія, шелковыя ленты: купленныя въ Неаполѣ, въ пассажѣ.

Еленучча глядится въ зеркало и вдругъ, словно неожиданно, вспоминаетъ:

— А я ему нравлюсь,—снова только мысленными словами напѣваетъ она,—и ему хочется поговорить со мной.

И вдругъ явилась смѣлость,—побѣжала опять къ двери,

сперва потихоньку взглянула: въ читальнѣ никого, только онъ сидитъ у піанино и играетъ тихо, спустивши модераторъ. Плечи—широкія, пиджакъ—синій. Играетъ еле слышно, снова задумался, голову поднялъ вверхъ, мечтаетъ.

«А можетъ быть я ему и не нравлюсь?—внезапно думаетъ Еленучча, и мотивъ вдругъ ускользаетъ изъ памяти.—Можетъ быть ему нравится другая? Можетъ быть онъ сейчасъ думаетъ о другой? Можетъ быть, это онъ ей сейчасъ играетъ? Чѣмъ тише музыка, тѣмъ она слышнѣе сердцу! Такъ кто сказалъ? Отецъ?»

И Еленучча, сразу рѣшившись, достаетъ изъ-подъ ящика кусочекъ засохшей штукатурки, хочетъ прицѣлиться въ широкую спину, но попадаетъ въ клавиши,— убѣгаетъ и, какъ бѣлая ящерка, прячется въ саду и закрываетъ лицо руками, странно, съ перерывами, бьется сердце и, почему-то, глубоко стыдно. Она ругаетъ себя: зачѣмъ она это сдѣлала? А вдругъ онъ разсердился? Можетъ быть поморщился? Можетъ быть, подумалъ: «глупая дѣвчонка».

Долго тянется день,—будто онъ хромой, будто онъ ходитъ на костыляхъ. Будто очень не хочется ему умирать,— и Еленучча проситъ:

— Солнышко! Умри поскорѣе! Пожалуйста! Будь умненькимъ!.. Лѣзь въ гробъ!

Солнце подумало и начало морщиться, а потомъ и умерло, полѣзло въ гробъ.

... Сначала начали растоплять плиту, потомъ протащили въ корзинахъ провизію. Какая мерзость это красное, кровавое мясо! Поваръ Катальдо полосуетъ его отточеннымъ, словно серебрянымъ ножемъ, рѣжетъ рыбу, крошитъ зелень. Горитъ огонь, у плиты жарко, хлопочетъ тутъ же мать: нужно, чтобы все было чисто; нужно, чтобы иностранцы были довольны; нужно, чтобы не разсердился Манфредъ.

Прозвонили два раза. Сейчасъ раздадутся шаги. Вотъ спускаются двѣ нѣмки-старухи: двѣ вѣдьмы. Вотъ тащится профессоръ, который пишетъ здѣсь драматическую поэму. А вотъ и онъ: онъ всегда позже всѣхъ. И, затаивъ дыханіе, встрѣчаетъ его изъ своего уголка Еленучча. Къ вечеру на ней опять красныя ленты и красный воротникъ.

Онъ взглянулъ ласково и улыбнулся и, какъ утромъ, послалъ рукой привѣтъ.

Все время стоитъ она въ потемнѣвшемъ саду и смотритъ: какъ онъ ѣстъ, какъ пьетъ вино, какъ разсматриваетъ цвѣты, цвѣты фіолетовые,—онъ трогаетъ ихъ рукою, трогаетъ нѣжно и осторожно, каждый стебелекъ: хорошая, славная душа. Вѣроятно, прекрасная страна эта Россія. Долго ли плыть туда по морю? Большіе ли ходятъ туда корабли?

Потомъ Еленучча думаетъ:

«Знаетъ ли онъ, кто бросилъ штукатурку?»—и отвѣчаетъ сама себѣ: «не знаетъ. Откуда ему знать?»

Тихо ходитъ, вся бѣлая, Еленучча въ потемнѣвшемъ саду. Кругомъ вдоль дорожекъ растутъ цвѣты, теперь задремавшіе,—помощники любви. Сладко пахнетъ,—это цвѣтетъ какое-то дерево у сосѣда аббата, привезенное изъ Африки.

Еленучча вспоминаетъ: и у нихъ въ саду есть дерево, плоды котораго еще не поспѣли,—и она идетъ къ нему, осторожно раздвигая кусты. Тутъ еще темнѣе. Отецъ бережетъ дорогой огонь и повернетъ садовый выключатель только тогда, когда иностранцамъ подадутъ фрукты,—сегодня землянику.

Еленучча находитъ впотьмахъ дерево, становится на скамейку, притягиваетъ къ себѣ упругую вѣтвь, срываетъ одну за другой, сжимая въ ладони, ягоды. Сорвала,—и вдругъ стало скучно.

«Бросить опять? Хватить его по лбу? Скажетъ: какая

наглая, навязчивая дѣвчонка—эта Еленучча. А кто полюбитъ наглую дѣвченку? А вдругъ пожалуется отцу и скажетъ ему такія слова: ваша Еленучча бросаетъ мнѣ въ лобъ твердыя ягоды. Или скажетъ: ваша Еленучча испортила мнѣ синій пиджакъ,—пожалуйте мнѣ за него деньги, сто лиръ».

Эти слова приводятъ Еленуччу въ радостное настроеніе, и она, словно ее оставили силы, опускается на скамью и восторженно думаетъ:

«Онъ? Скажетъ? Этотъ русскій? Онъ потребуетъ сто лиръ? Онъ заговоритъ о деньгахъ?»

Вспоминаетъ Еленучча, какъ онъ, гуляя въ саду послѣ завтрака, сорвалъ въ саду цвѣтокъ, положилъ его себѣ на ладонь и долго смотрѣлъ на него, какъ на ребенка. Тогда хотѣлось крикнуть:

— Это ваша дочка? Да?

Но крикнуть нельзя было, потому что это неприлично.

... Видны настежь растворенныя окна столовой. Видно, какъ тамъ, съ блюдами въ рукахъ, бѣгаютъ лакеи и ихъ помощникъ, мальчишка Пасквалино. Уже разносятъ жаркое. Пасквалино подаетъ салатъ. Этому мальчишкѣ, вчера еще бѣгавшему у моря въ порванныхъ, сѣрыхъ и короткихъ штанахъ, удивительно хочется походить на взрослаго лакея. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ салатникъ, правую закладываетъ на спину и важно наклоняется къ столу, засматривая обѣдающему въ глаза.

Теперь «этотъ русскій» ѣстъ цыпленка. Очень трудно ѣсть цыпленка! Надо его и ножомъ рѣзать, и потомъ брать косточку въ руки, а тутъ еще—салатъ, хлѣбъ, вино. Приходится возиться со многими вещами. Еленучча замѣчала, что когда подаютъ на жаркое птицу, то какъ-то стихаютъ шумные разговоры.

«Теперь только его и смазать!» думаетъ Еленучча и, наконецъ, рѣшается.

Тихо, какъ въ комнатѣ со скрипучимъ поломъ, она поднимается и по влажноватой землѣ идетъ на цыпочкахъ.

Садъ совсѣмъ спитъ: тихій, сладкій сонъ. Спитъ, должно быть, и море—и только выспавшіяся за день звѣзды закидываютъ съ высоты въ воду свои тонкія, серебристыя, лукавыя удочки. Немного спустя, выйдетъ на середину главный хозяинъ неба и наброситъ на море большую, хитросплетенную, странную сѣть.

Тѣни оконъ лежатъ на землѣ квадратами, удлиненными вправо. Шагнуть изъ темноты въ такой квадратъ все равно, что съ земли попасть въ воду. Еленучча, держась рукою за стѣну, тихонько высовываетъ изъ темноты на свѣтъ свою ножку, словно испытывая: а вдругъ кто увидитъ? А вдругъ онъ увидитъ? А вдругъ отецъ увидитъ?—и она пугливо оглядывается. Никого. Еленучча передвигается дальше, въ свѣтъ яркаго квадрата, и вотъ уже виденъ онъ. Въ стаканѣ у него, до половины, вино. Сегодня онъ пьетъ красное. Сегодня изъ Флоренціи получены плетеныя бутылки.

Надо спѣшить, пока нѣтъ никого,—и вотъ вся Еленучча, бѣлая, изящная, съ красными лентами въ распущенныхъ волосахъ,—на свѣту. Изъ лѣвой горсточки она беретъ ягоду, самую маленькую,—ту, которая не ударитъ больно,—и вдругъ въ это мгновенье онъ поворачивается къ окну. Онъ видитъ ее, онъ улыбается и опускаетъ стаканъ, уже поднесенный ко рту. Нѣтъ уже силъ отступить назадъ въ темноту, и тихо выпадаетъ изъ рукъ скользкая ягодка.

Вдругъ онъ снова поднимаетъ вровень съ головой наполовину красный стаканъ и дѣлаетъ знакъ, что пьетъ за ея здоровье, и она тихонько, чтобы было не слышно, отвѣчаетъ ему:

— Благодарю, благодарю!

И, попадая то изъ свѣта въ темноту, то изъ темноты въ свѣтъ, бѣжитъ мимо оконъ къ воротамъ, отъ воротъ—

по узенькому переулочку, изъ переулочка—по неширокой аллеѣ, съ неширокой аллеи—на широкую, а тамъ—по старой, развалившейся крутизнѣ спускается, царапаясь о кусты, къ морю и уже смѣло, слышно говоритъ, поворачиваясь къ отелю:

— Благодарю!

Все ближе и ближе море: вотъ уже и вѣтеръ, вотъ развалины монастыря,—сегодня не пятница? Сегодня вторникъ: значитъ привидѣніе вонъ изъ головы, можно спокойно ползти внизъ; отель все дальше и дальше, все выше и выше,—и Еленучча уже кричитъ, потому что никто не подслушаетъ:

— Благодарю! Благодарю!

Въ первый разъ она благодаритъ любимаго,—какой восторгъ!

А море тихое и спокойное: спокойно покоряется тому, что звѣзды забросили въ его глубину свои скользкія, серебряныя, вѣчныя, чуть замѣтныя удочки.

Скоро, черезъ полчаса, дома хватятся,—Еленуччу будутъ искать. Пусть ищутъ. Кто же можетъ быть дома, на свѣту, когда такъ бьется сердце? Первая замѣтитъ мать. Скажетъ тревожно: «Еленуччи нѣтъ?»

А развѣ можно доводить дѣло до того, чтобы замѣтили, какъ бьется сердце?

— Нельзя!—тихо, секретно отвѣчаетъ Еленучча, покачивая головой.—Нельзя! Вѣдь, правда, нельзя?—спрашиваетъ Еленучча у моря.

Море спитъ, молчитъ. Звѣзды дѣлаютъ съ нимъ все, что хотятъ.

— Нельзя? Слушай, ты!—еще разъ обращается Еленучча къ нему, и, чтобы нарушить сны, бросаетъ въ воду камень.—Рѣшено! Нельзя!

Камень словно растаялъ и расплылся темнымъ, торо-

пливымъ кругомъ, но море только вздохнуло и не проснулось: должно быть, хороши сны.

Еленучча сердится и бросаетъ еще камень: большій. Кругъ расплывается еще шире и еще торопливѣе, но всплескъ, показалось, былъ сонливѣе и неохотнѣе,—и опять нѣтъ отвѣта.

«Не съ кѣмъ поговорить!» думаетъ Еленучча и добавляетъ: «проклятый островъ»,

И вдругъ вспоминаетъ Мадонну,—ту, что стоитъ въ гротѣ, вся въ лиліяхъ.

Надо завтра вечеромъ пробраться къ Мадоннѣ. Надо понести ей лилій. Мадонна любитъ лиліи. На одной картинѣ, которую любитъ отецъ, нарисовано: Мадонна вознеслась на небо, а гробница ея наполнилась лиліями. Стоятъ кругомъ лысые апостолы и сложили руки въ изумленіи. Лилій, лилій ей, Мадоннѣ!

А почему непремѣнно нужно итти къ самому гроту? Развѣ отсюда Мадонна не услышитъ? Мадонна слышитъ и видитъ все, что дѣлается на землѣ.

И говоритъ Еленучча покорно:

— Сдѣлай меня счастливою, Мадонна! Сдѣлай меня счастливой! Я обѣгу весь островъ, я сорву всѣ лиліи, какія есть на островѣ. Если не позволятъ, я украду, но я всѣ ихъ принесу тебѣ. Сдѣлай меня счастливой! Ты знаешь, о чемъ я прошу тебя. Ты все знаешь. Ты все видишь. Ты все слыщишь.

IV.

Еленучча знаетъ, что послѣ обѣда онъ всегда ходитъ гулять. Такъ же, какъ и она, онъ сначала пойдетъ по узенькому переулку, потомъ свернетъ на неширокую дорожку,

потомъ на широкую аллею, потомъ сядетъ на площадкѣ, сниметъ шляпу и будетъ долго смотрѣть на море.

«А, можетъ-быть, сверху увидитъ меня?—думаетъ Еленучча и еще думаетъ:—меня трудно не увидѣть. Я—бѣленькая».

Она смотритъ вверхъ и различаетъ конусы горъ, торчащіе кактусы, темно-сѣрыя волнистыя полотнища дороги. Всѣ боятся ночью ходить по этой дорогѣ,—Еленучча ничего не боится. Ей даже хочется послушать сиренъ: говорятъ, что онѣ поютъ, когда поднимается вѣтеръ: не то трамонтано, не то сирокко.

Стоитъ тишина, странная, особенная. Кажется, что кто-то затаилъ дыханье,—и все больше и больше набирается воздуху въ его грудь, все труднѣе и труднѣе сдерживать это дыханіе, но островъ крѣпится, не хочетъ дышать, боится шума: караулятъ его двуокіе огни. Пусть шумъ будетъ въ далекихъ городахъ!

Становится прохладно, Еленучча подбираетъ подъ платье ноги и думаетъ: вотъ скоро она надѣнетъ длинное платье, будетъ невѣстой, будетъ самой красивой дѣвушкой острова. Кто сравнится съ нею? У кого такіе волосы? Такія брови? Такія губы? Губы—красныя и горячія. Кто бы не хотѣлъ ихъ поцѣловать?

— Кто бы не хотѣлъ ихъ поцѣловать?—мечтательно говоритъ Еленучча.

Еленучча знаетъ, кого она хочетъ поцѣловать.

— Укусила бы ему губы!—думаетъ она; ей смѣшно и опять не страшно, хотя и море, и сирены тутъ, неподалеку.

Еленучча нащупываетъ около себя камень, большой, тяжелый, гладкій и думаетъ: «убить можно человѣка» и вдругъ съ отвращеніемъ отталкиваетъ его ногой: никого не нужно убивать.

...Тихо, тихо: не дышитъ, притаился островъ, будто

бы захотѣлъ, чтобы его всѣ забыли. И вдругъ—шаги. Кто-то идетъ сверху.

Еленучча замерла.

— Неужели?

Насторожились глаза, остро вцѣпились вверхъ: кто-то идетъ.

«Неужели онъ? — родилось предположеніе и радостное, и страшное:—онъ увидѣлъ ее издали»?

Онъ идетъ сюда? Господи Боже! Куда же нужно бѣжать? Куда?

Бѣжать никуда не надо. Надо только итти вдоль берега, итти поскорѣе,—и онъ никогда не нагонитъ ея. Развѣ угонятся его ноги за ея бѣленькими туфлями?

Надо бѣжать,—шаги все ближе и ближе; но почему же тайно такъ хочется, чтобы онъ увидѣлъ, какъ она бѣжитъ, куда, въ какую сторону?

Шаги слышнѣе. Скатываются и хрустятъ подъ скользящими ногами мелкіе камни. Ясно, что онъ увидѣлъ ее: зачѣмъ бы ему въ этакую пору итти сюда?

Она убѣжитъ у него подъ самымъ носомъ, какъ только онъ подойдетъ на разстояніи пяти шаговъ.

И вдругъ:

— Еленучча! Это вы?

Его голосъ.

Низко пригнулась, потомъ немного выпрямилась,— нельзя иначе: такъ бьется сердце.

А голосъ, заглушающій шаги, еще ближе.

— А тамъ весь отель отправился на поиски, говоритъ онъ:—профессоръ съ женой пошелъ въ одну сторону, англичанинъ —въ другую. А я, почему-то, думалъ, что вы побѣжите къ морю.

— Это вы? Ну, конечно, вы. Я издали увидѣлъ ваше платье. Сегодня море свѣтится.

И онъ совсѣмъ близко отъ нея, онъ беретъ ее за руки

и не отрываетъ ихъ она,—только прячетъ лицо свое въ изгибѣ,—тамъ, гдѣ локоть.

— Что съ вами, Еленучча? Вы плачете? Васъ напугали сирены?

Ахъ, какой онъ смѣшной! И Еленучча тихонько смѣется: чего бы это она плакала?

— Или вы смѣетесь, Еленучча?—говоритъ онъ и какъ будто стыдится своего перваго предположенія: —васъ не разберешь.

И выходитъ еще смѣшнѣе: онъ плохо говоритъ по-итальянски,—очень плохо, въ особенности, не выходитъ у него буква i.

Онъ начинаетъ тихо гладить своею ладонью далеко открытую руку и говоритъ:

— А Еленуччу ищутъ... Ищутъ...

— Ну и пусть ищутъ!—говоритъ она смѣшливо: ахъ, какъ плохо говоритъ онъ по-итальянски!

— Еленуччу ищутъ,—словно не зная или не находя другихъ словъ, повторяетъ онъ и вдругъ говоритъ на неизвѣстномъ языкѣ,—вѣроятно на своемъ, русскомъ:— милая Еленучча...

Она вздрогнула и прислушалась къ неизвѣстному, а онъ еще разъ говоритъ:

— Милая Еленучча...

Еленучча не любитъ ничего непонятнаго: она поднимаетъ голову, широко раскрываетъ глаза и спрашиваетъ:

— Milaja? Che cosa «milaja»?

— Что такое милая, спрашиваешь ты? опять на непонятномъ языкѣ говоритъ онъ,—развѣ ты не понимаешь, что такое: «милая»?

— Parlate italiano,—отвѣчаетъ капризно Еленучча:— non capisco.

— Ты хочешь, чтобы я говорилъ по-итальянски?— и онъ снова дразнитъ ее непонятными, неуклюжими сло-

вами:—ты не понимаешь? А развѣ ты не чувствуешь, что мнѣ давно уже хочется поцѣловать тебя? Я давно уже замѣтилъ тебя,—твои глаза, твои ручки, открытыя до локтя, твои бѣлыя туфельки и стройныя ноги, милая...

Опять сказано это слово: «milaja». Почему оно такое странное? Почему оно, непонятное, волнуетъ Еленуччу,— даже легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу? Всѣ слова, все непонятное, протекло какъ вода,—почему это слово остановилось въ мозгу? Почему такъ мучительно хочется поскорѣе узнать его смыслъ—и она спрашиваетъ еще разъ:

— Che cosa milaja? Dite, signore,—prego.

А онъ потихоньку наклоняется къ ней и цѣлуетъ ея глаза: сначала—правый, потомъ—лѣвый, и все на томъ же непонятномъ языкѣ объясняетъ:

— Вотъ что значитъ: милая.

И она услыхала,—теперь онъ тоже сказалъ: «milaja». Она замѣчаетъ это и ей очень нравится. Нужно было бы вырваться, нужно ругаться: онъ поцѣловалъ ее. Какъ смѣетъ? Кто позволилъ? Развѣ она подала поводъ? Но онъ такъ нѣжно сказалъ: «milaja». И опять низко опускается голова. Онъ тихонько беретъ эту головку и опять поднимаетъ ее и цѣлуетъ въ губы и въ покорные глаза,—и что за чудо? Онъ такой большой, такой широкоплечій, пришедшій изъ неизвѣстной страны, дѣлается самымъ близкимъ на землѣ: вотъ онъ сейчасъ стоитъ около нея и она не можетъ вспомнить, какое лицо у отца и какой голосъ у матери? И нѣжной, не окрѣпшей рукой, она близко привлекаетъ его къ себѣ и слышитъ онъ ея частое, прерывающееся дыханье и не можетъ разобрать тѣхъ словъ, которыя она говоритъ, когда цѣлуетъ,—и только прорывается одно, его же собственное.

— Milaja! Milaja!

Что дорого въ немъ? Глаза: свѣтлые. У кого здѣсь такіе глаза? Ни у кого нѣтъ. А вотъ у нея, у Еле-

нуччи, есть теперь сѣрые глаза и она можетъ цѣловать ихъ и цѣлуетъ ихъ такъ много, что онъ смѣется. Ну и пусть. Пусть смѣется.

Что дорого въ немъ? Волосы: свѣтлые. И у отца—черные, и у матери черные; и у Микеле—черные; и у всѣхъ поповъ—черные; и у всѣхъ на островѣ—черные. А тутъ свѣтлые, волнистые,—и Еленучча запускаетъ въ нихъ пальцы, и ворошитъ ими, стараясь не коснуться лысинки, радуясь, что они сейчасъ принадлежатъ ей, что онъ доволенъ ея шалостью,—и кричитъ:

— Мои волосы! Я люблю твои волосы!

Развѣ онъ, этотъ большой и милый человѣкъ, видитъ ея мысли? Она можетъ думать, что хочетъ. Она можетъ говорить, что хочетъ. Она можетъ повторять, сколько хочетъ:

— Milaja! Milaja!

Море никому не скажетъ: оно не понимаетъ любви. Цвѣты? Они—помощники любви. Они свидѣтели ея судьбы. Звѣзды? Ихъ никто на землѣ, тѣмъ болѣе на этомъ островѣ, не услышитъ: онѣ—далеки.

... Вверху опять зашуршали камни,—это, конечно, идутъ сюда; это, конечно, ищутъ Еленуччу. Боятся: пропадетъ Еленучча. Еленучча—маленькая и глупая дѣвочка.

— Здѣсь! Здѣсь она!—кричитъ русскій и тихонько сжимаетъ ея руку.

И это прекрасно, что онъ жметъ руку тихо. Кричитъ онъ для видимости, а для нея—жметъ руку. Пожатіе руки есть секретъ. Когда начались секреты,—тогда началась любовь.

Бѣжитъ сама мать,—выбѣжала изъ дому, въ чемъ была: съ растрепавшимися волосами, въ фартукѣ, смѣшная, сердитая. И кричитъ на распѣвъ:

— Ахъ ты дѣвчонка скверная! Ахъ, ты дѣвчонка, маленькая!—кричитъ и хватаетъ Еленуччу за руку:—вы-

сѣчь тебя надо! Ты куда забралась? Ты хочешь, чтобы сирены тебя въ воду затащили?

— Нѣтъ, она хорошая дѣвочка!—смѣшно и успокоительно говоритъ русскій:—она хорошая. Просто она вышла погулять.

— Она вышла погулять!—кричитъ, сердясь, мать:— хорошее мѣстечко она выбрала для прогулки, нечего сказать!

И тащитъ Еленуччу за руку, какъ дѣвчонку, попавшую по шалости въ воду. Еленучча покорно тянется вверхъ, по плохой дорожкѣ, но хитро и шаловливо оглядывается: ей пріятно, что за ней идетъ русскій, такой темный, такой неясный. Все, что говоритъ онъ, все, что говоритъ мать; все, что сейчасъ будетъ говорить отецъ,—все это пустяки. Важно, что есть секреты.

— Какая же она хорошая?—вдругъ съ большимъ гнѣвомъ говоритъ мать и останавливается, чтобы передохнуть, потому что итти еще далеко:—весь домъ ищетъ ее, негодную! И отецъ безпокоится, и я безпокоюсь! Нажили отель, нажили денегъ, купили недавно виноградники,—для кого все это будетъ, если она, не дай Богъ, въ такую темноту да соскользнетъ въ воду?

Ахъ, какая смѣшная эта мать! И какъ пріятно, что онъ заступается за нее; такъ хочется, чтобы рука его, какъ тогда, обняла ее,—но мать! Развѣ можно при матери? А обнималъ ли такъ кто-нибудь мать? А цѣловала ли мать когда-нибудь свѣтлые глаза? А нравятся ли ей свѣтлые волосы? А нравится ли ей этотъ русскій, который, улыбаясь въ темнотѣ, идетъ сейчасъ сзади?

И она говоритъ:

— Мама! Ты—milaja!

Мать спрашиваетъ:

— Что?

Такъ смѣшно, что итти дальше—не въ моготу. Опять останавливаются отдохнуть,—они, эти три человѣка. Еленучча повторяетъ:

— Ты—milaja.

Мать опять ничего не понимаетъ и опять сердится, но уже смущенно. И обращается къ русскому:

— Благодарю васъ, синьоръ, что вы помогли отыскать эту негодницу! Не будь васъ,—я никогда бы въ эту пору не спустилась къ морю. Здѣсь—мѣста опасныя. Здѣсь мѣста—не особенно чистыя. Здѣсь нужно бы выстроить часовню.

... Еленучча уже взбѣжала на верхнюю площадку. Видно, все-таки, какъ они: и мать, и русскій, словно старики, идутъ по кручѣ и онъ бережно взялъ старуху подъ руку, помогаетъ ей, а она задыхающимся голосомъ что-то говоритъ ему,—и Еленучча кричитъ имъ, приставивъ руку ко рту:

— Ты milaja!

И смѣется отъ радости: пусть-ка они тамъ внизу разберутъ, къ кому относятся эти слова.

Какъ прекрасно море, не знающее любви! Какъ хорошо, что Богъ такъ высоко, на тонкихъ ниточкахъ, повѣсилъ звѣзды.

Какъ широко море,—по немъ можно уѣхать куда угодно: въ Россію, напримѣръ. Плывутъ корабли и ѣдутъ въ Россію люди. Неужели въ Россіи такіе-же, какъ и здѣсь, дома, такія же рыбы, такой же хлѣбъ?

Покатилась звѣзда. Она умерла или ей надоѣло висѣть на небѣ? или оборвалась ниточка? или это заплакалъ Богъ? Неужели Богу не хочется пожить на землѣ?

Хорошо имѣть секреты.

— Отель вещь хорошая,—уже на близкомъ разстояніи говоритъ мать:—но только что я вамъ скажу, синьоръ: трудно намъ, синьоръ. Мы двое: я и мужъ. Уже старики.

Уже нѣтъ прежнихъ силъ. Въ прошломъ году и я, и онъ уже купили очки. Ѣздили для этого въ Неаполь. И ноги,—вѣдь самое главное въ человѣкѣ—ноги. А ноги наши уже скрипятъ, синьоръ. Да, скрипятъ. Какъ старыя колеса. Починить надо. А кузница наша-на небѣ. У самого Господа Бога. У архангела Гавріила. У нашего патрона Констанція.

Что такъ говорлива мать?

Она разговорчива только съ людьми, которые ей нравятся. Русскій ей нравится? Вообще она иностранцевъ не любитъ,—почему же тогда ей нравится русскій? Вотъ интересная вещь.

V.

Каждый вечеръ долго тянется обѣдъ.

Уже темнѣетъ. Уже прохладно. Уже купается въ морѣ золото, упавшее съ луны. На что морю деньги? Почему деньги не тонутъ? Портретъ какого императора чеканится на этихъ золотыхъ, шаловливыхъ монеткахъ?

Какъ долго тянется обѣдъ! Какъ скучны, недвижны полосы свѣта, падающаго изъ оконъ въ садъ. Выходитъ такъ, что столовая, сосѣдка сада, дразнитъ его:

— А у меня свѣтло. А у тебя темно.

А садъ зажмурился и будто не слышитъ. Хитрый.

Еленучча издалека заглядываетъ въ окно.

Пасквалино уноситъ уже пустой салатникъ. Слава Богу! Теперь скоро съѣдятъ фрукты. Онъ не пьетъ кофе,—тогда время пролетитъ скоро. Сколько разъ она говорила ему:

— Какъ ты долго сидишь за столомъ! Почему такъ долго? Такъ томительно ждать тебя!

Каждую черешню онъ аккуратно опускаетъ въ стаканъ

съ водой. Въ головѣ его сейчасъ—только думы объ ней, объ Еленуччѣ. Онъ закуритъ скоро свои чудесныя папироски,—привезъ ихъ изъ Турціи.

Вотъ онъ, наконецъ, всталъ.

Еленучча быстро, какъ ящерица, скользнула въ самый темный уголокъ сада. Онъ уже знаетъ, что она—тамъ и, проходя по дорожкѣ, улыбается: это видно въ полосахъ свѣта. Среди темной зелени бѣлѣетъ ея платье. Онъ подходитъ, беретъ ея руки и близко, близко смотритъ въ глаза,—потомъ цѣлуетъ ихъ,—цѣлуетъ лобъ, волосы, губы и говоритъ, что любитъ, что любитъ очень.

— Ты взялъ бы меня съ собой въ Россію?—спрашиваетъ Еленучча.

— Я не вернусь въ Россію,—говоритъ русскій.

— Какъ? Ты не вернешься въ Россію?

— Не вернусь.

— Ты не любишь Россію?

— О, нѣтъ, милая дѣвочка! Я люблю Россію.

— Но почему же ты не вернешься?

— Не вернусь.

— Что ты говоришь?!

— Правду говорю.

— Бѣдненькій ты! Отвратительная Россія!

— Россія? О нѣтъ! Россія—прекрасна. Россія—прекраснѣйшая изъ странъ.

— Она прекраснѣе Италіи?

— Прекраснѣе.

— Чѣмъ она прекраснѣе?

— Это трудно сказать сразу.

— Но когда-нибудь скажешь?

— Скажу.

Въ саду вспыхиваетъ электрическій свѣтъ.

Обѣдъ кончился. Сейчасъ всѣ выйдутъ изъ комнатъ. Какъ мимолетно время!

...Утромъ Еленучча достаетъ географію,—старую растрепанную книгу, которую она такъ не любила въ школѣ, и находитъ, почти въ самомъ концѣ, отдѣлъ: Russia. Читаетъ и сжимается сердце:

— Какъ ѣхать въ такую страну? Какъ можно жить тамъ?

Онъ вретъ, что эта страна—прекраснѣе Италіи. Чѣмъ она прекраснѣе? Просто онъ хочетъ наговорить ей, глупой дѣвчонкѣ, много соблазнительныхъ словъ, чтобы потомъ поскорѣе и полегче увезти ее на кораблѣ.

Она бѣжитъ въ читальню и тамъ, подъ нотами, находитъ карту, два раза порванную въ серединѣ.

— Вотъ она: Russia.

Тутъ живутъ его мать и сестры. Она будетъ любить ихъ. Она—богата. У ней хватитъ денегъ на все. И отель, и отцовскія деньги—ея. Она богата. Хорошо быть богатой.

И опять ждетъ Еленучча: какъ томителенъ день! Какъ далекъ вечеръ!

Скоро-ли засіяетъ золото моря? Много денегъ и у луны. Чья она невѣста? Чья она дочь? Сколько у нея лентъ! Какъ красивы ея волосы. Кто ухаживаетъ за ней на небѣ? Кто ее цѣлуетъ? Солнце? И, если Еленучча—луна, маленькая луна острова,—то солнце...

— О, мое милое солнышко!

Звѣзды—дѣвушки. Сколько на небѣ дѣвушекъ! Гдѣ же ихъ милые? Или луна—мать? Можетъ быть она строгая и ворчливая женщина? Можетъ быть, она не позволяетъ звѣздамъ, своимъ дочерямъ, заглядываться на кавалеровъ?

А, можетъ быть, звѣзды—бриллiанты Бога?

У короля есть прекрасныя картины: въ Венеціи, во Флоренціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ. Король разрѣшаетъ показывать ихъ всѣмъ. Всѣ могутъ смотрѣть Тиціана, Корреджіо, Тинторетто, Джорджоне: сколько о нихъ разсказывалъ отецъ! Когда ему грустно, онъ бросаетъ все и ѣдетъ

во Флоренцію смотрѣть тиціановскую Магдалину. Онъ плачетъ, когда разсказываетъ, какъ нарисованы ея волосы.

Такъ, можетъ быть, и Богъ? У короля—картины, у Бога—корона. На что ему ночью корона? И онъ говоритъ кому-нибудь изъ ангеловъ:

— На землю идетъ ночь. Покажи людямъ брилліанты моей короны. Пусть смотрятъ всю ночь. Къ утру собери.

Если ангелъ любитъ людей и не лѣнивъ,—онъ покажетъ, онъ разсыплетъ передъ людьми всѣ брилліанты. Ихъ такъ много, что даже на небѣ тѣсновато. Тогда люди говорятъ:

— Какая прекрасная ночь!

Иногда ангелъ не особенно любитъ людей,—тогда онъ покажетъ не всѣ брилліанты.

А иногда и Самъ Богъ разгнѣвается. Иногда люди очень много нагрѣшатъ за день—и скажетъ:

— Ангелъ! Не показывай въ эту ночь этимъ дуракамъ мою корону!

Тогда по небу ползутъ тучи. Тогда небо темно. Тогда воетъ вѣтеръ.

... Но какъ томителенъ, когда въ первый разъ полюбишь, лѣтній день! Какъ далекъ вечеръ!

VI.

Вотъ и оно: утро,—чудесное, прохладное.

Нужно поблагодарить Бога за сны. Снами человѣческими завѣдуютъ на небѣ два ангела: одинъ—бѣлый, любящій людей. Другой—темный, не любящій людей. Первый—показываетъ человѣку: дворцы, моря, всѣ страны, прекрасныхъ юношей, цвѣты; поднимаетъ человѣка на воздухъ и несетъ его надъ землей; поитъ его удивитель-

ными винами и кормитъ удивительными фруктами; говоритъ о любви. Человѣкъ проснется и думаетъ:

— Какъ коротка ночь!

Сегодня сны были прекрасные. Спасибо тебѣ, нянька-ночь!

— Какъ ты хороша!

... Сидитъ Еленучча и читаетъ книгу. Прекрасно пишетъ поэтъ о любви. Что такое поэты? Ангелы, посланные Богомъ на землю, какъ въ ссылку, въ наказанье. Поди-ка, поживи среди людей: нелегкое дѣло!

Пришелъ отецъ съ пристани.

«Всегда онъ какой-то особенный, когда приходитъ съ пристани», думаетъ Еленучча.

Въ это время онъ особенно мягокъ и его обо всемъ можно просить, и онъ, что обѣщаетъ,—все сдѣлаетъ: купитъ новую шляпу, дастъ денегъ на ленты, обѣщаетъ свести въ кинематографъ.

Онъ красивъ въ этомъ сюртукѣ и бархатномъ жилетѣ. Кудри его причесаны на одинъ бокъ и, мягкіе, шелковистые, колышатся,—лишь дохнетъ вѣтеръ. Старикъ строенъ и высокъ и еще хорошо блестятъ его взволнованные глаза.

Еленучча смотритъ на него и улыбается:

— Ты чего смѣешься?—спрашиваетъ онъ, устало присаживаясь къ ней, на красный диванъ.

Пристань—далеко: шелъ пѣшкомъ, чтобы насладиться своими думами.

— Я не смѣюсь,—улыбаясь, отвѣчаетъ Еленучча.

— Коли не смѣешься, то чему ты улыбаешься?—говоритъ отецъ.

Какъ усталы его глаза!

— Улыбаюсь я отъ радости, что ты у меня красивый.

— Красивый?

— Красивый. Согласись самъ: пріятно имѣть красиваго отца.

— Пріятно?—и отецъ дѣлаетъ непонимающее лицо:— почему пріятно?

— Я не знаю, почему,—отвѣчаетъ Еленучча:—быть можетъ потому, что люди могутъ сказать: у красиваго отца—красивая дочь.

— Ахъ вонъ оно что? Ты говоришь такъ, будто ты большая. Да, можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ большая?— спрашиваетъ Манфредъ, слегка взволнованно:—а ну-ка привстань?—Бѣгаетъ тутъ дѣвчонка Еленучча, всѣмъ мѣшается, во всѣ дѣла впутывается,—а, можетъ быть, дѣвчонка уже растаяла и получилось что-нибудь другое?

Еленучча не встаетъ—ей стыдно. Она прижимается къ отцу и тихонько говоритъ:

— Видишь, мои волосы?—Это твои волосы. Они такъ же вьются, какъ и у тебя. А когда я смотрю въ твои глаза, то вижу себя, какъ въ зеркалѣ.

Старикъ усмѣхается, лукаво смотритъ и обнимаетъ дочь, какъ самую любимую.

— Уже коробочка съ хитростью открылась,—говоритъ онъ:—уже начинается въ тебѣ женщина. У тебя есть ленты красныя и синія. Вѣроятно, уже понадобились зеленыя? Ты стояла передъ зеркаломъ и рѣшила, что будетъ не плохо, если около черныхъ бровей будетъ болтаться зеленая тряпочка? Или постой, постой, я начинаю думать другое. Быть можетъ, сегодня въ кинематографѣ идетъ хорошая картина?

— На афишѣ написано: «Любовь матери»,—отвѣчаетъ Еленучча.

— Тебѣ, значитъ, хочется посмотрѣть «Любовь матери»?

— Хочется, конечно,—отвѣчаетъ Еленучча:—но я вовсе не для этого говорю. Просто ты красивый. Ты мнѣ нравишься. Мнѣ кажется: живи ты въ Римѣ, тебя бы взяли охранять короля.

Старикъ прислоняетъ голову къ спинкѣ дивана: глаза его закрыты; лицо—усталое и думы, сладкія и любимыя, текутъ, видимо, въ его мозгу. Стоитъ около него свѣтлый ангелъ. Сидитъ онъ такъ долго, потомъ медленно идетъ къ себѣ и черезъ полчаса—неузнаваемъ. На немъ—старая сѣрая жакетка, старыя туфли, глаза какъ будто стали не такими большими, воротникъ не повязанъ галстухомъ и голосъ—непріятный и дребезжащій.

— Опять вино въ чуланъ отнесли?—кричитъ онъ то направо, то налѣво:—опять хлѣбъ засохъ? Опять этотъ старый чортъ не принесъ молока? Опять забыли нѣмцу изъ 23 № счетъ написать? Что это такое, а? Чортъ бы васъ всѣхъ подралъ, а? Закрывать отель что-ли? а?

И ходитъ онъ кругомъ, и швыряетъ со стола книги, и не подвертывайся въ это время къ нему подъ руку важный Пасквалино.

Подошелъ къ отцу темный ангелъ.

Еленуччѣ дѣлается скучно и она скоренько убѣгаетъ въ садъ.

...Есть ли еще на землѣ гдѣ-нибудь такая скука: когда милый ушелъ и нѣтъ его уже давно,—часа четыре?

Уйдетъ человѣкъ часа на четыре и,—всего можно отъ людей ожидать,—еще скажетъ:

— Это любовь.

Какая жъ это любовь? думаетъ Еленучча и глаза ея грустны, и тихонько бросаетъ она въ сосѣднюю стѣну маленькіе камушки.

Вяло пошла въ свою комнату.

Ахъ, какъ все надоѣло! Этотъ туалетъ, эта маленькая, такая чистенькая кровать, этотъ гардеробъ. Она открываетъ его,—тамъ виситъ все бѣлое. Вотъ платье перваго причастія, вотъ другое: въ немъ она провожала въ путешествіе новобрачную Катанью.

А въ нижнемъ ящикѣ? Стой! И Еленучча радостно

открываетъ его. Тамъ—куклы. Какъ могла она забыть ихъ, своихъ друзей? Какъ онѣ все это время плакали безъ воздуху, безъ свѣта, голодныя, никѣмъ не приласканныя. Вотъ—Марія въ красномъ платьѣ и въ туфелькахъ,—онѣ немного ей широки. Вотъ Энрико. О! Энрико красавецъ, съ черными усами, будущій берсальеръ.

Прежде Энрико былъ просто мальчишкой, который на пристани приставалъ къ иностранцамъ, становился на руки и просилъ сольди. Теперь Энрико выросъ, онъ влюбленъ въ Марію,—или, быть можетъ, въ Анну?—онъ, видимо, кокетничаетъ съ ней, важно въ темнотѣ крутитъ усъ...

— Но почему же ты сейчасъ не смотришь на Анну?—спрашиваетъ Еленуча:—Почему ты теперь на меня вылупился? Развѣ я лучше Анны? А? Посмотри, какая Анна? Ну, посмотри же, глупый! Тебя скоро отдадутъ въ солдаты. Ты будешь бравый берсальеръ. Ого? Ну-ка? Какъ ты будешь ходить? Анна! Смотри, какъ ходитъ твой берсальеръ. Смотри, какъ онъ отдаетъ честь генералу...

Еленучча ставитъ на полъ обѣ куклы и, придерживая ихъ за спины, придвигаетъ другъ къ другу, а сама напѣваетъ маршъ и пристукиваетъ въ тактъ каблучками. «Охъ, идетъ бравый солдатъ Энрико, влюбленный въ Анну! Трепещите, женскія сердца! Охъ, берсальеръ идетъ!..»

— А ты, Марія, плачешь?—спрашиваетъ Еленучча, бросая влюбленныхъ:—ты плачешь?—и Еленучча прижимаетъ ее къ сердцу:—ты ревнуешь? Тебѣ измѣнилъ Энрико? О, моя хорошая! Онъ вернется къ тебѣ. Ему скоро надоѣстъ эта глупая Анна. Я сошью тебѣ новое платье, я куплю тебѣ новыя туфельки, ты будешь хорошенькая,—куда же Аннѣ до тебя? И снова полюбитъ тебя Энрико, и женится на тебѣ, и увезетъ тебя на кораблѣ далеко, и тамъ ты будешь счастлива, и тамъ ты будешь молиться за меня какому-нибудь святому, чтобы онъ помогъ мнѣ.

Я тоже несчастна, Марія. Я люблю этого русскаго, а онъ меня не любитъ. Вотъ я тоже плачу. Онъ куда-то ушелъ— и вотъ уже пятый часъ, какъ его нѣтъ, какъ я его не вижу. Развѣ это любовь? Это пытка. Это—несчастье. Пойдемъ съ тобой завтра, Марія, на кладбище и тамъ на чьей-нибудь могилѣ завяжемъ ленточки. И пройдетъ наша любовь. Это средство испытанное. И ты забудешь своего Энрика, а я—своего русскаго.

Стукнула желѣзная калитка,—входная: знакомые шаги застучали по плитамъ. Куклы, какъ попало, летятъ въ ящикъ и Еленучча не видитъ, что бѣдному берсальеру прищемило руку, а обѣ его дамы упали ничкомъ, уткнулись носиками въ одѣяло, молчатъ, ничего не видятъ и не отвѣчаютъ на стоны своего возлюбленнаго.

Еленучча выбѣжала въ вестибюль. По лѣстницѣ поднимается русскій, видитъ ее, снимаетъ шляпу, кланяется.

Еленучча сердито отворачивается, не отвѣчая ему, а сама радостно думаетъ:

«Гулялъ. Усталъ. Теперь дома будетъ цѣлый вечеръ. Пойдемъ къ морю. Весь вечеръ мой. Хорошо, что я разсердилась. Будетъ просить прощенія».

И она бѣжитъ въ свою комнату, и нашиваетъ на рубашечку синія ленты: красныя надоѣли.

VII.

Было утро. Онъ тамъ наверху уже всталъ: балконная дверь, что выходитъ на море, отворена. Умывается, должно быть. Ужасно много онъ тратитъ воды,—горничныя жалуются: три кувшина каждый день. А кувшины—огромные.

Утро ясное, такое широкое: кажется, что островъ

сталъ больше. Небо далеко, солнце распоряжается всѣмъ міромъ и нѣтъ совсѣмъ вѣтра, этой воздушной змѣи.

Входитъ въ садовую калитку женщина въ желтой юбкѣ. На всемъ островѣ въ желтой юбкѣ ходитъ только Розалія,—та самая, которая служитъ тамъ гдѣ-то, у русскихъ, на дальнихъ виллахъ. Розалія идетъ въ отель. Въ рукахъ у нея письмо. Подошла ближе. Волосы у нея толстые, какъ черныя нитки. Осторожно спрашиваетъ Еленуччу:

— У васъ тутъ живетъ русскій. Высокій такой.

Еленучча молчитъ; ей, почему-то непріятно. Смотритъ она на тонкій, шелковистый конвертъ, который та, какъ-то странно бережно, вертитъ въ своихъ закорузлыхъ рукахъ.

Розалія, удивленная, опять повторяетъ свою фразу:

— У васъ тутъ живетъ русскій. Высокій такой.

Непріятна эта женщина, хитры ея глаза и слишкомъ ярка желтая, плохо выглаженная, юбка.

Замерло сердце Еленуччи. Зловѣщими показались эти жесткіе, корявые пальцы.

— Живетъ, да,—собравъ силы, отвѣтила Еленучча:— а вамъ на что?

Какъ хитры глаза Розаліи. Вѣроятно, ей хорошо заплатили за труды!

— Письмо ему,—говоритъ она, показываетъ на конвертъ и вдругъ спрашиваетъ:—а ты чего, маленькая, поблѣднѣла?

Отвѣчаетъ Еленучча.

— А развѣ ты не чувствуешь, какая жара? Постой-ка на ней—и ты поблѣднѣешь.

— Утро сегодня прохладное,—возражаетъ хитрая Розалія.

Еленучча не хочетъ больше разговаривать съ этой бабой, которая не говоритъ, а какъ-то выпускаетъ слова:

осторожно, таинственно. Слова ея ползутъ, какъ змѣи въ травѣ.

Еленучча протягиваетъ руку и говоритъ:

— Давайте, я передамъ письмо. Онъ еще не приходилъ внизъ. Онъ еще спитъ.

Розалія непріятнымъ, хищнымъ движеніемъ прячетъ письмо за спину и отвѣчаетъ испуганнымъ шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не могу отдать.

— Почему?—взволнованно спрашиваетъ Еленучча.

— Письмо секретное...—отвѣчаетъ Розалія и вдругъ глаза ея сдѣлались еще болѣе пронзительными и острыми, укалывающими прямо въ сердце:—письмо отъ синьоры,—словно по секрету сообщаетъ она.

— Отъ синьоры?—сразу упавшимъ голосомъ спрашиваетъ Еленучча.

Господи! Почему объ ея любви первою не узнала мать? Почему объ ея любви первымъ не узналъ отецъ? Почему объ ея любви первою узнаетъ эта неопрятная, хитрая женщина? За что такое наказаніе? Развѣ Еленучча не носила лилій Мадоннѣ? Развѣ она не молилась тамъ, у моря, Богу?

— Да,—отвѣчаетъ Розалія, все понимающая, хитрая, насмѣшливая:—письмо отъ синьоры. Да,—еще разъ говоритъ, наслаждаясь, Розалія:—письмо отъ русской синьоры. Онъ каждый вечеръ бываетъ у насъ... Синьора богата и живетъ одна...

Розалія наклоняется и, огромный секретъ, сообщаетъ шопотомъ:

— Мнѣ кажется,—говоритъ Розалія,—онъ любитъ синьору.

— Любитъ?

Розалія дѣловито, словно ничего не замѣчая, со спокойными глазами, повторяетъ:

— Очень, по-моему, любитъ. Синьора прекрасна. Во-

лосы ея золотисты и глаза—свѣтлы. Кромѣ того она первосходно играетъ на роялѣ. Рыбакъ Габріэле и тотъ—большой знатокъ!—говорилъ не разъ: превосходно. А онъ слыхивалъ настоящихъ маэстро.

Еленучча отвѣчаетъ гордо и спокойно:

— Если письмо секретное,—поди и передай сама. Онъ, кажется, умывается. Пойдемъ, провожу.—Сказала и легко побѣжала по лѣстницѣ вверхъ. Розалія, колыхая обвисшею грудью, шагая черезъ двѣ ступеньки, еле поспѣвала за ней, а на верхней площадкѣ совсѣмъ запыхалась и не могла перевести духа.

Еленучча подбѣжала къ его двери и, не жалѣя пальцевъ, начала стучать и боялась: вотъ разсмѣется, вотъ заплачетъ.

— Войдите,—раздался за дверью знакомый, теперь слегка удивленный голосъ. Она слышитъ, но все стучитъ, все стучитъ и не можетъ остановиться: и то хочется разсмѣяться, то странно: близки къ смѣху слезы.

— Войдите!—еще громче говоритъ онъ.

Она стучитъ.

— Господи Боже!—говоритъ онъ и, поднявъ воротникъ жакетки, еще не совсѣмъ умытый, слегка пріотворяетъ дверь, видитъ Еленуччу и спрашиваетъ удивленно:—это вы?

— Я!—сухимъ сдавленнымъ голосомъ отвѣчаетъ она и показываетъ въ сторону Розаліи, теперь почтительной и смиренной:—вамъ письмо.

— Мнѣ? Письмо?

Свѣжее, любимое и теперь такое чужое лицо перестаетъ улыбаться.

— Да, вамъ письмо,—съ показной радостью отвѣчаетъ Еленучча:—отъ русской синьоры. Отъ прекрасной русской синьоры съ золотистыми волосами вамъ секретное письмо.

Еленучча говоритъ спокойнымъ голосомъ. Глаза ея

смотрятъ презрительно. Губы улыбаются презрительно. Она дѣлается повелительною. Какъ принцесса, предводительствующая войсками, она командуетъ:

— Передайте письмо!—говоритъ она Розаліи:—вотъ этотъ синьоръ, которому прислано секретное письмо.

Еленучча повернулась и спокойно пошла по лѣстницѣ.

— Еленучча!—крикнулъ русскій.

Еленучча не оглянулась.

— Еленучча!—крикнулъ русскій громче.

Еленучча не спѣша сходила по ступенькамъ и не оглянулась.

VIII.

— Ты ничего не ѣшь, Еленучча!—сказала мать за завтракомъ, подвигая къ ней глубокую чашку съ любимыми ягодами.

— Не хочется,—отвѣтила Еленучча и даже не взглянула на ягоды.

Все было противно: и хлѣбъ, аккуратно, горкой, разложенный на тарелки, и рыба, политая краснымъ соусомъ. Только полстакана вина выпила Еленучча,—отъ него стало жарко, въ головѣ поднялась какая-то муть, въ тѣлѣ почувствовалась усталость.

Не дождалась Еленучча конца завтрака, сказала, что болитъ голова и вышла въ садъ; но и тамъ было все противно: деревья показались Еленуччѣ низкими, земля—сырою и липко-непріятною, вода въ фонтанѣ—грязною. Попугай увидѣлъ ее и сталъ кричать дико, надоѣдливо, хлопалъ крыльями, перескакивая съ вѣтки на вѣтку,—и въ первый разъ захотѣлось ударить его, чтобы замолчалъ. Противны были и эти ряды оконъ отеля, и балконы, къ рѣшеткамъ которыхъ старыя нѣмки привязываютъ для

просушки свои зубныя щетки. И солнце жжетъ такъ сильно, и на небѣ нѣтъ ни облачка,—куда, спросить, разошлись?— и голова кружится, а самое главное: такъ болитъ душа, такъ болитъ душа.

На томъ углу третьяго этажа, что къ морю,—его балконъ. Но развѣ она теперь взглянетъ туда? Лучше умереть, чѣмъ поднять голову въ ту сторону. Онъ теперь пишетъ отвѣтъ русской синьорѣ, онъ сочиняетъ нѣжное письмо,—зачѣмъ же мѣшать? Онъ напишетъ ей своими русскими буквами: «milaja»—и она пойметъ значенie этого слова.

Какъ болитъ душа!

«Умереть бы, думаетъ Еленуча:—умереть. Хорошо теперь было бы лежать въ землѣ: темно, никого не видно, никого нѣтъ. Тихо, покойно. Душа будетъ въ раю, потому что на ней грѣха нѣтъ. Есть только одно мученiе: любовь. Пойти къ морю и конецъ. Море всегда манитъ къ себѣ людей. Море, какъ змѣя: когда на душѣ горе, не нужно заглядывать ей въ глаза,—не будетъ силъ сдвинуться съ мѣста. И изъ людей только пожалѣетъ мама да поплачетъ отецъ. Они такъ ее любятъ. Будутъ беречь на память ея ленточки, ея кофточки.

И Еленучча, одинокая, потихоньку спускается къ тихо шумящему морю. Остаются позади просторныя аллеи, торчатъ по пути кактусы, изъ щелей скалъ выглядываютъ глаза цвѣтовъ.

«Это мальчишки», думаетъ—Еленучча про синiе цвѣты:—а это дѣвчонки, розовенькiя. А это вотъ я, царская дочь!—вдругъ громко говоритъ она и срываетъ фiолетовый цвѣтокъ, самый красивый, отливающiй на солнцѣ, какъ риза священника:—это я. Это я выросла.

И говоритъ она цвѣтку:

— Вотъ я тебя сорвала и ты умеръ. Такъ умру и я. Сейчасъ вотъ иду на смерть. Вмѣстѣ умремъ. Вѣдь вотъ

ты умеръ и тебѣ теперь не больно? Солнышко не жжетъ? Вѣтеръ не бьетъ? Ящерицы не обижаютъ? Такъ надо и мнѣ. Хочешь со мной? Вмѣстѣ? Обоимъ будетъ хорошо.

Еленучча прикладываетъ фіолетовый цвѣтокъ къ уху и старается разслышать согласіе... Вотъ и море. Далеко, на самомъ припекѣ, сидятъ и жарятся иностранцы, натянувши на самыя уши свои пробковые шлемы. Сидитъ на террасѣ длинноволосый, противный нѣмецъ, который и зимой, и лѣтомъ ходитъ босой и котораго никто не любитъ.

А въ другомъ мѣстѣ, далеко отъ нихъ, за огромнымъ камнемъ слышенъ плескъ и визгъ: это купаются и все свои, все знакомый народъ,--Марія, Маргарита, Джильда, когда-то подруги по школѣ, теперь вотъ уже невѣсты. Каждая изъ нихъ уже влюблена, страдаетъ, пишетъ тайныя письма,—и всѣ, на почтовыя марки, занимаютъ деньги другъ у друга. Увидѣли Еленуччу издали, кричатъ,—рады:

— Еленучча! Еленучча пришла!

Еленуччу любятъ подруги и эти восторженные крики она принимаетъ, какъ должное: она—маленькая, красотою, какъ короной, вѣнчанная королева острова.

Идетъ къ нимъ. Какъ синее солнце, свѣтитъ море. Глазамъ больно. И фіолетовый цвѣтокъ близко прижался къ тѣлу: какъ обезьяна, думаетъ Еленучча и ей, почему-то становится весело.

— Елену!—кричатъ ей оглушительно выкрикивая: у—и все слышнѣе визгливые голоса, шлепанье рукъ по водѣ:—иди скорѣе за камень и къ намъ.

Про этотъ камень говорятъ, что онъ—голова какого-то бога, сброшеннаго за безобразія на землю: теперь онъ, какъ ширма.

Навстрѣчу Еленуччѣ выползаетъ лучшая и самая вѣрная подруга Марія: выходитъ изъ синей воды, а сама

вся бѣлая, какъ двухдневное, отстоявшееся молоко. И волосы у нея такіе густые и мягкіе: блестятъ на солнцѣ, какъ черезъ золото,—и переливаются въ нихъ скользя серебряныя, капризныя полоски свѣта. Такъ и бѣгутъ кругомъ, какъ ртуть, потому что въ Марію ни съ того, ни съ сего вселился бѣсъ радости и она шаромъ катается по горячему песку.

— Телеграфисты въ подзорную трубу смотрятъ!—резонно говоритъ Еленучча.

Тамъ, на верху противоположной горы, станція безпроволочнаго телеграфа. Бездѣльники телеграфисты, которымъ далеко оттуда сходить въ городъ, сидятъ и отъ скуки цѣлыми днями наводятъ трубы на дома, на сады, на аллеи, по которымъ ходятъ влюбленные,—и все знаютъ: всѣ секреты, всѣ измѣны, всѣ поцѣлуи.

— Ну и пусть!—задорно отвѣчаетъ Марія—и пусть! Экая важность! Ну и пусть смотрятъ!

Марія встаетъ и важно красивая, идетъ по песку, словно желая, чтобы весь міръ взглянулъ на нее въ подзорную трубу.

— Пусть хоть посмотрятъ,—задорно говоритъ она и смѣется.

Солнце, вода, радостные глаза подругъ,—все это согрѣваетъ заболѣвшую душу и Еленучча чувствуетъ, что не все потеряно, что если Марія считаетъ себя красивой, то она, Еленучча, еще поспоритъ съ русской синьорой.

Медленно, тоненькими пальчиками, разстегиваетъ пуговицы, падаетъ бѣлая рубашка на теплый песокъ, и небрежно отталкиваетъ она въ сторону свои бѣлыя туфли. Теплымъ вѣтромъ обдало всю, стало стыдно, замолчали подруги, и невольно, закрывая грудь руками, тихо и радостно засмѣялась Еленучча.

Какъ царевна, отыскивающая Моисея,—хочетъ ступить въ воду Еленучча. Подуло съ моря свѣжестью и тѣло

стало матовымъ, словно было вылѣплено изъ размягченной слоновой кости. Еленучча чувствуетъ на себѣ взглядъ подругъ и, кокетничая подъ этими взглядами, пальчиками ногъ касается только самаго краешка моря: холодно, и сама собой нога отдергивается назадъ.

— Холодно!—говоритъ Еленучча и дѣлаетъ на груди руки крестомъ, точно защищаясь.

— Смѣлѣе, Елену!—кричатъ въ нетерпѣньи дѣвочки.

И видно, и чувствуетъ это Еленучча: онѣ хотятъ, чтобы она скорѣе вошла въ воду. Есть у нихъ тайная боль, что она красивѣе всѣхъ,—и Еленучча желаетъ еще продлить этотъ моментъ, и опять, чуть отступя, осторожно касается воды пальчиками уже другой ноги.

А кто-то изъ подругъ, не зная къ чему придраться, говоритъ тономъ фальшиваго соболѣзнованія:

— Ахъ, Еленучча, какъ подвязки натерли тебѣ ногу! На тѣлѣ—какъ два красныхъ обруча. Это некрасиво, Еленучча!

— Ахъ, некрасиво?—И Еленучча, словно желая наказать обидчицъ, прямо, какъ въ пропасть, на смерть, съ съ прервавшимся дыханіемъ, бросается въ воду, чувствуетъ, какъ что-то жадное, холодное, словно ледъ, и враждебное—сразу и цѣпко схватило ее въ свои лапы, какъ пропадаетъ сознаніе, какъ перестаетъ биться сердце, какъ трудно вздохнуть,—и все это брыжжетъ, лѣзетъ въ ротъ, въ носъ, въ уши и невозможно что-нибудь теперь подѣлать,—и сами собою взмахиваютъ и разбиваютъ воду быстрыя, загребающія руки, не чувствуя силы, отдаваясь на волю судьбы.

— Волосы, волосы замочила, Еленучча! — слышитъ она подругъ.

И тогда только она чувствуетъ, что нога ея можетъ коснуться дна, а дно мягкое, какъ тѣсто,—пріятно стать

на него, пріятно очнуться отъ холода, увидѣть на горѣ—маленькій городокъ, на небѣ—солнце.

— Еленучча! не выставляй на солнце мокраго лица! Нехорошо!—кричатъ подруги.

Эти дѣвочки завистливо влюблены въ нее. Даже на Марію, кажется, нельзя положиться. Некому разсказать, что дѣлается на душѣ.

— Экая важность!—далеко запрятывая свои мысли, отвѣчаетъ Еленучча:—дома вымоемъ еще разъ.

Она знаетъ, что хороши ея волосы, что темнымъ, широко расплывающимся покрываломъ текутъ они теперь по водѣ и это красиво: бѣлое тѣло, темные волосы и синяя вода.

Бурная радость рождается въ душѣ и, порывисто дыша, закрывъ глаза, Еленучча снова бьетъ ладонями воду и переворачиваясь, плыветъ въ просторъ, гдѣ болѣе крупныя волны, и далеко слышенъ ея хрупкій, разсыпчатый смѣхъ.

Можетъ быть кто-нибудь видитъ съ горы?

И, какъ стая дельфиновъ, плывутъ за ней подруги, и смѣются, и кричатъ какія-то только имъ однимъ понятныя, дѣвическія слова.

Потемнѣвшими, сухими глазами посматриваютъ на нихъ съ дальнихъ лодокъ суровые рыбаки, и плохо держатся въ ихъ рукахъ тяжелыя сѣти и не клеится обычный веселый разговоръ: потускнѣли и кажутся длинными слова.

— Марія! За мной!—кричитъ Еленучча:—не отстань, милая!

— Я здѣсь, Елену!—отвѣчаетъ, запыхавшись, Марія:—но развѣ за тобой уплывешь?

— Елену!—предупреждаетъ какая-то трусиха:—осторожнѣе! Не уходи далеко! Вчера здѣсь видѣли акулу.

— А, пусть!—беззаботно отвѣчаетъ Еленучча: волосы

совсѣмъ вымокли и теперь она—совсѣмъ дѣвочка, совсѣмъ школьница,—и далеко куда-то отошла печаль, такая великая съ утра.

IX.

Пошла домой, гладко причесанная, съ усилившимся румянцемъ. Навстрѣчу идутъ иностранцы: цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ, съ фотографическими аппаратами, въ низко опущенныхъ шляпахъ, вмѣсто жилетовъ—широкіе пояса. Увидѣли ее—замолчали, какъ по командѣ, и потомъ, вслѣдъ, сразу же заговорили и въ тонѣ ихъ голосовъ, въ тонѣ ихъ словъ непонятныхъ и смѣшныхъ, слышались восторженныя ноты.

Еленучча внутренно улыбается и явная, слава Богу пришедшая снова, радость колышется въ сердцѣ: пусть видятъ, какъ она хороша. У поворота дороги, идущей террасами въ гору, остановилась, какъ будто для того, чтобы еще разъ взглянуть внизъ на море, и усмѣхнулась: стоятъ, какъ вкопанные, иностранцы и смотрятъ на нее. Одинъ, высокій и молодой, и красивый со стройными ногами навелъ бинокль. Если ласково и призывно взглянуть на него,—пойдетъ ли онъ къ ней? Встревожится ли? Конечно, пойдетъ. Съ иностранцами остановились ихъ женщины: жены и дочери. У нихъ смущенныя, молчаливыя улыбки.

«Куда вамъ до меня, несчастныя?» думаетъ Еленучча.

А подруги, окружающія ее, какъ свита, говорятъ:

— Смотри, Елену,—насъ снимать хотятъ.

Въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ иностранцевъ осторожно, боясь спугнуть, сталъ направлять въ ихъ сторону раздвижной аппаратъ. О чемъ-то сразу тамъ, внизу, заговорили.

Еленучча повернулась, поправила упавшій, не высох-

шій, похожій на шелковистую веревочку локонъ, и пошла въ гору, дальше. Прошла еще одинъ поворотъ и опять на площадкѣ остановилась. Взглянула: иностранцы все еще тамъ, на старомъ мѣстѣ. Она взглянула на нихъ, улыбнулась и привѣтливо махнула имъ рукой, прощаясь. И этотъ жестъ разбилъ тамъ молчаніе: замахали шляпами, обнажились то лысыя, то волосатыя головы, и слышенъ былъ оттуда непонятный и неясный разговоръ.

Фотографъ умоляюще сложилъ руки и знакомъ просилъ Еленуччу не трогаться съ мѣста.

— Пойдемъ, Елену,—страдая, сказала Марія:—стоитъ ли, чтобы всякая ерунда снимала насъ?

— Пусть,—отвѣтила Еленучча и крикнула:—снимай, ужъ если такъ хочется.

И сказала подругамъ, какъ старшая своимъ ученицамъ:

— Пріѣдетъ къ себѣ въ Англію, привезетъ снимокъ и всѣ будутъ спрашивать: гдѣ это вы сняли этихъ дѣвушекъ? Вы ихъ снимали, спросятъ, послѣ купанья? Видны еще слѣды воды на волосахъ.

Еленучча думаетъ:

— Какой хорошій вопросъ: гдѣ живетъ эта дѣвушка?

Иностранецъ внизу спѣшитъ, расходуетъ всѣ свои пленки, щелкаетъ и волнуется, какъ бы не ушли.

А Еленучча думаетъ:

— Я уже дѣвушка. Я—дѣвушка.

И говоритъ, вслушиваясь въ слово, будто оно—незнакомое:

— Дѣвушка. Дѣвушка.

У фотографа въ одномъ аппаратѣ заряды, видимо, кончились. Съ лѣваго бока онъ достаетъ другой, съ двумя стеклами, какъ большой бинокль, и опять наводитъ, и всѣ суетятся, всѣ показываютъ, какъ снимать, всѣ вмѣшиваются въ работу, даютъ совѣты, а фотографъ сердится, краснѣетъ и ругается.

Это хорошо, весело, смѣшно—и Еленучча смѣется, а тамъ внизу пользуются случаемъ и все наводятъ стеклышки, которыя похожи на темные глаза.

Какъ весело! Подруги умираютъ отъ зависти. Жаль, что нѣтъ здѣсь другой Анны, дочери Скалити: та Анна хвалится, что она—самая красивая дѣвушка на островѣ.

Еленучча говоритъ потихоньку,—такъ, чтобы не слышали подруги:

— Нѣтъ! Я—самая красивая дѣвушка на островѣ.

И вдругъ чужой, незнакомый голосъ отвѣчаетъ гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ сердца:

— Не хвались, какъ глупая Анна. Русская синьора покрасивѣе тебя.

Сжалось сердце, и противнымъ показались всѣ эти, волнующіеся внизу форестьеры.

Какъ сжалось сердце! Какъ ему больно!

И накатываются на глаза слезы, и медленно уходитъ Еленучча опять въ гору и уже не останавливается на новомъ поворотѣ, чтобы посмотрѣть внизъ.

Разошлись подруги по домамъ. Осталась она одна.

Тяжелы ноги. Мѣшаютъ руки. Уйти бы и лечь куда-нибудь въ траву. Гдѣ высокая трава? Высокая трава тамъ, у фаральоновъ. Еленучча сворачиваетъ съ прямой дороги, съ трудомъ идетъ по тропинкѣ: шуршатъ скатывающіеся камни. Никого нѣтъ. Города не видно за горой.

И ложится Еленучча въ густую и прохладную траву. Закидываетъ руки за голову. Выпачкается платье? Будетъ ругать мама? Пусть!

«Я красива?» думаетъ Еленучча и чувствуетъ, какъ глаза ея застилаются слезами и это мѣшаетъ смотрѣть въ небо. Она потихоньку, рукавомъ, вытираетъ ихъ и глядитъ прямо въ небо, которое, какъ шелковая занавѣска въ алтарѣ, скрываетъ отъ людей Бога.

Еленучча говоритъ Богу:

— Зачѣмъ ты далъ мнѣ красоту, если ее никто не любитъ? Эти англичане съ фотографіей? Но зачѣмъ они мнѣ? Зачѣмъ?

...Облака—безпокойный народъ: имъ все нужно; сни, плавая, озираютъ всю землю, всѣ земные порядки, всѣхъ людей,—видно ли имъ съ высоты, какъ плачетъ отъ горя самая красивая на островѣ дѣвушка?

X.

А ночью не спится. Какъ томительно долга и скучна ночь! Простыни то и дѣло сбиваются и лежать на нихъ неудобно и жарко.

На широкой постели, чуть освѣщенная изъ коридора падающимъ свѣтомъ, спитъ мать. Маленькая, сѣденькая, она спитъ, какъ ребенокъ,—положивши кулачокъ подъ голову. Устала за день. Изъ сосѣдней комнаты слышно легкое похрапываніе отца.

Необычно въ темнотѣ свѣтитъ зеркало. Черезъ окно падаютъ на полъ странныя, неспокойно, какъ въ тѣсной клѣткѣ, ползающіе лучи луны.

Подъ луною спитъ островъ. Хорошо теперь итти внизъ къ морю. Зачѣмъ ночью свѣтъ? Днемъ онъ нуженъ для дѣла,—а ночью? Можетъ быть, теперь поютъ сирены? Луна расщедрилась и сыплетъ серебро въ воду безъ счету. Серебро волшебное: возьмешь въ руку,—растаетъ. Только колдуны, знающіе особыя слова, могутъ забирать его горстью въ кошелекъ и потомъ расплачиваться гдѣ угодно.

А сна нѣтъ. На часахъ только два.

«Что же дѣлать?» съ тоскою подумала Еленучча, немного еще полежала, потомъ спрыгнула съ кровати, пробѣжала въ сосѣднюю комнату, повернула выключатель:

вспыхнулъ свѣтъ, проснулось все,—и кресла, и стулья, и этажерки стояли, какъ ни въ чемъ не бывало, словно и не приходила на землю ночь.

Въ углу—зеркало, большое и широкое. Горитъ въ немъ отраженный огонь съ матовыми очертаніями, видна глубина комнаты, странная, немного не похожая.

Стыдно такъ долго смотрѣть на самое себя, думаетъ Еленуччи и глазъ оторвать не хочется.

Вотъ стоитъ дѣвушка. Гдѣ тотъ милый, который придетъ къ ней и скажетъ: «Какъ прекрасны твои глаза и алы твои губы, какъ густы твои волосы, какъ кругла и тепла твоя грудь. Я люблю тебя»,—гдѣ тотъ милый, который скажетъ эти слова?

— Ты придешь?—дразнитъ себя Еленучча.—Откуда? Здѣсь, на островѣ, никого нѣтъ. Откуда ты придешь? Я хочу, чтобы глаза твои были свѣтлыми, волосы—волнистыми, руки—сильными. Чтобы ты могъ взять меня на руки и поднять высоко. Чтобы на груди твоей, если припасть къ ней щекою, было бы тепло и чуть слышно: какъ бьется твое сердце.

Повернула Еленучча выключатель, и опять умерло все: провалилось куда-то, ослѣпло, упало въ яму. Въ комнатахъ жарко.

«Пойду, посижу въ садъ», думаетъ Еленучча и надѣваетъ туфельки, достаетъ кофточку. Тихо, чтобы не скрипнула, отворяетъ она дверь и крадется по коридору. Надо пройти осторожно, чтобы не будить людей.

Вотъ контора. Вотъ столовая. Вотъ диванъ. Вотъ столъ, на которомъ лежитъ книга для записи пріѣзжающихъ.

Еленучча вспоминаетъ и отъ этого воспоминанія почему-то хорошо дѣлается на сердцѣ:

— У него плохой почеркъ.

И кажется, что за это можно простить многое.

Отворяетъ дверь, и всю ее, какъ струей, обдаетъ про-

хладой ночного сада. Хорошо! Хорошо вымыться воздухомъ. Вверху—небо, теперь такое замѣтное.

«Оно больше земли», думаетъ Еленучча, «походить бы по небу. А звѣзды—какъ цвѣты на стебляхъ. У Бога—серебряные цвѣты. У Бога—серебряный цвѣтникъ. Богатый Богъ».

Садъ спитъ, тихо опустивши листья. Гдѣ-то, въ деревьяхъ, спитъ попугай. У попугая бываютъ сны или нѣтъ?

Вдругъ взглядъ Еленуччи падаетъ на балконъ, и она, почему-то зажавъ уши, бѣжитъ въ глубь сада.

— Не думаю, не думаю и не хочу думать о тебѣ,— шепчетъ она,—не хочу. Теперь ты—не мой. Теперь ты—чужой. Я теперь не дамъ тебѣ поцѣловать даже кончика своего мизинца. Ты мнѣ не нуженъ. Уѣдешь въ свою Россію,—я даже не вздохну, и не вспомню, и листъ изъ книги, гдѣ ты записалъ свою фамилію, вырѣжу. Только, чтобы отецъ не замѣтилъ.

Тихо въ саду.

«Буду колдуньей», думаетъ Еленучча, «буду колдуньей. Заворожу цвѣту, пусть не спятъ. Вотъ эти. Я знаю, что вы влюблены въ фіолетовые. Ну, какъ вамъ не поцѣловаться? Спѣшите, пока ночь, пока никто не видитъ. Постойте, помогу!»

Видитъ красный цвѣтокъ, срываетъ его и подноситъ къ фіолетовому.

— Вотъ цѣлуй скорѣй, пока живъ еще!—безпокойно шепчетъ Еленучча,—а то къ утру умретъ. Цѣлуй!

И кладетъ его на фіолетовые цвѣты.

Вдругъ сразу что-то приходитъ въ голову.

«Постой!»—думаетъ она,—«я же тебя!»

Въ саду, въ углу, лежитъ куча камней: есть и большіе, и маленькіе. Еленучча выбираетъ маленькіе и считаетъ: разъ, два, три... Взяла шесть штукъ: всѣ такіе хорошенькіе, гладенькіе.

Балконная дверь,—та, на которую не хотѣлось смотрѣть,—отперта. Кровать его—недалеко отъ двери.

— Ты спишь?—сама съ собой тихо разговариваетъ Еленучча.—Такъ не дамъ же тебѣ спать. А проснешься—убѣгу.

И, затаивъ дыханье, бросила вверхъ одинъ камушекъ: не попала. Бросила другой: ударился объ рѣшетку. Изловчилась, бросила третій: влетѣлъ въ комнату и не было слышно, какъ ударился объ полъ. Должно-быть, попалъ прямо въ кровать, въ него, въ спящаго,—можетъ быть, ударила? Ушибла? Только бы не въ голову, не въ глазъ, Боже спаси!

Отскочила назадъ въ темную глубь сада, ждетъ: не проснется ли? Не выйдетъ ли на балконъ? Нѣтъ, никого. Ни шороха. Спитъ. Въ такую ночь!

Подкралась опять, закусила губу, прицѣлилась и снова бросила камень. Этотъ стукнулъ, ударился обо что-то твердое: или объ полъ, или о спинку кровати,—кровать деревянная. И снова нырнула въ черныя тѣни, мѣшающія землѣ посмотрѣть на мѣсяцъ, опять ждетъ,—никого! И опять вышла на свѣтъ, смѣлѣе бросила еще камень, пятый, шестой,—теперь вѣренъ глазъ: всѣ летятъ въ комнату. Теперь проснется. Теперь выйдетъ на балконъ. Ждетъ Еленучча. Никого...

«Ну и спитъ!» думаетъ Еленучча, «ну, и спитъ!»

И опять ей скучно, и надоѣла чернота сада: трава, цвѣты покрыты тѣнями, какъ черными простынями, плохо выглаженными, дырявыми. Небо, хоть оно и больше земли, и больше моря, а скучно. Скучно, такъ скучно, что ничего не подѣлаешь.

— Хоть бы кинематографъ ночью былъ, пошла бы въ кинематографъ!—говоритъ Еленучча.—Но какой же ночью кинематографъ?

Скучно. Рѣшительно скучно. Хоть плачь.

— И еще говоришь, что любишь...—укоризненно говоритъ она, глядя на балконъ.—Любишь!..

Потомъ сразу смягчается сердце. «Пусть себѣ спитъ», думаетъ она о русскомъ, «можетъ быть, много гулялъ, читалъ или пришли посланные Богомъ хорошіе сны».

— Буду думать вотъ о чемъ,—рѣшаетъ Еленучча,—буду думать о подругахъ: о Маріи, объ Аннѣ и Розаліи. Всѣ онѣ—хорошія дѣвочки. Всѣ онѣ—лучше меня. Я напрасно, глупая, горячусь. Всѣ онѣ красивѣе меня. Сегодня я вообразила, что это меня хотѣли снимать англичане. Это они снимали Марію и Розалію. Всѣ любятъ этихъ дѣвушекъ. Если бы на моемъ мѣстѣ была Марія, то развѣ этому русскому могла прійти въ голову мысль: писать русской синьорѣ? Или бы спалъ онъ въ такую ночь, когда въ саду, въ черной тѣни, сидитъ и который вотъ ужъ часъ ждетъ его Марія,—милая, славная, красотка Марія?

Долго сидитъ такъ Еленучча и то думаетъ, то разговариваетъ сама съ собой. Вдругъ вся сразу вздрогнула:

— Господи! Неужели заснула въ саду?

Откуда-то слышится тихій разговоръ, женскій смѣхъ. Гдѣ это? Кругомъ никого нѣтъ. Неужели приснилось или почудилось? Вдругъ кто-то толкнулъ: взгляни вверхъ. Взглянула.

Тамъ, у него, на балконѣ, женщина. Вышла изъ комнаты и смотритъ на море: оперлась на рѣшетку. На ней длинное, плохо застегнутое платье; волосы наскоро собраны въ большой узелъ; руки—бѣлыя: при лунномъ свѣтѣ онѣ кажутся выточенными изъ мрамора. Вся она грустная и красивая: смотритъ на море.

«У него женщина. Къ нему пришла русская синьора», думаетъ Еленучча, и боится, чтобы кто-нибудь—садъ ли, цвѣты ли, птицы ли, спящія на деревьяхъ,—услышать ея мысли: все это теперь ожило:—все смотритъ, все слы-

шитъ, все подползаетъ къ ней ближе, жадное, протягивающее лапы...

Она чувствуетъ, что не можетъ двинуться съ мѣста, что застыло все: пальцы, руки, ноги, шея... Потомъ только, немного спустя, руки, слава Богу, начинаютъ трястись и верхніе зубы не попадаютъ на нижніе: лихорадка.

— У него женщина...

Какія еще слова остались въ памяти?

— У него женщина...

Какъ змѣя, она тихо, беззвучно переползаетъ на другое мѣсто; тихо, безъ шороха, раздвигаетъ вѣтви, ползетъ по кустамъ, по цвѣтамъ, давитъ розы, тюльпаны: нужно, чтобы было виднѣй,—смотритъ вверхъ сухими блестящими глазами.

Проходитъ нѣкоторое время, и Еленучча чувствуетъ, что она, слава Богу, выходитъ изъ оцѣпенѣнія: вспоминаются другія слова и ползутъ въ мозгу такъ же осторожно и тихо, какъ она—по розамъ, по тюльпанамъ.

— Это и есть та самая русская синьора,—будто молоточкомъ кто-то настукиваетъ въ мозгъ,—въ томъ письмѣ она писала ему, что придетъ сегодня и пришла. Пришла въ тотъ часъ, когда всѣ устали, когда всѣ легли спать.

Нельзя удержать зубы на мѣстѣ: опять стучатъ. Еленучча стискиваетъ ихъ до боли,—тогда начинаетъ трястись подбородокъ. Трясутся колѣни, хочется закрыть юбкой ноги, но юбка—коротка, не достаетъ,—и холодно, холодно! Откуда такой холодъ въ іюньскую ночь?

Она его не любитъ, ей все равно, кто бываетъ у него ночью ли, днемъ ли, но ей холодно, какъ въ ноябрѣ, когда даже въ Неаполѣ выпадаетъ снѣгъ. Она схватываетъ рукой кустъ розъ и колючки, какъ змѣиные языки, густо впиваются въ ладонь,—въ первый моментъ хотѣлось крикнуть отъ боли, но сейчасъ же,—какъ крадущійся воръ шепчетъ молитву,—такъ зашептала и она:

— Это хорошо, Еленучча. Это хорошо, Еленучча. Не кричи. Молчи. Будь тихой.

Завтра на цвѣтахъ видна будетъ кровь.

— Это ничего, Еленучча. Только молчи.

Завтра на дорожкахъ сада, посыпанныхъ бѣлымъ пескомъ, будутъ слѣды крови. Первое, что можетъ всѣмъ прійти въ голову, это будетъ мысль: здѣсь зарѣзали или тяжело ранили человѣка,—вотъ слѣды.

— Это хорошо, Еленучча. Пусть думаютъ, что угодно. Только сумѣй молчать.

Ломаются и никнутъ къ землѣ тюльпаны. И кусты, рождающіе бѣлую сирень, будутъ въ крови.

— Ничего, все ничего,—шепчетъ Еленучча,—я насажу цвѣтовъ еще лучшихъ, чѣмъ эти, но теперь нужно молчать.

Хорошо было бы проскочить теперь въ комнату, достать самыя толстыя одѣяла и укрыться съ головой и лежать такъ смирно, чтобы дыханья не было слышно. Чтобы не было слышно, какъ они—онъ и она—спустятся по лѣстницѣ, какъ они—онъ и она—будутъ воровать у мраморной лѣстницы звукъ своихъ собственныхъ шаговъ; чтобы не было слышно, какъ скрипнетъ, быть можетъ, парадная дверь; какъ прозвучитъ послѣдній, прощальный поцѣлуй.

Сухими глазами смотритъ Еленучча наверхъ, на балконъ. Рѣдко, сами собой, моргаютъ рѣсницы. Нужно сдѣлать усиліе, чтобы моргнуть.

— Ага! Вотъ и онъ!

Вышелъ, на ходу застегивая пиджакъ. Сталъ около своей любимой, что-то говоритъ ей, что-то, улыбаясь, показываетъ ей, и вдругъ тихо, обратно въ садъ, падаетъ съ балкона маленькій камушекъ.

Еленучча закрыла лицо руками; слышитъ, какъ заскрипѣли зубы. Надо стиснуть ихъ еще крѣпче, пусть они,

острые, глубже вонзаются въ десны, иначе же можно крикнуть, крикнуть на весь островъ; можно упасть на траву и вырвать всѣ свои волосы.

Слышно: вотъ еще падаетъ камень,—другой. Еще падаетъ камень,—третій. Онъ подобралъ ихъ,—всѣ камушки, которые она бросила.

Какъ было это, вѣроятно, смѣшно! Онъ, конечно, разсказалъ русской синьорѣ:

— Это бросаетъ ихъ маленькая итальяночка, дочка моего хозяина. Вся бѣленькая такая. Она влюблена въ меня. Но я, конечно, ее не люблю.

— Ты бросишь ей эти глупые камни обратно?—спросила, конечно, русская синьора.

— Брошу, конечно!

— Пусть она, маленькая и глупенькая итальяночка, знаетъ, что ты любишь только меня.

— Пусть знаетъ.

— А ты ее не цѣловалъ?

— Ну, что ты? Буду я цѣловать какую-то дѣвчонку!

— Мнѣ разсказывали, что здѣсь, на островѣ, есть какая-то бѣленькая королева. Дочь содержателя отеля. Ты ее не знаешь?

— Знаю. Это дочь содержателя другого отеля.

— Ты только меня любишь?

— Только тебя.

Летитъ сверху еще одинъ камушекъ. Упалъ и умеръ. Завтра съ дорожки смететъ его въ траву Пасквалино. Обиженный посланецъ!

Слышенъ тихій разговоръ, тихій смѣхъ. Если говорятъ или смѣются, то смотрятъ другъ на друга. Если молчатъ,—смотрятъ на море. А на морѣ—безсонница: свѣтитъ луна, щекочетъ свѣтомъ волны; собрались теперь около острова рыбы изъ Неаполя, изъ Искіи, изъ Прочиды, изъ Сорренто, справляютъ балъ, обсуждаютъ свои дѣла.

И опять тихо падаетъ съ балкона камушекъ,—послѣдній,—и звукъ этого паденія внезапно просвѣтляетъ умъ: слава Богу! Все ясно. Что говорить о любви? Нѣтъ любви. Еще болитъ сердце? Но Еленучча думаетъ, что оно уже не болитъ.

— Какое счастье! Какое счастье!—быстро, быстро шепчетъ, утирая глаза, Еленучча.—Какое счастье! Уже не болитъ сердце. Уже снова весело. Снова хорошо. Снова я—прежняя дѣвочка. Снова завтра поплыву съ подругами въ море.

Она теперь уже никогда не уйдетъ отъ нихъ. Будутъ, какъ стая рыбъ, гурьбой ходить по острову. Она будетъ царевна, онѣ—фрейлины. Она будетъ хорошо съ ними обращаться. Всѣ будутъ смѣяться и радоваться.

— Только нужно сдѣлать это. Это нужно сдѣлать. Непремѣнно!—думаетъ Еленучча, и сама еще не знаетъ, какъ «это» сдѣлать.

Она тихо идетъ къ забору.

— Нужно тихо, тихо!—ободряетъ она сама себя, осторожно раздвигая кусты. Оглядывается: все стоятъ. Молчатъ. Смотрятъ на море.

Около забора есть куча увѣсистыхъ камней, похожихъ на большія вытянутыя пули,—привезли ихъ съ моря еще весною,—поправлять дорожки, обкладывать клумбы. Еленучча приползла къ нимъ, нагнулась и въ темнотѣ выбираетъ, пробуя на вѣсъ то одинъ, то другой: нуженъ такой, чтобы рукѣ было хорошо держать его, чтобы удобно и цѣпко можно было держать его, чтобы ладонь хорошо и плотно могла зажать его. Примѣрила пять штукъ, шесть,—нашла такой.

«Вотъ онъ!—думаетъ Еленучча радостно».

Словно сдѣланъ по рукѣ, холодный и скользкій: пріятный.

Спрятала лѣвую руку, въ которой камень, за спину.

Правою раздвигаетъ кусты. Вытянула голову, прислушалась. Тихо. На балконѣ стоятъ? Стоятъ. Смотрятъ на море. Тихо.

«Поползу», думаетъ Еленучча.

И ползетъ на прежнее мѣсто, затаивъ дыханіе.

Теперь что-то говоритъ онъ, указывая рукой на море: жестъ плавный, покойный, будто читаетъ стихи. Конечно, онъ говоритъ о морѣ. Онъ говоритъ о томъ, какъ оно велико, какъ сине, какъ прозрачно, какъ бездонно, какъ одна и та же полоса его превращается то въ серебро, изъ котораго чеканятъ деньги, то въ золото, изъ котораго куютъ обручальныя кольца.

Русская синьора слушаетъ, что онъ говоритъ. Она не сводитъ съ него глазъ. Складки ея одежды лежатъ лѣниво, вся она лѣнивая, трудно ей стоять, устала.

«Слишкомъ много цѣловались», подумала Еленучча, и внезапно по всему тѣлу, какъ раны, вскрылись его поцѣлуи и было больно отъ нихъ, и казалось, что течетъ изъ нихъ кровь...

Ноютъ раны, болятъ, но сладка боль и жгуча.

«Ты недобрая, эта ночь,—думаетъ Еленучча,—ты повела его къ другой. Твои сестры, прежнія ночи, были добрѣе и лучше. Первый разъ, когда онъ меня поцѣловалъ, была темная ночь. Пусть имя ей будетъ Еленучча. Помяни, Господи, Еленуччу. Вторая ночь была свѣтлѣе, вышелъ кусочекъ мѣсяца,—эта ночь: Марія. А третья ночь, когда мѣсяцъ былъ свѣтелъ и когда нужно было прятаться подъ деревомъ,—эта Анна. Вотъ мои три подруги».

Еленучча видитъ, какъ онъ беретъ ея голову руками, какъ долго смотритъ въ ея глаза и какъ нѣжно прикасается къ нимъ губами: то къ одному, то къ другому.

Есть на землѣ любовь? Нѣтъ на землѣ любви. Болитъ сердце? Не болитъ сердце. Камень, что въ рукѣ, твердый. Онъ гладко поворачивается въ ладони. Хорошій камень.

Еленучча тихонько, еле открывающимися губами, цѣлуетъ его, этотъ камень.

— Ага! Это они прощались!

Скоро утро. Она уходитъ. Неужели онъ не пойдетъ проводить ее, свою возлюбленную? И Еленучча упорно, пристально, какъ застывшая, смотритъ въ подъѣздъ: не мелькнутъ ли тамъ тѣни? Какъ долго тянется время! Закрывъ глаза, она ясно видитъ: вотъ они, влюбленные, медленно, лѣниво, прижавшись другъ къ другу, идутъ въ темныхъ коридорахъ, тихо, нога въ ногу, спускаются по ступенямъ...

— И время тянется долго, и они идутъ медленно.

Тихо, чтобы никого не разбудить, открывается дверь. Онъ—въ своей проклятой, такой красивой шляпѣ, первый выходитъ изъ двери и оглядывается по сторонамъ: не видитъ ли кто? Нѣтъ ли кого въ саду?

— Никто, никто не видитъ!—беззвучно, не шевеля губами, отвѣчаетъ ему Еленучча.—Въ саду нѣтъ никого. Не безпокойся!

Въ темноту подъѣзда онъ сдѣлалъ жестъ, означающій: «Никого нѣтъ. Иди».

Выходитъ она, закутанная въ кружева; видна ея тонкая, худая рука, длинные пальцы, поддерживающіе косынку. Изъ-подъ косынки выбилась на лобъ нѣсколько прядей волосъ...

— Красива ты,—беззвучно, не шевеля губами, говоритъ ей Еленучча,—не спорю съ тобой. Ты—королева.

Они идутъ къ воротамъ. Ворота чугунныя, рѣшетчатыя и, кажется, что на противоположной стѣнѣ, залитой свѣтомъ, кто-то начертилъ строгій черный узоръ.

Еленучча одной ногой выступаетъ на освѣщенную дорожку. Онъ дѣлаетъ шагъ къ воротамъ, она смотритъ имъ въ спины, боится, чтобы не оглянулись, и тоже дѣлаетъ шагъ къ подъѣзду. Вотъ они проходятъ одно окно,

другое. Вотъ третье. Онъ знаетъ, что за этимъ окномъ спитъ она, Еленучча.

— Неужели даже не взглянетъ? Неужели не вспомнитъ?

Все замерло въ Еленуччѣ. Куда дѣлось дыханье? Расширились глаза, больно имъ, будто она, не моргая, смотритъ на солнце, въ сто разъ большее, чѣмъ солнце, висящее на небѣ въ лѣтній день. Стынетъ рука, сжимающая камень, холодный камень.

Не взглянулъ. Прошелъ мимо.

Зажглось сердце. Опять загорѣлась огнемъ рука, въ которой—холодный камень.

Открываютъ ворота. Спускаются по порожкамъ.

Еленучча взмахиваетъ правой рукой: въ ней—камень. Какъ хорошо видитъ глазъ! Какъ широка его спина!

— Бросить-ли?—мелькнула въ послѣдній разъ мысль и не родилось въ мозгу отвѣта.

Вдругъ они остановились. Сейчасъ должны выйти на улицу. Тамъ ихъ всякій можетъ увидѣть,—поэтому нужно проститься здѣсь. Тонкія руки высвободились изъ-подъ кружевъ, обвили кольцомъ его шею.

Темнѣетъ сознаніе. Только ясно видна спина.

И больно, и какая-то сладость на сердцѣ. И прекрасно видятъ глаза, и сильна занесенная вверхъ рука.

Онъ опять, какъ на балконѣ, беретъ руками ея лицо, любуется имъ и говоритъ, вѣроятно:

— Какъ красивы твои глаза!

Знакомыя слова. Развѣ ихъ забудешь?

И все сильнѣе дѣлается рука, вѣрнѣе, чѣмъ самые дорогіе друзья, видятъ глаза.

Онъ цѣлуетъ ея глаза. Ей принадлежащіе поцѣлуи отдаетъ другой.

— Любишь?

Можетъ быть, она крикнула это слово?

Потемнѣло на мгновеніе сознаніе.

— Трахъ!

Въ спину. Прямо. Хорошо.

Еленучча юркнула въ дверь и, пригнувшись, побѣжала къ себѣ.

Въ комнатѣ тихо и темно. Слава Богу, мать спитъ.

Еленучча скользнула подъ простыню, накрылась съ головой, затаила дыханіе. Тишина, тишина... Молчаніе. Идетъ время. Скоро утро. Кончаются ночныя празднества. Расплывутся рыбы: кто въ Искію, кто въ Прочиду, кто въ Сорренто.

...Кровь льется изъ сердца. Слезы льются изъ глазъ. Ахъ, эти слезы! Иногда ихъ камнемъ не вышибешь, а иногда онѣ сами льются, и ничѣмъ ихъ не сдержишь, и ихъ много: ихъ хватитъ до самаго утра.

Ослабли руки. Поникла голова.

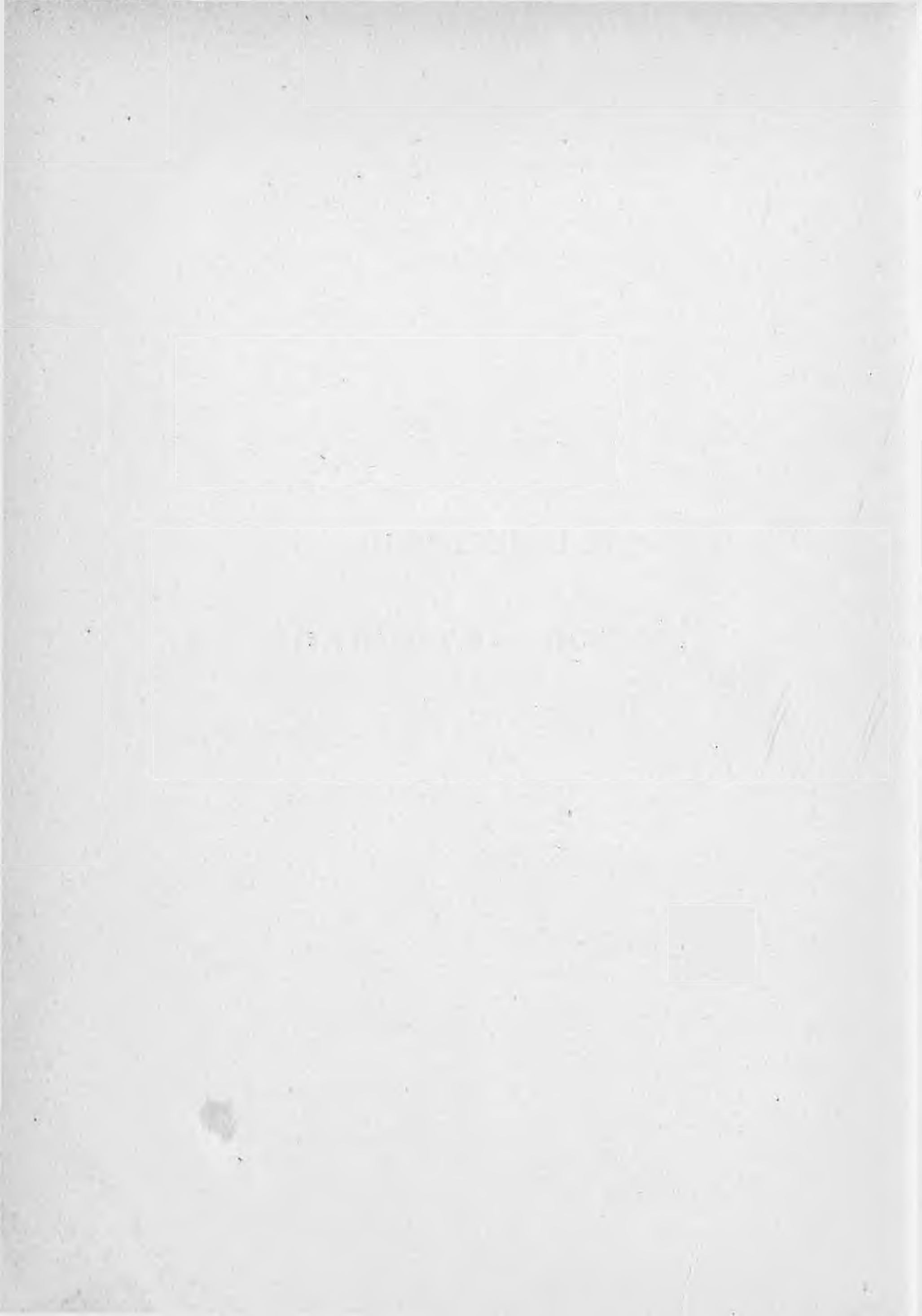
А мать что-то говоритъ во снѣ. Какъ будто ругаетъ Пасквалино.

— Пасквалино, Пасквалино, важный Пасквалино! Хоть бы ты пожалѣлъ, хоть бы ты слово сказалъ! Одно только слово! Я бы за тебя вышла замужъ и былъ бы ты хозяинъ отеля и самъ бы билъ маленькихъ мальчишекъ!.. шепчетъ Еленучча...

И. Сургучевъ.

В. ВЕРЕСАЕВЪ

Марья Петровна

Она узнала о несчастьѣ три дня назадъ. Къ ней зашла передъ обѣдомъ вдова ея старшаго сына, служившая продавщицею у Мюра и Мерилиза; минутъ пять разсѣянно говорила о пустякахъ, а глаза были большіе, настороженно-серьезные. Потомъ вздохнула, поблѣднѣла и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Мамаша, приготовьтесь... Съ Васей несчастье.

Потомила еще съ минуту, вынула изъ кармана газету и показала пальцемъ. Въ спискѣ раненыхъ и убитыхъ стояло:

«*Скончались отъ ранъ:* ...Голиковъ, Василій Ивановичъ, прапорщикъ.»

Это былъ младшій сынъ Марьи Петровны.

Всѣ эти три дня Марья Петровна бѣгала по Москвѣ, чтобъ разузнать что-нибудь о сынѣ,—гдѣ умеръ, можно ли получить тѣло для похоронъ. Робко стояла съ поднятыми бровями въ пріемныхъ, почтительно заговаривала съ важными писарями и сердитыми чиновниками. Но такое у нея было скучно-желтое лицо и выцвѣтшіе глаза, такой неувѣренно-настойчивый голосъ, что всякій, къ кому она обращалась, нетерпѣливо закусывалъ губу, глядѣлъ въ полоборота и говорилъ:

— Сударыня, вѣдь русскимъ же вамъ языкомъ объясняютъ...

Была она на эвакуаціонномъ пунктѣ при Николаевскихъ казармахъ, оттуда ѣхала на трамваѣ въ Астраханскія казармы, въ военный госпиталь. Посылала телеграммы въ главный штабъ, въ полкъ, гдѣ служилъ сынъ.

Нигдѣ ничего не удалось узнать. И ужъ больше нечего было предпринимать. Но ей трудно было оставаться въ сыроватой своей комнатѣ, гдѣ торчала въ углу вязальная машина, гдѣ сосѣдки и родственницы равнодушно сочувствовали и равнодушно восхваляли покойника. И она ходила по улицамъ въ своей старой лисьей шубейкѣ, останавливалась на перекресткахъ, неподвижно смотрѣла сухими глазами—и шла дальше. Слезъ не было. Душа сжалась въ мерзлый, колючій комокъ, нельзя было глубоко вздохнуть, и некуда было дѣваться со своею тоскою и ужасомъ.

Качаясь, какъ на волнахъ, проносились автомобили съ красными крестами, санитарные вагоны скользили по трамвайнымъ рельсамъ,—и сквозь стекла видны были желтыя, исхудалыя лица и повязки, повязки. Въ витринѣ писчебумажнаго магазина пестрѣли яркія картины и открытки, и все было о войнѣ. Отъ одной открытки Марья Петровна не могла оторваться: нѣмецкій солдатъ съ оскаленнымъ, звѣринымъ лицомъ, съ каскою на затылкѣ и винтовкою въ рукѣ, побѣдно попиралъ ногою тѣло женщины; кругомъ валялись трупы дѣтей, сзади чернѣли клубы пожарнаго дыма.

Ужасъ былъ въ душѣ: лютая, безпощадная сила встала и навалилась на землю. Бьютъ, крошатъ, уродуютъ. И за что? Кто ихъ трогалъ? За что вдругъ набросились на Россію? Что сдѣлали! Что сдѣлали!

Темнѣло. На низкой колоколенкѣ, притулившейся подъ стѣною семиэтажнаго дома, звонили къ вечернѣ. Марья Петровна вспомнила, какъ сладко плакала вчера во время панихиды, когда запѣли «Со святыми упокой», и вошла

въ церковь. Было безлюдно, грустно и торжественно; гулко звучали возгласы священника; въ полумракѣ, надъ лѣсомъ огненныхъ язычковъ, свѣтилось кроткое лицо съ поднятою рукою и съ надписью: «Пріидите ко мнѣ...»

Марья Петровна глядѣла на образъ, дышала съ легкимъ стономъ, сухо и деревянно крестилась. И вдругъ все внутри затрепетало отъ злобы, и она поспѣшно вышла. Въ темномъ тупичкѣ за церковью, гдѣ никого не было, Марья Петровна прижалась щекою къ кирпичному углу сторожки и, стиснувъ зубы, стонала долгими, прерывисто-протяжными стонами, и смотрѣла въ темноту сухими, ненавидящими глазами.

И опять она ходила по улицамъ, тоскующая и смертно-одинокая, и все больше смерзалась душа въ колючій, спирающій дыханіе комокъ. О, только бы одной, одной бы только милости: чтобы очутиться около безцѣннаго тѣла, и чтобъ цѣловать милую, курчавую голову съ крутыми завитками у висковъ, припасть губами къ кровавымъ ранамъ,—«скончался отъ ранъ»... *«скончался отъ ранъ»!*— и плакать, плакать, на-смерть изойти слезами.

Чернѣла посреди улицы огромная тріумфальная арка. Налѣво, въ глубинѣ понижавшейся площади, громоздились купола и башенки, свѣтились огненные циферблаты часовъ. Вокзалъ... Здѣсь, тому два мѣсяца, Марья Петровна провожала сына на войну.

Сама для себя незамѣтно, она очутилась на вокзалѣ, походила по буфетной комнатѣ и вышла на пустынные перроны подъ желѣзными навѣсами. Сторожа съ бляхами мели длинными метлами темный асфальтъ. На отдаленной платформѣ, подъ свѣтомъ электрическихъ фонарей, темнѣли толпы солдатъ, пробѣгали санитары съ красными крестами на рукавныхъ повязкахъ.

Она поплелась туда. Вдоль платформы тянулся длинный зеленый поѣздъ, санитары подносили изъ глубины

вокзала носилки съ людьми и ставили возлѣ поѣзда. Большими кучками стояли солдаты, опираясь на костыли, съ руками на перевязяхъ, съ повязанными головами. Марья Петровна, жалостливо пригорюнясь, уставилась на солдатиковъ—и вдругъ отшатнулась. Батюшки, да что это? Невиданая форма, говорятъ межъ собой,—ничего не поймешь, кругомъ—солдаты со штыками.

Марья Петровна спросила человѣка въ желѣзнодорожной фуражкѣ съ малиновыми кантиками:

— Это кто же такіе будутъ?

— Кто! Плѣнные!

— Плѣ-ѣнные!..—Она высоко подняла брови.—Австріяки?

— Австріяки есть. А вонъ-они нѣмцы!

— Куда же ихъ везутъ?

— Въ Орелъ перевозятъ...—Желѣзнодорожникъ внезапно сдѣлалъ строгое лицо и сказалъ:—Послушайте, посторонней публикѣ здѣсь запрещается присутствовать.

И лѣниво отошелъ. Марья Петровна смотрѣла, широко раскрывъ глаза. Такъ вотъ они какіе!

Русскій прапорщикъ въ очкахъ небрежнымъ голосомъ,—видно, отъ скуки,—разговаривалъ по-нѣмецки съ бородатымъ плѣннымъ германцемъ. Странно было: такой обыкновенный, рыжій нѣмецъ, такъ добродушно улыбается, фуражка-безкозырка, какъ ермолка; подумаешь, и вправду добрый человѣкъ. А что, злодѣи, дѣлаютъ! Съ нимъ рядомъ стоялъ другой нѣмецъ, молодой, высокій и красивый, съ русыми усиками. Вотъ этотъ сразу видно было, что звѣрь: гордый! Смотрѣлъ мимо, ни на кого не глядя, и презрительно сдвигалъ тонкія брови.

Прибѣжалъ фельдфебель, приказалъ плѣннымъ выстроиться попарно, крикнулъ: «маршъ!» Они двинулись нестройною, колыхающеюся вереницей. Ковыляли, опираясь на костыли, поддерживали другъ друга подъ руки.

Двинулся и красивый нѣмецъ съ русыми усиками. Мать честная! Онъ былъ безъ ноги! Вмѣсто лѣвой ноги отъ самаго паха болталась пустая штанина. И нѣмецъ прыгалъ на одной ногѣ, обѣими мускулистыми руками опираясь о длинную палку.

Быстро прошелъ военный докторъ съ сѣденькою бородкою и черными бровями. Онъ что-то сердито крикнулъ фельдфебелю. Фельдфебель растерянно скомандовалъ:

— Стой!

Плѣнные остановились. Докторъ кричалъ на санитаровъ около вагоновъ. Бородатый нѣмецъ, весело смѣясь, балагурилъ съ другими плѣнными, а самъ поддерживалъ подъ руку своего сосѣда, красавца безъ ноги. Марья Петровна поглядывала на пустую штанину, колыхавшуюся въ воздухѣ. Безногій, все такъ-же презрительно сдвинувъ брови, потиралъ застывшія руки и кашлялъ простуднымъ кашлемъ. Было только начало октября, но уже пятый день неожиданно завернули морозы. Вѣтеръ порывами заносилъ подъ навѣсъ перрона сухой, колючій снѣгъ. Нѣмецъ кашлялъ часто и подолгу: видно, сильно простудился. А шинелишка легонькая. «И чего ихъ въ вагоны не посадятъ?»—брезгливо подумала Марья Петровна. И все приглядывалась съ враждою къ нѣмцу: кашляетъ, руки иззябли, прыгаетъ на одной ногѣ, а сколько спѣси! И не взглянетъ ни на кого, какъ будто и не люди для него.

Подошелъ другой докторъ, съ лицомъ трамвайнаго контролера, и сиплымъ голосомъ сказалъ фельдфебелю:

— На тотъ конецъ отправить восемьдесятъ человѣкъ!

Плѣнныхъ двинули впередъ и стали вводить въ вагоны. Сзади надвинулись другіе плѣнные. Теперь это были австрійцы, въ мышино-сѣрыхъ шинеляхъ и грязныхъ, давно нечищеныхъ штиблетахъ. Огромный австріецъ съ молодымъ, дѣтскимъ лицомъ, стоялъ на костыляхъ, бе-

режно держа на вѣсу раненную ногу въ повязкѣ; рядомъ стоялъ другой австріякъ, смѣшно-маленькій, съ лицомъ пухлымъ и круглымъ. Они вполголоса разговаривали по-польски, и по тону, какимъ они говорили, чувствовалось, что они—большіе друзья; это чувствовалось и по тому, какъ маленькій заботливо оправилъ шинель на плечахъ большого и застегнулъ ему подъ подбородкомъ верхнюю пуговицу. Такое у большого было милое, дѣтское лицо, и такъ безпомощно висѣла межъ костылей огромная нога въ повязкѣ... Что-то дрогнуло и горько задрожало въ груди у Марьи Петровны.

Тяжело раненыхъ вносили въ вагоны, отъ подъѣзда подносили новыхъ. Носилки стояли длиннымъ рядомъ. У ногъ Марьи Петровны лежалъ раненный въ грудь венгерскій гусаръ въ узкихъ красныхъ рейтузахъ. Какое непріятное лицо! Тонкія, влажныя губы подъ извилистыми, тонкими усиками; нехорошіе черные глаза, какъ мелкія маслины. Марья Петровна отвернулась.

Полная дама съ двумя черными султанчиками на круглой шляпѣ, наклонившись надъ носилками, говорила понѣмецки съ тяжело-раненымъ германцемъ. Она выпрямилась и шумно вздохнула.

— Говоритъ, дома у него трое дѣтей осталось, жена больная... И никто не знаетъ, что съ нимъ... Вотъ бѣдный!

Съ соломенной подушки смотрѣли глаза, глубоко ушедшіе въ свою одинокую скорбь; и смерть невидимо уже отмѣчала своею печатью осунувшееся лицо; бѣлесые усы обвисли на губѣ, какъ у трупа.

Полной дамѣ хотѣлось выразить ему свое сожалѣніе и сочувствіе, и она говорила на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Ihr abscheulicher, schlechter Kaiser! Warum hat er diesen Krieg angefangen!

Кипѣла суетливая работа по нагрузкѣ. Санитары по-

спѣшно вносили носилки въ вагоны. Пробѣжалъ фельдфебель и столкнулся съ спѣшившимъ навстрѣчу прапорщикомъ.

— Еще пятнадцать человѣкъ въ 5,—распорядился прапорщикъ.— Остальныхъ легко-раненыхъ назадъ, въ теплушки!

— Слушаю-съ!

Фельдфебель сталъ отсчитывать плѣнныхъ, беря каждаго за плечо; послѣднимъ попалъ маленькій, пухлый австріякъ.

— Пятнадцать! Буде! Веди ихъ впередъ, живо!—скомандовалъ фельдфебель конвойному.

Большой австріякъ съ дѣтскимъ лицомъ, на костыляхъ, остался здѣсь. Онъ растерянно и умоляюще замычалъ, маленькій просяще потянулся къ нему, что-то стараясь объяснить руками фельдфебелю. Фельдфебель грозно сказалъ:

— Ну-ну!

— Живо! Живо!—торопилъ прапорщикъ.

Маленькій австріякъ уходилъ съ другими къ паровозу, хромой, опираясь на костыли, смотрѣлъ ему вслѣдъ. И Марья Петровна прочла въ его дѣтскихъ глазахъ покорную готовность на страданіе и ощущеніе неизбѣжности всего, что̂ бы съ нимъ ни дѣлали.

Марья Петровна своимъ тусклымъ и неувѣреннымъ голосомъ обратилась къ полной дамѣ:

— Ну, что, развѣ можно! Зачѣмъ ихъ раздѣлили?

— Кого раздѣлили?—спросила дама тѣмъ небрежнымъ тономъ, какимъ всѣ разговаривали съ Марьей Петровной.

Марья Петровна не отвѣтила и опустила голову. Прапорщику это нужно было сказать, ему объяснить,—онъ бы распорядился ихъ не раздѣлять. Маленькій устроилъ бы хромого въ вагонѣ, ухаживалъ бы за нимъ, сбѣгалъ бы для него за кипяточкомъ,—было бы имъ обоимъ другъ

отъ друга тепло... А теперь,—выгрузятъ ихъ въ Орлѣ, одинъ въ одной командѣ пойдетъ, другой—въ другой, раздѣлятъ навсегда. И кто ихъ послушаетъ, если станутъ проситься другъ къ другу? Марьѣ Петровнѣ матерински жалко было хромого, и стыдно было, что она не сумѣла ему помочь.

Венгерскій гусаръ съ непріятнымъ лицомъ лежалъ на носилкахъ, оправлялъ на себѣ рваную шинелишку и стучалъ отъ холода зубами; его извилистыя губы подъ тонкими черными усами стали лиловыми. И у этого опять Марью Петровну поразило выраженіе глазъ: онъ неподвижно смотрѣлъ въ потолокъ желѣзнаго навѣса, весь ушедши въ свою муку, и даже не думалъ просить жалости и помощи: какъ будто все это такъ и должно было быть. И онъ лежалъ среди людей, какъ въ пустынѣ, дрожалъ, постукивая зубами, и его согнутыя колѣнки въ грязныхъ рейтузахъ ходили ходуномъ. На вискѣ, подъ околышемъ фуражки, чернѣли крутые завитки волосъ.

Марья Петровна вдругъ стала задыхаться. Дрожащими руками она поспѣшно разстегнула свою лисью шубку. Разстегнула, скинула шубку и покрыла лежавшаго венгерца. Горячія волны ударили ей изъ груди къ горлу. Она припала губами къ курчавой головѣ венгерца, и цѣловала ее, и плакала,—о сынѣ своемъ плакала, объ иззябшемъ венгерцѣ, обо всѣхъ этихъ людяхъ. И больше не было въ душѣ злобы. . . . .

В. Вересаевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

— Золотое дно. Разсказы 1903—1907 гг. Ц. 1 р. 25 к.
А. Бѣлорусовъ Парижъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Его же. Франція. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).
В. Вересаевъ. Разсказы, т. I, II, III, V по 1 р.
— Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.
— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
— Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій). Ц. 1р. 25 к.
(Изданіе автора.)
— Живая жизнь, ч. II. (О Ницше). Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Вольновъ. Юность. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).
И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разсказы. Ц. 80 к.
М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.
Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
То же, ч. II—Ц. 1 р. 50 к.
С. Елпатьевскій. Разсказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Разсказы, т. II, изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы, т. III, готовится къ печати.
— За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
— Близкія тѣни. (Воспоминанія.) Ц. 75 к.
(Изданіе автора.)
— Крымскіе очерки, съ иллюстр. Ц. 1 р.
М. Коцюбинскій. Разсказы, т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ѳ. Крюковъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критическія статьи. Ц. 1 р. 25 к.
Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. Ц. 1 р.
Иванъ Новиковъ. Разсказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.
А. Новиковъ-Прибой. Морскіе разсказы. Ц. 1 р. (Печатается).
А. Серафимовичъ. Снѣжная пустыня. (Разсказы, т. I). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Со звѣрями. (Разсказы т. V). Ц. 1 р. 25 к.
— Сухое море. (Разсказы, т. VIII). Ц. 1 р. 25 к.
С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:
— Т. I. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VII. Преображеніе (готовится къ печати).
Рабиндранатъ Тагоръ Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев. А. Пушешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
Н. Телешовъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р.
— Черною ночью. Разсказы, т. II. изд. 2-е. Цр. 25. 1 к.

— Золотая осень. Разсказы, т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
— Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. 2-е. (Чарушникова.) Ц. 1 р.
— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Корни жизни, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VIII. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IX. Золотой боръ. Ц. 1 р. 50 к.

К. Треневъ. Владыка. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:
— Т. I. Заволжье, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Разсказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.
— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
— Т. V. Хромой баринъ, ром. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. На войнѣ. Ц. 1 р.
— Т. VII. Двѣ жизни (готовится къ печати).

А. П. Чеховъ. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 60 к. Изд. 2-е.
— Письма, т. II. (1888—1889 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к.
— Письма, т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 25 к.
— Письма, т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
— Письма, т. V. (1897—1900 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.

А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.

Ив. Шмелевъ. Разсказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. V. (Волчій перекатъ. Виноградъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. I. (Распадъ.) Ц. 1 р. Изд. Т-ва «Знаніе».

Г. Яблочковъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
— Слѣпая душа. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Крэмбъ. Германія и Англія, пер. съ англ. (печатается).

Д-ръ Чарльзъ Сароли. Англо-германская проблема, перев. съ англ. (печатается).

Война и Польша. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. Ц. 75 к.

